

ԱՅԲ

Միջազգային
այերենագիտական
Գիտաժողով

1982

Երևան

ԲԵԼ

ТЕЗИСЫ

3

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА им. Р. АЧАРЯНА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ
ПО АРМЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

21—25 сентября 1982 г.

Р II 493165

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1982

ACADEMY OF SCIENCES OF THE ARMENIAN SSR
INSTITUTE OF LINGUISTICS

INTERNATIONAL SYMPOSIUM
ON ARMENIAN LINGUISTICS

September 21—25-th, 1982

A B S T R A C T S

YEREVAN 1982

АРСЕН АЙТЫНЯН – ИСТОРИК АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. Крупнейший армянский лингвист XIX века А.Айтынян считает, что для правильного решения проблемы выбора литературного языка необходимо изучение пройденного языком исторического пути, "освещение" настоящего прошлым. Он создает свою теорию развития армянского языка, научная ценность которой сохраняется и поныне. Осознание тесной связи между явлениями синхронического и диахронического характера и сочетание при анализе этих двух подходов приводят его к примечательным выводам большой научной значимости.

2. А.Айтынян представляет историю армянского языка не как линейное движение и простую смену грабара ашхарабаром, а как историю сложных и разнохарактерных взаимоотношений двух языковых качеств. Исходя из научно-обоснованных теоретических принципов и опираясь на углубленный анализ письменных памятников, он показывает, каким образом с течением веков постепенно меняются взаимоотношения грабара и ашхарабара.

3. Меняется не только направленность, но и характер взаимоотношения грабара и ашхарабара. В древний период это взаимоотношение предстает как отношение функционально-стилистических вариантов; этим вариантам приписывается также определенная социальная соотнесенность (социально-стилистическая вариативность). Вследствие постепенного превращения ашхарабара в литературный язык социально-стилистическая дифференциация языка отступает на второй план, грабар и ашхарабар в этот период характеризуются различием в сферах функционирования (функциональная вариативность). Изменения, имевшие место в течение более чем десяти веков, принимают в новое время такие размеры, что грабар и ашхарабар – старый и новый литературные языки – в определенном смысле могут быть квалифицированы как разные языки (временная вариативность).

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Пополнение лексики современного армянского языка происходит главным образом за счет терминов, что обусловлено беспрецедентным научно-техническим прогрессом и в связи с этим расширением сферы действия и развитием функциональных стилей языка.

2. Бурное развитие терминологии активизирует определенные способы терминообразования. Терминообразование осуществляется двумя способами — лексическим и синтаксическим.

3. Два отмеченных пути терминообразования, относящиеся в структурном плане к разным уровням языка, одновременно характеризуются семантико-функциональной общностью.

4. В основе терминостроительства по способу словообразования лежат основные словообразовательные средства армянского языка. В области терминообразования эти средства характеризуются разной степенью активности, наличием специфических особенностей с точки зрения количества и характера словообразовательных компонентов.

5. Терминообразование по способу сочетания слов достигло больших масштабов. Если в прошлом термины, образованные сочетанием слов, имели ограниченное употребление, то на современном этапе развития армянского языка этот тип терминообразования приобретает новое качественное значение и получает весьма широкое распространение в разных функциональных стилях.

6. Характерными для современного терминообразования являются: широкое применение принципа экономии и соответственно принципа условности образования, наличие терминологических вариантов определенного типа и т.д.

7. Сравнение терминостроительства армянского языка с терминостроительством в других языках показывает, что с течением времени в этой области достигаются значительных масштабов типологические общности, обусловленные аналогичными потребностями развития разных языков, сходством экстралингвистических обстоятельств, взаимовлиянием языков.

ОБ ИРАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Основные вопросы, связанные с иранскими заимствованиями (этимология, определение фонетических законов и источников заимствованных слов) всегда находились в центре внимания арменистов. Некоторые наши замечания касаются принципов различения иранских заимствований.

2. Этимология большинства слов, считавшихся иранскими, достаточно обоснована. Однако анализ обширного материала позволяет выдвинуть новые проблемы, новые принципы исследования, некоторые уточнения:

а) Иногда смешиваются критерии различения заимствованного корня и армянских образований от этих корней (q-q'j2, q-njđ = žnjđ, шп-njq, шцш2ju-шр-и1 и др.). Слова такого рода должны считаться армянскими.

Не следует считать заимствованным также сложное слово, один из компонентов которого является армянским (шпршш1 = stor - шш1).

б) Заимствованиями не должны считаться также те члены омонимичного ряда, которые с данными значениями употребляются только в армянском языке. Например, ршqn14 (1) "рука" и ршqn14 (2) "свекла". Последнее есть армянское слово.

в) Есть случаи, когда армянские авторы употребляют иранские слова, переводя или интерпретируя их значения. Ср. ... րը [ʕnjʁ] Կռիւն գիւղու, [ʕʁjʁ] Կռիւն, [цшриу] шпршqn14 (Греки называют գիւղու, армяне - Կռիւն, персы шпршqn14): словами такого типа являются шʁш2, Գուրգուш, Կեմուղ, которые должны исключаться из числа заимствования.

3. Некоторые слова (ршш, Լանգ, шпрի4//шпршш1) непосредственно можно связать с их соответственной индоевропейской формой, однако они считаются иранскими лишь потому, что употребляются и в иранском.

4. При исследовании заимствований очень важно выявить их функциональную роль. Ряд слов имеет очень низкую частотность употребления (1-2 раза : шцрqn14, шшшшшшшшшш и др.). По нашим подсчетам число таких слов превышает 130. Это так называемые

мые "неосвоенные" слова, которые всегда воспринимались как иноязычные.

Другая группа заимствований выражает понятия, относящиеся к государственной и религиозной жизни Ирана (դիւրմազդէտ, դիւնաւ, հաւազդեմ, փռշտիւնիւնիւնը и т.д.). Такие термины и слова со значимостью терминов также должны быть отделены от обыкновенных заимствований.

5. Хронологическую классификацию заимствований можно представить следующим образом (имеется в виду время засвидетельствования заимствованных слов в древнеармянский период): большинство заимствований засвидетельствовано с V века, с VI века нет засвидетельствованных слов, с VII в. дошло до нас около 70 слов, с VIII-XI веков — приблизительно 25. В основной словарный фонд армянского языка вошли слова, засвидетельствованные в V веке. Слова, засвидетельствованные в последующие века, большей частью имеют небольшую функциональную нагрузку.

Т.М.АВЕТИСЯН (Ереван, СССР)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРМЯНСКИХ ФАМИЛИЙ

I. Различаются понятия "армянская фамилия" и "фамилия армян". Последнее понятие слишком обширно и иногда трудно определимо.

II. Армянская фамилия — окончательное и совершенное проявление антропонимической системы, т.к. она представляет собой деривационно сложный комплекс, включающий в себя другие виды антропонимов: личное имя, отчество, матроним, дедовство, прозвище и т.д. и противопоставленный им своими структурными, социальными и функциональными особенностями.

III. Структурная особенность армянских фамилий проявляется наличием в них специальных фамилеобразующих формантов.

IV. В системе армянских фамилий внутренние заимствования связаны с переходом родовых имен в разряд фамилий типа Ама-туни, Айунц и т.д.

V. Фамилеобразующие форманты генетически однородны — они все исконно армянские. Фамильные основы могут быть заим-

ствованы, при этом заимствования производились из языков тех народов, с которыми общались армяне.

УІ. Семейные основы классифицируются следующим образом:

- І. Личные имена: а) неизменные - Абгарян, Гегамян, Егиазарян,
б) вокативная форма - Татоян, Хачоян, Хчеян,
в) уменьшительно-ласкательная форма - Арикян, Артикян, Багдикян,
г) диалектная форма - Артинян, Артушян, Гокорян,
д) усеченные - Атурян /Хачатурян/, Тандилян /Автандилян/, Тянян /Арутюнян/,
е) с фонетическими изменениями - Сакаян, Тармазян, Тавредян.
2. Прозвища: а) род занятий или профессия - Арцатагорцян, Арабаджян, Сазандарян,
б) внешняя или внутренняя особенность - Аздаарян, Агвесян, Тамбалаян, Карчикян.
3. Топонимы: Астапатцян, Эрзумцян, Шарурян, Капанцян.
4. Номены: Агаян, Епископосян, Варпетян, Терте-
рян.

УІІ. Обращается внимание на фонетические и грамматические явления, проявляющиеся на стыке основ и фамилеобразующих формантов.

М.А.АГАБЕКЯН (Ереван, СССР)

УДАРЕНИЕ В ДОИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Мнения лингвистов о характере и функционировании ударения армянского языка в доисторическом периоде различны. В

нашем исследовании делается попытка дать новое объяснение некоторым явлениям, дополняя и обосновывая ту или иную известную гипотезу.

1. Ударение в армянском языке доисторического периода падало на предпоследний слог и вызывало звуковые изменения в фонетическом составе слова.

2. Гласный заударного слога выпал, а согласный или сонант сохранились; предполагается, что дифтонги с сонантами *i и *u также редуцировались. Этому закону подчинялись не только слова индоевропейского происхождения, но и заимствования доисторического периода. Например: *hing* "пять", **penque*, но *hngetasan* "пятнадцать", **stel* (рядом с **ster*) *astz* "звезда", но *astelani* "звезды", *angz* им.ч. *angelk* "ушко"

перс. *angul*, *kuṣr* "смола", аккад. *kuṣru*. Следовательно, выпадение заударных гласных происходило после распада индоевропейской общности, на армянской почве.

3. Находясь между двумя одинаковыми гласными, сонант выпал, если ударение падало на последующий гласный (ср. *noçoro* > *nor* "новый"; при склонении или спряжении, по закону унификации слова *ç в парадигме сохранялось; ср. *hov* "прохлада", род.п. *hovoy*; *kov* "корова", род.п. *kovoy*// *kovu*).

4. На морфологическом уровне вышеупомянутый закон заударного слога тоже действовал. Это дает основание предполагать, что в армянском языке доисторического периода ударение не имело морфологической функциональной нагрузки. Благодаря этому закону, морфологические парадигмы слов изменились, создав новые структуры, отличные от индоевропейских. (Напр., им.п. **mater* > *mayir* > *mayr* "мать", род.п. **matros* > *maur* им.п. **vedoi* > *get* "река", род.п. **vedovlo* > *getoy*, дат.п. **vedoi* > *getoy* > *get*, который совпал с формой им. падежа, *berem* "несу", ср. староинд. *bhārami*, *berē* "несет", ср. староинд. *bhāratī*).

5. С выпадением гласного заударного слога последний ударный слог замыкается согласным или сонантом. Благодаря этому, в языке возникает общая тенденция, по которой под ударением может находиться слог длиной в две моры.

6. Вследствие действия этой тенденции в армянском языке открытый ударный слог превращался в двухморный, посредством прибавления к нему сонанта у. В пользу прибавления финально-

го у (а не какого-либо другого звука) можно высказать следующие соображения:

а) В армянском языке с этой целью был использован сонант (а не согласный), т.к. в этот период преобладали слоги с сочетанием гласный + сонант.

б) Если для слов протоармянского языка предположить окончание на *в, как это характерно для многих и.-е. языков, то до редукции послеударного слога был период, когда с переходом *в > у слова начали оканчиваться на у. С выпадением гласного последнего слога выпадал также у, оказавшись после согласного или сонанта. Однако, до общего распространения этого закона, конечный открытый слог слов (в основном заимствований) по необходимости превращения в двухморный, закрывался сонантом у.

в) И наконец, финальный у мог возникнуть вследствие дополнительной экспирации, при сильном и длительном (т.е. более одной моры) произношении ударного гласного.

Э.Б.АГАЯН (Ереван, СССР)

РАЗВИТИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ РОЛЬ СОВРЕМЕННОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. С установлением советской власти в Армении были созданы широкие возможности как для развития экономической и политической жизни армянского народа, так и для развития его национальной культуры, в том числе родного языка.

2. Расширились общественные функции восточноармянского языка — одного из вариантов национального литературного языка — которые до этого ограничивались художественной литературой, печатью, скудной сетью школ и частично театром. Восточноармянский язык стал государственным языком Советской Армении, что явилось мощным фактором разработки, усовершенствования и развития литературного языка для обслуживания в сфере государственной жизни. В настоящее время наш язык полностью удовлетворяет требованиям, выдвигаемым деятельностью государственно-официальных, управленческих и дипломатических органов.

3. До учреждения советского строя литературный армянский язык был доступен только небольшой части армянской интеллигенции. Широкие массы населения в основном были неграмотны, не владели литературным языком и говорили на диалектах.

Созданная в 20-ые годы широкая сеть школ позволила ликвидировать безграмотность и сделать доступным для широких масс язык печати и литературы. Этому в значительной степени способствовали театр и радио, которые доводили до слушателей живую разговорную речь на литературном языке. Результатом этого явилось то, что сегодня весь наш народ владеет литературным языком и в повседневном общении употребляет разговорный вариант литературного языка.

4. С учреждением советского строя экономика нашей страны коренным образом изменилась. Мощный подъем промышленности и сельского хозяйства обусловил дальнейшее развитие нашего языка, нацеленного на удовлетворение требований науки и техники, промышленности и сельского хозяйства.

Уже в 20-ые годы усилиями известных специалистов и языковедов были составлены терминологические словари, которые стали прочной основой дальнейшего терминовтвора.

Функционирование нашего языка в области науки и высшего образования в значительной степени расширило сферу употребления армянского языка.

В настоящее время армянский литературный язык является развитым и богатым языком, полностью удовлетворяющим требованиям высших учебных заведений и нашей многоотраслевой науки.

5. Расширение сферы общественных функций литературного языка требовало его разработки, обогащения и усовершенствования. Дело унификации и нормирования языка стало государственным и общенародным делом. Уже в 30-ые годы был организован Терминологический комитет, который разработал основные принципы унификации, нормирования, обогащения и усовершенствования нашего литературного языка.

6. Историческая судьба армянского народа предопределила осуществление двух разных литературных языков — западноармянского и восточноармянского. Это обстоятельство, естественно, выдвигает важнейшую проблему создания общенационального литературного языка, предполагающего постепенное сближение двух вариантов.

ТЕРМИНОЛОГИЯ РИТОРИКИ НА ГРАБАРЕ В ХУШ-ХІХ ВЕКАХ

Термины риторики в древнеармянском языке ХУШ-ХІХ веков являются продуктом реализации внутренних потенций лексики армянского языка и результатом заимствования иноязычных терминов. По сравнению с соответствующей терминологией классического грабара они отличаются разнообразием словообразования, синтаксического сочетания и применения в речи, а в процессе развития языка — проявляют разную степень жизнеспособности. Наряду с терминами, известными по предшествующим этапам истории армянского языка, здесь появляются терминологические новообразования, термины, обусловленные новым смысловым применением слова, термины, образованные по словообразовательным нормам классического грабара, термины-словосочетания и иноязычные термины.

1. Новые термины образуются по общим словообразовательным моделям армянского языка; при этом имеются сложные (հրապարակագիր // հրապարակամտեր "надпись, протокол", նմանակ — *парономасия* "парономасия", նմանակ — *бромотелентот* "сходный по окончанию", նշանակող — *бромелототот* "стоящий в одном и том же падеже, сходный по падежной форме"), суффиксальные (բաղադրություն — *бумплогкэ* "сплетение, соединение, связь, сочетание", բնակչություն — *парайхэис* "возрастание, увеличение, усилие", համարություն — *бунекдохэ* "синеκδοха", նախադասություն — *прокаталиψис* "предвосхищение, упреждение") и сложно-суффиксальные (առարկանություն — *avoritea* "сорит, цепь умозаключений", երկաշարանություն — *δίλημμα* "дилемма", պակասակնություն — *submissio* "понижение, спокойный тон", լավարանություն — *какоζηλος* "неудачно подражающий, лишенный вкуса") термины.

2. Термины, обусловленные новым смысловым применением слова, выделяются на основании того, что в соответствующих словарях грабара, наряду с их известными значениями, не даны их терминологические значения (առաջնություն — *υπερβολή* "преувеличение, гиперболла", բազմազանություն — *πολυσύνθετος* "многосоюзность, полисинтетон", գուրդրություն — *conjunctio* "связь,

отношение).

3. В соответствии с нормами классического грабара составляют такие термины, которые не только параллельны терминам, имевшимся до сих пор и употреблявшимся до этого авторами указанного периода, но также нарушают устоявшуюся традицию применения терминов в этот же самый период (ալլաբանութիւն и ալլաառնութիւն - *ἀλληγορία* "аллегория", փոխաբերութիւն и փոխիւնութիւն - *μεταφορά* "метафора", բացառութիւն и դարձութիւն - *ἀποστρόφη* "апострофа").

4. В некоторых риторических трудах применяются термины-словосочетания, образованные по моделям, более характерным для армянского языка нового периода (անպահանջ աշխատանքութիւն - *περίεργία* "ненужный труд, излишние хлопоты, суетливость", խորհրդակցական բան "совещательная речь", նախառական բան "укоризненная речь").

5. В большинстве случаев иноязычные термины являются вторичными формами, объясняющими армянские термины (ազդուարանութիւն, րոպ յունաց էմֆազիս ասացել ("резко выраженная речь, по гречески - эмпфаза", բաժանորդութիւն, րոպ լատինացւոց տիրութիւնը "разделение, по латыни - дистрибуция"), а частично - заимствованиями. Последние применяются либо отдельно (ալլաօգի - *ἀλλοίωσις* "изменение, неменяемое состояние", անթիւթագի - *ἀντίστασις* "противная сторона", "сопротивление", եփբերիգի - *ἐπίκρσις* "примешивание, присоединение"), либо - с переводным армянским вариантом (ալուկսէգի - լայնաշարժութիւն - *αὐξήσις* "возвеличивание", դիդնալ - երկաթ - *δύλλημα* "дилемма", լէփթութիւն - մանրամասնարանութիւն - *λεπτολογία* "тонкое умствование").

А.Н.АНЕЯН (Ереван, СССР)

ЗВОНКИЕ ПРИДЫХАТЕЛЬНЫЕ *h* и *h'* В ДИАЛЕКТАХ И ИХ
ВЗАИМОСВЯЗЬ С ДРЕВНЕАРМЯНСКИМ ИНИЦИАЛЬНЫМ СОНАНТОМ *y*

I. В отличие от литературных вариантов современного армянского языка, которые имеют обычно один придыхательный звук - фарингальный глухой фрикативный *h* - в центральных и соседствующих с ними диалектных ареалах армянского языка обнаруживаются парные придыхательные звуки: глухой *h* и звон-

кий h. Один из них уподобляется по звучанию вышеназванному h, а другой противопоставлен ему по признаку звонкости (ср., *huda* "здесь" - **huda* "Иуда"; *hum* "сырой" - **hum* "чей"). В прилегающих к этим говорах, где древнеармянскому *h* соответствует *x* (*has^c* - *xas^c*), сонант h, так же как и звонкий ффрикативный h, в соответствующих ареалах употребляется как единственный придыхательный звук.

2. В историческом плане звонкие придыхательные h и h в общем соответствуют u грабара, который передавался на письме. Иначе говоря, указанные диалектные ареалы продолжают различать инициальные u и h грабара, в противоположность современным литературным языкам, в которых эти звуки идентифицировались и слились в один звук *h* (ср., грабар - *has^c, uisun*, совр. вост. арм. лит. яз. - *has, hisun*, диалекты - *has^c/xas^c, his^csun/hisun*).

3. Каждый из диалектных звонких придыхательных употребляется в своем ареале также и в функции протетического звука, отсутствующего в литературных языках (*arik^c~harik^c, hārik^c*). Это явление в указанных ареалах действует шире и активнее, чем протеза глухого *h*, представляющего собой более древнее явление (*alewor~halivor, xalivor*), встречающееся лишь в небольшом количестве слов и по характеру непродуктивное. Следовательно, в указанных диалектных ареалах так называемое явление протезы в словах с инициальным гласным в основном реализовалось в придыхательных, которые восходят к u грабара. Отметим кстати, что это явление уходит своими корнями в грабар (ср., восходящие к V веку пары с u и без u: *araĵ~uaraĵ, uĵ~uĵ* и современные диалектные формы: *hāraĵ, hūĵik, hūĵ*).

4. Все указанные ареальные явления (наличие парных придыхательных на месте древнеармянских u и h, отражение инициального u грабара разными придыхательными, явление протезы, восходящей к u, слияние инициальных u и h в обоих литературных языках) ставят под сомнение ту укоренившуюся в арменистике точку зрения, согласно которой инициальный u грабара был строго палатальным звуком (йот). По всей вероятности, u в грабаре или, по крайней мере, в центральном ареале древних диалектов имел также фарингально-придыхательный оттенок

и протизоноставлялся h по признаку звонкости.

5. Об этом свидетельствует также общность h и y, существовавшая в грабаре, что просматривается на протяжении всей истории армянского языка, начиная с древнейшего периода. Таковы: а) этимологическая общность (h, y, $\emptyset$ на месте индоевр.

*р, и *в; отражение протоиндоевропейских фарингальных как в h, так и в y); б) корреляционная общность (в корнях, имеющих этимологическую общность: hing - yisun, hat-yat); в) функциональная общность (в качестве протетического звука в словах с инициальным гласным).

6. Если принять во внимание то обстоятельство, что диалектные ареалы, для которых характерно наличие звонкого придыхательного h, имеют также звонкий придыхательный согласный, наличие которого в грабаре ныне, видимо, не подлежит сомнению, то следует также признать и существование прототипа этого придыхательного в грабаре - сонанта y. Парность придыхательных, характерная для центрального ареала современных диалектов, имеет, по-видимому, глубокие корни в древнейшем периоде истории армянского языка.

С.М.АНТОСЯН (Ереван, СССР)

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ПАССИВА В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Можно проследить следующее историческое развитие пассива в армянском языке:

1) В грабаре нет специального аффикса для выражения страдательного значения. Оно выражается в парадигме спряжения морфологическими средствами, а в некоторых случаях противопоставление "действительный/страдательный" остается невыраженным.

В формах, образованных от основы настоящего времени, оно чаще всего выражается с помощью показателя спряжения h (qrh-qrh 'qrh h, qrh h'), а в формах, образованных от основы прошедшего времени - с помощью тематического гласного sh (qrhgh-qrhgh 'qrhgh, qrhgh). Страдательное значение неизменяемых глаголов (спряжения на h) в форме ед. числа

повелительного наклонения передается посредством основы прошедшего времени – под ударением (qrbw-qrbwg 'qrbir, qrbir').

Другие способы выражения пассива в грабаре:

а) причастие прошедшего времени + глагол [rbir]. Этот способ особенно применим в формах повелительного наклонения некоторых неправильных глаголов (qbir, qbir-birwal [bir, birwal [birbir 'qbir, qbir -qrbir, qrbir');

б) различные аналитические сложные слова.

Например, для значений qawtibil и qawtibil - qawtibil far-
qawtibil и qawtibil wnbil соответственно (,bi birbil bounil rbi-
rbil wnbil wnbil rbrbrt' bbt zbl wrbil qawtibil wnbil, wjl
qawtibil farqawtibil, Езник Кохбаци).

Армянский язык стремился избавиться от многообразия способов выражения пассива и найти универсальную форму.

2) В среднеармянском языке аффикс -q- служит формальным способом выражения страдательного значения. Выступая вначале в неопределенной форме, аффикс затем употребляется во всех причастных формах и в парадигме спряжения (например, ,, bbt
nrbir, nr qawb wnbilrbil [rbil rbl rwbilbil, . . , farqir qrbil
t rwbilbir bil nr qrbilbil, и т.д.).

В среднеармянском языке встречаются также способы выражения пассива, характерные для грабара.

3) В процессе исторического развития аффикс пассива -q- стал единственной универсальной формой для выражения страдательного значения. В раннем ашхарабаре пассив уже выражался исключительно с помощью аффикса -q-. Из разговорного ашхарабара этот способ выражения пассива перешел в новые литературные языки.

В восточноармянском литературном языке ни один из способов выражения пассивного залога грабара не сохранился.

В западноармянском литературном языке только некоторые глаголы, относящиеся к спряжению на b, и поныне сохранили форму и значение, присущие пассиву в грабаре.

Например, qrbil 'qawtibil bil', qrbil 'qawtibil bil'.

В диалектах армянского языка пассив также образуется с помощью аффикса -q-.

К ВОПРОСУ О КЛАССИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ (ИЛИ ПЕРИОДЕ
ЗОЛОТОГО ВЕКА) В РАЗВИТИИ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. Концепция, связанная с существованием классического периода в развитии армянского языка, была выдвинута более 120 лет назад.

2. По мнению венских мхитаристов, литературный язык и стиль первых 60 лет V века существенно отличаются от литературного языка и стиля последующего периода. Они разграничили их в качестве классического и постклассического периодов армянского языка, отдав предпочтение первому. Они не пользовались словарным запасом и стилем книг, написанных позже 60-х годов V века (к примеру, Хоренаци, Егише, Парпеци) и в своей переводческой практике использовали лишь словарный запас и обороты классического армянского, суживая, таким образом, рамки литературного армянского языка с его богатейшими возможностями.

3. Такое тенденциозное разграничение вызвало возражение со стороны венецианских мхитаристов.

4. Последующие исследования показали, что такое разделение армянского языка на язык классического и постклассического периодов было сделано по аналогии с разделением латыни на периоды развития, без углубленного научного исследования истории развития армянского языка. При этом не были учтены системные языковые и хронологические факторы. Утверждение, что язык и стиль книг, написанных позже 461 года, отличаются от языка и стиля книг, написанных до 461 года, научно не обосновано.

5. Тем не менее, отмеченные мхитаристами различия в языке и стиле указанных периодов были обобщены Р.Ачаряном как исторический факт - в 18 пунктах в его "Истории армянского языка". Однако при внимательном филологическом и лингвистическом изучении каждого пункта выясняется, что ни один из них научно не обоснован.

НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПО ДИСТРИБУТИВНОМУ АНАЛИЗУ
СМЫСЛЫХ ЛИТЕРАТУРНОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. Трехчленная система смычных армянского языка (звонкие, глухие и глухие придыхательные) – фонологически четко разграничена и составляет ядро армянского консонантизма.

Целью нашего исследования является выявление дистрибуции смычных в трех звукопозициях – начальной, срединной и финальной, в сочетании с гласными, сонантами и смычными.

2. Исследовано 555 конкретных звукопозиций. 16 рядов звуковых моделей и 9 таблиц максимально представляют все рассмотренные нами звукопозиции и звукокомплексы.

Представляем эти модели:

Начальная позиция – 1. CV; 2. CS; 3. CC

Срединная позиция – 1. VCV; 2. VCC, CCV
3. SCV, VCS; 4. SCS

SCS; 5. SCS, CCS; 6. CCC

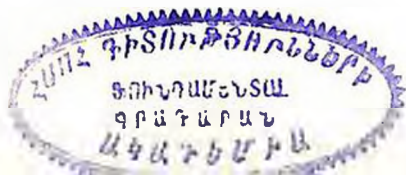
Финальная позиция – 1. VC; 2. SC; 3. CC

В указанных позициях (кроме финальной) на произносительном уровне при сочетаниях двух и более взрывных имеем или внутрислоговой гласный *ə*, неотражающийся на письме, или же взрывные распределены по разным слогам (*get-nel*, *ab-gar*).

3. Выявлены отношения графического и произносительного уровней звукокомплексов к их функциональной нагрузке и частоте встречаемости. Произносительный и графический уровни звукокомплексов мы соотносим с уровнями фонетическим и фонематическим.

4. Были учтены не только функционирующие (при наличии одного случая включительно) звукокомплексы, продуктивность данных звукокомплексов по функциональной нагрузке и частоте встречаемости, но и потенциально вероятные звукокомплексы, которые не противоречат произносительным нормам языка.

5. Наличие промежуточного гласного /*ə*/ на произносительном уровне при стечении согласных (а также на графическом уровне при переносе) в начальной и срединной позициях (образования с префиксами исключаются) для армянского языка рас-

считается как обязательное и закономерное. Произнесение без промежуточного гласного / ə / для армянского литературного языка рассматривается как "артикуляционный неологизм", не гармонирующий с его произносительными нормами. Следовательно, не правомерно употребление в отношении армянского языка понятия "стечение смычных".

М.Е.АСАТЯН (Ереван, СССР)

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ВОСТОЧНОАРМЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И АРАРАТСКОГО ДИАЛЕКТА

1. Развившись на основе араратского диалекта, восточноармянский литературный язык тем не менее не отождествляется с ним и отличается от него определенными фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями. Вот почему возникает необходимость выделения и определения компонентов литературного языка, берущих начало из самого диалекта, с одной стороны, и прочих источников – с другой, в особенности, из древнеармянского языка.

2. В армянской лингвистической литературе развивалась точка зрения о том, что якобы в восточноармянском и западноармянском литературных языках в звучании слов произошел общий сдвиг в сторону древнеармянского языка, и на пути перехода от диалекта к литературному языку слова вновь обрели свои древнеармянские формы. Однако этот сдвиг имел определенные ограничения и непосредственно был связан с правилами чтения древнеармянских текстов, ставшими устойчивыми в XIX веке, но которые должны были отражать хотя бы самые основные особенности народно-разговорного произношения.

3. Ставя вопрос таким образом, в то же время не следует упускать из виду то, что значительная часть слов восточноармянского литературного языка действительно имеет грабаровскую форму. Однако это объясняется тем, что данные слова имеют те же формы и в араратском диалекте.

4. С точки зрения вокализма араратский диалект является одним из самых "чистых" наших диалектов. Система гласных

(h, t, p,) араратского диалекта совпадает с вокализмом восточноармянского литературного языка. Однако литературный язык отличается от араратского диалекта произношением грабаровских дифтонгов, что является результатом заимствования или влияния грабара.

5. Обладая трехчленной оппозицией в системе консонантизма грабаровского типа (p-ʔ-φ, ʔ-s-ʃ и т.д.), восточноармянский литературный язык отличается от араратского диалекта, которому приписывается четырехчленная оппозиция (p'-p-ʔ-φ, ʔ'-ʔ-s-ʃ и т.д.). Это различие стало возможным, поскольку звонкие придыхательные взрывные араратского диалекта являются позиционными вариантами простых звонких взрывных и не имеют смысловоразличительной функции.

6. В оглушении звонких взрывных (p, ʔ, ʔ, 2, ʃ) в некоторых позициях в середине и на конце слова между восточноармянским литературным языком и араратским диалектом существенных различий нет.

7. Восточноармянский литературный язык несколько отличается от араратского диалекта произношением первоначальных глухих взрывных. Это выражается в том, что в первом озвончении глухих взрывных вообще не происходит, а во втором это явление проявляется частично в середине и в конце слова.

А.А.АСМАНГУЛЯН (Ереван, СССР)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. Изучение терминов родства того или иного языка или группы языков имеет большое значение для сравнительно-исторических исследований, поскольку данная терминология представляет собой один из древнейших пластов лексики. Одновременно данная терминология является ключом для изучения родовой организации и исторического развития семьи у различных народов. Этим и объясняется неослабевающий интерес в индоевропейском языкознании к изучению терминов родства; результаты этого изучения находятся в центре внимания исследований, связанных с индоевропейской палеонтологией, и используются в целях рекон-

структуры семьи и родовой организации индоевропейских народов.

2. Лексико-семантическое поле терминов родства армянского языка в историко-этимологическом плане до сих пор в целом еще не изучено. Армянский материал появляется в сравнительно-исторических исследованиях и в этимологических словарях спорадически, при этом приводятся лишь те термины родства, которые вошли в научный обиход как слова, засвидетельствованные в древнеармянских памятниках и имеющие индоевропейское происхождение.

3. Необходимой предпосылкой систематического и углубленного историко-этимологического исследования армянской терминологии родства является установление по возможности более полной картины данной системы терминов в армянском языке с привлечением также соответствующего диалектного материала, что весьма важно не только для установления закономерностей исторического развития семьи и родовой организации у армян в глубокой древности (для более глубокого освещения некоторых лингвистических и этнографических, антропологических проблем), но и для уточнения ареального положения армянского языка среди других индоевропейских языков.

4. Исследование всей системы терминов родства армянского языка, отраженной как в древнеармянском литературном языке, так и в современных диалектах, дает возможность для уточнения и пересмотра старых интерпретаций происхождения этих терминов и этимологизации ряда неэтимологизированных до сих пор древнеармянских слов и диалектных корневых лексических единиц, среди которых сохранилось немало слов индоевропейского происхождения.

Г.А. БАГИРОВ (Баку, СССР)

АРМЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Азербайджанский народ истари находится в соседстве с братским армянским народом. Не случайно, что имеется много общих и сходных черт в традициях и обычаях, в музыкальном искусстве этих двух народов. Взаимосвязь в различных областях

культуры и быта между азербайджанским и армянским народами широко освещены в литературе и кинематографии.

2. Вполне понятно, что политические, экономические, культурные и другие связи между азербайджанским и армянским народами, а также их непосредственное соседство находят свое отражение и в языке. В результате контактирования азербайджанского и армянского языков на протяжении тысячелетий было заимствовано много лексических элементов как из азербайджанского в армянский язык, так и наоборот. Это явление также исследовано в соответствующей литературе.

3. В говорах азербайджанского языка на территории Армянской ССР встречается ряд интересных армянских лексических элементов, которые до сих пор не стали предметом самостоятельного научного исследования. Анализ этих лексических элементов позволяет прийти к выводу о том, что некоторые из них проникли в азербайджанский язык относительно давно и путем устного общения. Примечателен тот факт, что отдельные армянские слова широко употребляются не только в говорах азербайджанского языка на территории Армянской ССР, но и в азербайджанском литературном языке и в других его диалектах и говорах: андыр-антер "беспризорный" (Ср.: Андыра галмыш нэ аман сәсләнир. М.А.Сабир), дыга//тга "мальчик", һарсын//һарс "невестка", "женщина", хурдз//хорум "сноп", муматерт "соты", хум "глава отряда", һиливер "пожилой человек" и т.п. Большинство же слов армянского языка в Сисянские говоры азербайджанского языка проникли после установления советской власти и относятся к различным областям народного хозяйства: анаһатдых "частнохозяйственность", ашхор "трудодень", баһесд//паһест "склад", баһар//паһак "стой", банак//банак "солдатская служба", варн аһар термин в пчеловодстве, дашдаваракан "полевая бригада", чоранотс//чоранос "табачная сушилка", маснакерт//маснагет "специалист", наһага//наһагаһ "председатель", оһагавар//оһакавар "звеньевой", һаг//һак "груз", һәшваһаб//һәшваһап "бухгалтер", чаһат "поверхность", шәһәтор "субботник" и т.п.

4. Армянские лексические элементы иногда встречаются и в прозе Дж.Мамедкулизаде (Дж.М.), А.Ахвердиева (АА), Н.Нариманова (НН) и Ю.В.Чемеземинли (ЮВ) – писателей, которые жили и творили в конце XIX и в начале XX в. Эти лексические элементы

и цель их употребления подробно рассматриваются в докладе на основании конкретных примеров.

5. В заключении доклада дается фонологический и морфологический анализ армянских лексических элементов в азербайджанском языке, прослеживаются их семантические сдвиги, определяется роль этих элементов в деривации; особо рассматривается вопрос семантического окружения, в котором употребляется то или иное армянское слово в азербайджанском тексте.

Х.Г.БАДИКЯН (Ереван, СССР)

СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ СОВРЕМЕННОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Теория фразеологии, которая имеет сравнительно недолгую историю, в настоящее время достигла такой степени развития, что вполне обоснованно выделяется в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Фразеологическая единица /ФЕ/ выступает в языке в одном случае в функции слова в качестве какого-либо члена предложения, а в другом имеет значимость коммуникативной единицы и соотносится с предложением.

Соотносимые со словом ФЕ в плане выражения являются словосочетаниями, а в плане содержания — понятиями /словами/ и имеют признаки грамматических категорий той или иной части речи. Эти признаки зачастую являются решающим фактором для ФЕ и выполняют важную дифференцирующую роль при определении ее смысла.

I. Грамматическая категория актуализации имеет решающее значение при формировании и смыслоразличении ФЕ: в армянском языке многочисленные ФЕ моделируются только при помощи артикла, без артикла их нельзя считать даже свободными словосочетаниями (աշըր Կոչըռ, լեզուն անսովորել, ոտըր քարին տակել).

В большом количестве ФЕ определенный артикль выполняет роль смыслоразличительного признака.

Ср.: հաց կտրել "породниться, облизиться", ուտել "сварить обед", կյանք տալ "стать жизнеспособным, возродиться", ուրախանալ "лишить жизни", հոգի հանել "пошутить, разыгрывать", ուրախանալ "притеснить, замучить".

Чаще всего именно с помощью артикля обычные словосочетания становятся ФЕ (սպասար տալ "сварить обед" и տալու տալ "прочитать", դաս տալ "давать уроки" и դասը տալ "прочитать", ծախել տալ "звать", ծախելու տալ "предоставить слово").

2. Грамматический признак лица также является для ФЕ важным формообразующим и смысловозначительным фактором. Артикли *ու* и *դ* в качестве грамматического показателя ФЕ, зачастую придают одному и тому же словосочетанию прямо противоположные значения: *աշխարհ դուրս գալ*, *լուսնը խաղալի* – выражение сожаления, а *աշխարհ դուրս գալ*, *լուսնդ խաղալի* – выражение порицания (проклятия).

3. Грамматическая категория числа также имеет важное формообразующее значение для ФЕ: показатель множественного числа номинативного компонента ФЕ зачастую полностью изменяет смысл словосочетания; так, совершенно разными понятиями являются *ընկեր ընկենել* и *ընկերն ընկենել*, *ծնոր բարձրացնել* и *ծնորերը բարձրացնել*, *ոտը երկարացնել* и *ոտերը երկարացնել* и др.

4. Грамматическая категория падежа номинативного компонента ФЕ создает большое смысловое разнообразие в словосочетаниях, состоящих из одних и тех же компонентов.

Ср.: именительный и винительный падежи – *աշխարհ ընկենել* (*դի րանի*) "нацелиться на что-либо"; дательный падеж (с неопределенным артиклем) – *աշխարհ ընկենել* "овладеть вниманием, отличиться"; дательный падеж (с определенным артиклем) – *աշխարհն ընկենել* "появляться, случайно обнаружиться"; отложительный падеж – *աշխարհը ընկենել* "потерять уважение"; творительный падеж – *աշխարհով ընկենել* – то же, что родительный и дательный падежи; предложный падеж – *աշխարհում ընկենել* "потерять – уважение".

5. Категории залога и переходности/непереходности глагольного компонента ФЕ играют большую роль при формировании глагольных ФЕ: в противопоставлениях действительного и среднего, действительного и возвратного залогов заключено большое

смысловое многообразие глагольных ФЕ-(ծել ու քարք քշել и ձել ու քարք քշվել, հոգւն խննել и հոգւն խնցնել и др.).

6. Порядок слов, как средство грамматического выражения семантики, также имеет большое значение в структурной оформленности ФЕ.

Ср.: Սալիս նա "нету, не имеется" и Տա ասիվիս "дай бог, да будет, было бы"; Արար լիւնաշ հնծել и լիւնաշ արար հնծել..

О.Х.БАРСЕГЯН (Ереван, СССР)

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ И ВОПРОСЫ НАИМЕНОВАНИЙ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ

Формальный анализ или анализ плана выражения

1. Категория времени личных форм глагола в современном армянском языке выражается аналитическими и синтетическими формами. Как в аналитических, так и синтетических формах временное значение имеют только противопоставления морфем, следующих за глагольным корнем. Описание этих морфем дается по классификации Г.Б.Джаукяна (см. "Основы теории современного армянского языка").

2. Предшествующие глагольному корню модальные частицы (ւ, արիւր, որ, եթե, գուցե, իր) в армянском языке не имеют временного значения.

3. В синтетических формах категория времени выражается противопоставлением двух граммем (վազել - վազիւր). Парадигматическая форма վազելի в пределах сослагательного наклонения противопоставляется парадигматической форме վազուի էի (имеющей аналитическое построение) как его видовременной вариант.

Повелительная форма վազի՛ր не имеет противопоставленной ей граммеы. В плане содержания она осознается как отдельная временная форма, противопоставленная временным формам других наклонений.

4. В аналитических формах категория времени выражена двухрядным трехчленным противопоставлением:

I ряд: վազել եմ - վազուի եմ - վազելու եմ

II ряд: վազել էի - վազուի էի - վազելու էի

Внутри данного противопоставления образуются шесть граммем.

Семантический анализ или анализ плана содержания

5. Семантический анализ временных форм носит относительно субъективный характер. Трудно указать на единый принцип, по которому определяются значения (семантемы) граммем, дифференцированных по формальному признаку. Это объясняется грамматической омонимией, контаминацией глагольных категорий, субъективным восприятием и оценкой значений и, в результате всего этого, отсутствием единообразия в употреблении терминов.

6. Противопоставление синтетических форм типа ժողի - ժի-զիլ является противопоставлением времен (будущее-прошедшее).

7. В аналитических формах глагола временной показатель и показатель последовательности действий выступают как подкатегории грамматической категории времени. Времена, образованные с помощью причастия и форм вспомогательного глагола եմ, являются ситуативными, абсолютными (основными) временами, которые имеют граммемы настоящего, прошедшего и будущего времен. Времена, образованные с помощью причастия и форм вспомогательного глагола էր, - относительные времена, являющиеся вторичными формами прошедшего времени.

8. Временные формы глагола обычно имеют первоначальные (первичные), вариативные и производные значения. В них локализация во времени совершения действия носит разный характер.

9. Наименования временных форм глагола в армянском языке могут иметь формальные или семантические основы. Традиционные наименования затрудняют последовательное применение какого-либо из этих принципов.

Применяемая нами терминология имеет в целом семантическую основу.

М.Н.БОГОЛЮБОВ (Ленинград, СССР)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ КОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО
ПЕРФЕКТА ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА

В двусоставном предложении объект переходного глагола в активной конструкции занимает позицию прямого дополнения, в пассивной же - позицию подлежащего; Անոտը շարդիլ է բաժակը "Ашот разбил стакан", բաժակը շարդված է (Անոտի կողմից) "Стакан разбит (Ашотом)". Иначе, судя по данным ряда языков, скла-

дываются синтаксические отношения между объектом и предикатом, выраженным пассивной формой, в односоставном бесподлежащем предложении, если таковое допускается в языке или допускалось в нем в прошлом.

В пассивной конструкции бесподлежащего предложения:

1) объект удерживается в позиции прямого дополнения, 2) субъект помещается в косвенном дополнении, 3) образуются неизменяемые пассивные предикативы, управляющие объектом в аккумулятиве, ср.: русск. Эту башню видно издалека, сев-русс. У волков тут корову йдено "Тут волки корову ели", укр. Нас нашою ж старшиною побито "Нас побил наш же старшина", польск. *praca* (вин.п.) *rozpoczyna się o ósmej* "Работа начинается в восемь", бартангский (вост.-иран.яз.) *Мун-ум аз дим китоб хойч вуд* "Я эту книгу читал", букв. "У меня (мун) эту книгу (аз дим китоб) у меня читано было (хойч вуд)", япон. *Анохито ва тоmodати-ни мити-о осиезарэта* "Товарищ объяснил ему дорогу", букв. "Ему товарищем дорогу объяснено". Такие же синтаксические отношения сложились в древнеармянской конструкции с прошедшим причастием переходного глагола на -*hsh*: *Զգալի իսկ իմ աչիք տեսիմ է* "Я видел русалку (своими) глазами".

Рассматриваемая конструкция спонтанно развивается в языках в условиях бесподлежащего предложения. Управление пассивного предикатива объектом в аккумулятиве сближает пассивную конструкцию с активной и обеспечивает при разрушении флексии переход пассивной формы в активную, как это произошло в истории персидского языка, ср.др.-перс. *krta* "сделанный, -ая, -ое", ср.-перс. *kart* "сделанный" (причастие) и "сделано" (предикатив), н.-перс. *kard* "он сделал".

Дж.БОЛОНЬЕЗИ (Милан, Италия)

ВОПРОСЫ ЭТИМОЛОГИИ И ФОНЕТИКИ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Цель доклада - более внимательное изучение армянской лексики, что позволит выявить сложную картину ее расслоения, указать на ошибки и недостаточную обоснованность принятых по сей день этимологий, выяснить происхождение слов, которые до сих пор оставались недостаточно объясненными или не объяснен-

ными вовсе.

Из анализа ошибочных этимологий армянских слов иногда делались смелые выводы или же не совсем обоснованные заключения, которые сыграли отрицательную роль даже в исследовании фонетики армянского языка.

Поэтому критический пересмотр уже предложенных этимологий, а также новые этимологии, которые мы представим, имеют целью принести несомненную пользу истории армянского языкознания, приведя к более правильной интерпретации фонетических особенностей, которые недостаточно хорошо определены даже в лучших сравнительных грамматиках армянского языка.

Дж. БОНФАНТЕ (Рим, Италия)

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Целью нашего доклада является изучение терминов родства армянского языка и их сравнение с другими индоевропейскими языками. При рассмотрении армянских терминов, относящихся к семье (*dustr* "дочь", *əɬbayr* "брат", *hayr* "отец", *mayr* "мать", *əkesur* "свекровь", *k'ouy* "сестра", *ayr* "муж, мужчина", *kin* "жена", *haren* "невеста", *ner* или *nēr* "жена брата", *ni* "невестка", *spanw* "родитель", "отец", *ordi* "сын", *ustr* "сын", *k'en* "свояченица", *tauyr* "деверь", *tal* "золовка", *amusin* "супруг, супруга", *mawru* "мачеха", *yaray* "отчим"), нас удивляют следующие обстоятельства:

1. В армянском языке имеются все древние термины родства, за исключением лат. *perov*, нем. *Neffe*, греч. *ἀνεψιός* "племянник" и т.д., в то время, как другие и.-е. языки утратили их или же не имеют вовсе; в греческом языке изменилось значение слов "брат" и "сестра", в латинском нет слов "жена", "сын" или "дочь", в балтийском, славянском и анатолийском утратилось древнейшее слово для обозначения "отец", в литовском и албанском слову "мать" придается др. значение. В арм. языке вероятно добавилось несколько слов из арсенала и.-е. слов.

2. Некоторые сохранившиеся в армянском языке термины исключительно редки в языках, в которых они имеются. Напри-

мер, лат. iantrices, leir, gloss, греч. ἡ ἀλως, δ᾿ ἡ ἐρεῖς, ἀντίς.

3. Сохранение терминов родства в армянском тем более разительно, что арм. не является архаичным или консервативным языком, более того, большая часть и.-е. лексики в нем утрачена (мы здесь не говорим о словах явно иранского происхождения). В словаре Вальде-Покорного, напр., слова санскр. происхождения занимают 60 колонок, греч. — 90, латинского около 48, славянского — 60 и т.д. (я здесь указываю только слова хорошо известных языков, оставляя в стороне иллирийский, фригийский, фракийский, а также анатолийский): армянский занимает только 15 колонок, его можно сравнить только с албанским, который занимает 4 колонки (по той же причине, что и арм. или анатолийский — из-за смешения с другими языками).

На фоне этой картины сохранение терминов родства очень знаменательно. Оно несомненно показывает, что предки армян в течение долгого времени сохраняли неизменной патриархальную семью.

З.И.БУДАГОВА (Баку, СССР)

К ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКО-АРМЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Армянские письменные памятники свидетельствуют о древних и тесных историко-культурных связях закавказских народов. Они распространялись на все сферы жизни народов и нашли свое отражение и в их языках. Поэтому значение данных источников велико и в изучении истории языков закавказских народов, особенно азербайджанского. Ибо в них зафиксированы не только события, которые произошли в судьбах азербайджанцев в средних веках, сведения об их историко-культурных связях с армянами и грузинами, но и отмечены слова и лексико-грамматические элементы азербайджанского языка, подтверждающие эти связи. По данным армянских первоисточников начало азербайджанско-армянских языковых контактов можно отнести к средневековью. С тех пор языки двух братских народов взаимно влияли и взаимообогащали друг друга.

Влияние азербайджанского языка на армянский, как следствие азербайджано-армянских языковых контактов, проявилось на всех уровнях: лексическом, фонетическом и грамматическом.

Начальный период азербайджанско-армянских языковых контактов, на наш взгляд, характеризовался главным образом лексическими заимствованиями, частично зафиксированными в армянских письменных памятниках. Количество азербайджанских заимствований в армянском языке, в частности в диалектах, велико, они нашли свое отражение и в антропонимии и топонимии Армении.

В диалектах и говорах армянского языка, представленных на территории Азербайджана и в сопредельной зоне Армении, функционируют улаутированные гласные *ä, ɛ, ü* и фриктивный *ɣ*, характерные для фонетической системы азербайджанского языка, но чуждые для звукового состава армянского языка. Думается, что в указанных диалектах и говорах эти звуки возникли под влиянием азербайджанского языка.

В результате многовековых тесных армяно-азербайджанских и армяно-турецких языковых контактов в структуре новоармянского языка (алхарабара) возник ряд изменений, на что обратили внимание корифеи армянской филологии М.Х.Абегян, Р.А.Ачарян и др.

Азербайджанско-армянские языковые контакты, естественно, имели следствием также заимствование в азербайджанский язык армянских слов. Р.А.Ачаряном исследовано 200 армянских слов, заимствованных в азербайджанском и турецком языках. Часть из них довольно древняя, ибо такие слова, как *t'el* "нитка, струна, челка", *sal* "каменная плита", *pärdi* "бревно, балка", *herik* "осенняя пашня", *urdan* "кувшин для воды" и т.п. отмечены в произведениях азербайджанских поэтов XIV-XV вв.

Немало армянских заимствований и в диалектах и говорах азербайджанского языка, представленных в Армении и в сопредельной зоне Азербайджана.

СИСТЕМА НУМЕРАЦИИ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В системе армянских числительных наряду с инновациями присутствуют глубоко архаичные черты.

В отношении регулярных звуковых изменений архаичные черты обнаруживают качества, несовместимые друг с другом, если принять за основание, что классически* армянский не произошел из различных диалектов или говоров прото-армянского.

Это заявление продолжает ту аргументацию, которая выдвинута мною еще в 1966 году.

Несмотря на определенную смелость этой трактовки, все же я не нахожу иного объяснения таким противоречивым фактам как *veřtasán:vát sun* и др.

С.ГАВАСЯН (Квебек, Канада)

О НЕКОТОРЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ У "ПЕРВОГО" (РОДИТЕЛИ) И "ВТОРОГО"
(ДЕТИ) ПОКОЛЕНИЙ МОНРЕАЛЬСКИХ АРМЯН

Материал настоящего доклада взят из нашей диссертации, представленной в отделение языка и филологии Монреальского университета, в которой мы рассматриваем известные в лингвистике и социолингвистике проблемы языкового развития, взаимоотношения языков и социальной дифференциации языка.

С этой целью произвольно выбрана языковая общность, состоящая из 15 учащихся УП, УШ, IX классов Субботней Национальной школы - 9 девочек и 6 мальчиков - и их родителей. Из последних по ряду причин привлечены только матери.

Имея в виду двуязычную ситуацию в Канаде и, в особенности, в Квебеке (как в общественной, так и политической жизни), мы попытались выявить следующие особенности армянской разговорной речи представителей монреальской колонии армян, проявляющиеся в употреблении трех частей речи - имени существительного, местоимения и предлога :

а) Все морфологические отклонения в речи родителей-детей

от норм разговорного и литературного западноармянского языка.

б) Развитие и изменение разговорной речи родителей-детей под влиянием тенденций упрощения, ассимиляции и других явлений.

в) Функционирование и влияние французского и английского языков на разговорную речь родителей-детей.

Для изучения морфологии указанных трех частей речи у вышеупомянутой языковой общности мы выбрали определенное количество единиц, чтобы дать полную картину употребления этих частей речи. Не забыты характерные признаки этой языковой общности, как то: место рождения, срок проживания в Монреале, возраст, язык образования, степень образования, язык семьи и др.

После изучения и анализа этих данных, с помощью таблиц и схем мы, с одной стороны, представляем частотность и степень дифференциации этих языковых единиц в речи языковой группы родители-дети и, с другой стороны, выявляем так называемую ранговую корреляцию в речи родителей-детей.

Т.В.ГАМКРЕЛИДЗЕ (Тбилиси, СССР)

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ "ГЛОТТАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ" И СИСТЕМА ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

Необходимость типологической реинтерпретации классической системы общеиндоевропейских смычных, которая была предложена нами ранее (ср. I, 2), заставляет коренным образом пересмотреть предысторию развития консонантизма отдельных индоевропейских диалектов. Подобная реинтерпретация общеиндоевро-

I Т.В.Гамкрелидзе, В.В.Иванов, Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных (Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы, М., 1972).

2 Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. Sprachtypologie und Rekonstruktion der gemeinindogermanischen Verschlüsse (Phonetica, 1973, v.27).

пейского консонантизма с допущением для индоевропейского особой серии глоттализированных согласных (со всеми вытекающими из этого структурными последствиями) определяется некоторыми исследователями как индоевропейская "глоттальная теория", сопоставимая с "ларингальной теорией" индоевропейского праязыка.

Постулирование для общеиндоевропейского праязыка типологически естественной консонантной системы с тремя сериями смычных, определяемыми как I глоттализованная (на месте звонкой серии в классической системе), II звонкая (с придыхательными и непридыхательными аллофонами), III глухая (с придыхательными и непридыхательными аллофонами) приводит к реконструкции картины возникновения и развития древнеармянского консонантизма, во многом противоположной той, которая традиционно принималась в классическом индоевропейском сравнительном языкознании.

В свете "глоттальной теории" праиндоевропейская система смычных оказывается структурно ближе к языкам, определявшимся традиционно как системы с "передвижением согласных" (германский, армянский, хеттский), тогда как языковые системы, считавшиеся в отношении консонантизма наиболее близкою стоящими к исходной праиндоевропейской (и в первую очередь древнеиндийская), представляют собой продукт сложных фонемных преобразований первоначальной системы смычных.

В частности, глоттализованная серия I отражается в армянском как серия незвонких смычных, которая в грабаре, возможно, сохраняет еще свой глоттализированный характер, однако, в фонологически преобразованном виде. В древнеармянском (вероятно уже в протоармянском), в котором возникает фонологически релевантная серия глухих придыхательных, признак глоттализации при фонемах серии I становится фонологически нерелевантным (избыточным). Этим и следует объяснить в ряде армянских диалектов утрату признака глоттализации при сохранении незвонкого характера рефлексов фонем индоевропейской серии I:

Ср. арм. *tun* дом при др.-инд. *dam* (в *dám-patih* "хозяин дома") греч. *δομος*, лат. *domus* дом.

Еще более несомненным представляется архаизм армянской системы консонантизма в отношении отражения в нем серии II

индоевропейских смычных звонких придыхательных. Обнаружение в ряде современных армянских диалектов звонких придыхательных звуков, соответствующих в некоторых формах индоевропейским фонемам серии П, ставит по-новому вопрос о возможном отражении в древнеармянском индоевропейских звонких придыхательных.

Дистрибутивный анализ звонких придыхательных звуков в армянских диалектах дает основание считать в них звонкие придыхательные и соответствующие чистые звонкие аллофонами единой фонемы, которую можно охарактеризовать как звонкую фонему с придыханием в качестве фонологически нерелевантного признака. Аналогичные фонологические соотношения следует допустить и в древнеармянской системе в отношении отражения в них индоевропейских звонких придыхательных. Древнеармянский язык, как и ряд современных диалектов, по всей видимости, сохранил почти без изменений аллофонические различия и вероятные модели дистрибуции звонких фонем серии П: Ср. др.-арм. *berem* [bhe-rem] "несу" при др.-инд. *bharāmi*, греч. *φέρω* лат. *ferō*; др.-арм. *dur-k^c d^hur-k^h* "двери" при греч. *θύρα*, лат. *fores*;

Индоевропейская серия Ш (глухие /придыхательные/) отразилась в древнеармянском адекватно в виде глухих придыхательных *p^h, t^h, k^h*. При этом [*p^h*] претерпевает в армянском дальнейшее развитие в *f* → *h* → ∅ (в начале слова). В интервокальной позиции *-ph-* дает *-w-*, являющееся результатом озвончения *f* < *p^h*; *t^h* в аналогичной позиции переходят в *h* → ∅: Ср. др.-арм. *otn* "нога", *het* "след", при лат. *pēs*, греч. *πούς* и др.; др.-арм. *hayr* "отец", при лат. *pater*, греч. *πατήρ* др.-инд. *pitā*; др.-арм. *hoviw* "пастух", при др.-инд. *avi-pa(lā)-* и др.

Анализ древнеармянской системы смычных в соотношении с индоевропейской системой позволяет судить об исключительной архаичности армянской системы. Исходная индоевропейская система смычных не претерпела значительных фонологических трансформаций в армянском. Тем самым с точки зрения глоттальной теории снимается вопрос о "передвижении согласных" в армянском, аналогичном "германскому передвижению согласных", описываемому в классической теории индоевропейского консонантизма "Законом

Гримма". В свете глоттальной теории древнеармянская система смычных наряду с германской выступает как наиболее близко стоящая к исходной индоевропейской системе в отношении сохранения в ней архаичных фонологических соотношений.

Вывод армянской системы из индоевропейской

Традиционная система			Рейнтерпретационная система		
(b)	b ^h	p	(p')	b ^h /b	p ^h /p
d	d ^h	t	t'	d ^h /d	t ^h /t
g	g ^h	k	k'	g ^h /g	k ^h /k
.	.	.	.	.	.
.	.	.	.	.	.
.	.	.	.	.	.
			↓	↓	↓
др.-арм. система			(p [ɸ])	b ^h /b	p ^h
			t [t̪]	d ^h /d	t ^h
			k [k̪]	g ^h /g	k ^h

Л.Г.ГЕРЦЕНБЕРГ (Ленинград, СССР)
К ПРОИСХОЖДЕНИЮ СЛОВА "АРМЕНИЯ"

1.1. Новейшие историко-фонетические разыскания (J.H. Javanoff) показывают, что и.-е. *dh может отражаться в армянском как -r-. В доказательство этого перехода приводилась этимология флексии глагола 2 л.мн.ч. -aruk <-adhuc(e), а также арм. auren "лечь" в сопоставлении с др.-гр. αἰνῶ. Сюда можно добавить арм. boyr <"запах", и.-е. *beudh- или per "внутри", ср. др.-инд. nahyati "связывать", прич.прош. вр. naddhah.

2.2. Если с помощью данного звукового перехода (ie *dh>-r-), подтверждаемого и хронологически определяемого иранскими заимствованиями (ср., например, арм. mark "мидийцы" <*Maδa-), попытаться восстановить предисторию этнонима Armina (др.-перс. и т.д.), то неожиданно обнаруживается близость с др.-гр. Ἔδμ, обозначающим райский сад, "земной рай". Древнееврейский дентальный носовой сонант в ʿāḏēn можно рас-

сма́тривать как результат влияния слова 𐎧𐎶𐎵 "наслаждение, *իծով*", ср. араб. *نعم* "благополучие, спокойствие".

3.3. Предположение о том, что "земной рай" следует локализовать в древней Армении, является в определенном отношении развитием тех воззрений, соответственно которым он располагался в северной Месопотамии. Следует также вспомнить интересное предложение Томаса Манна, справедливо указавшего на абсурдность интерпретации четырех "райских" рек как Нила, Евфрата, Тигра и Брампутры, и видевшего в них, наряду с бесспорными Тигром и Евфратом, — Аракс, текущий на восток, и Галис, текущий на запад.

4.4. Такое толкование позволяет отказаться от этимологии слова "Эдем", состоящей в возведении его к аккад. *edīnu* "степь, пустыня", семантически необудительной; оно указывало бы на благоприятные географические и культурно-исторические особенности того региона, в котором происходило формирование армянского народа; вместе с тем оно не проливает свет на вопрос о древнейших этнических процессах, само слово "Эдем" ожидает убедительной этимологизации.

Л.А. ГИНДИН, А.К. ГУЛАКЯН (Москва, СССР)
АРМЯНСКИЙ И ФРАКИЙСКИЙ В ТРУДАХ В.ТОМАШЕКА

В основополагающем труде В.Томашека "Die alten Thraker, Eine ethnologische Untersuchung" (Wien, 1893-1894) важное место при этимологизации фракийских слов занимают сопоставления с армянским. Специальное обращение к указанному аспекту спустя почти 100 лет после публикации серии работ Томашека вызвано по меньшей мере двумя моментами. 1. Словарь-тезаурус фракийского языка Д.Дечева (Die thrakischen Sprachreste, Wien, 1957), являющийся в настоящее время главным источником материала по фракийскому языку, цитируя реконструкции Томашека, обычно опускает сопоставления с армянским, что привело к отсутствию армянских параллелей в современных работах по фракийскому. Между тем именно армянским фактам Томашек не без основания придавал особое значение. 2. В работах, посвященных связям армянского с древнебалканскими реликтовыми языками,

используется ономастический материал, в то время как по вполне очевидным причинам у Томашека превалирующий интерес вызывает анализ апеллятивной лексики, т.е. глосс и дакийских фитоимов.

Таким образом, армянский лексический пласт, сопоставимый с фракийскими фактами, выявленный Томашеком, практически оказался для науки утраченным.

Из числа 72 рассмотренных Томашеком апеллятивных лексем 17 имеют соответствия в армянском. Среди них 10 сопоставлений выглядят достаточно достоверно.

ἀργυλός ὁ μῦς *Θράκες*. *Ἀργυλός* Томашек отрицает существование значения *μῦς*. Из двух предложенных толкований: "Weissliche Ufersande" и "Riegel, Niemannias", которое сопоставляется с арм. *արգի* (то же значение), лат. *arg*, *arceo* (Т. II, I, 4), второе представляется более удачным и в свою очередь проливает свет на этимологию фр. *argwitas* "ламия": и.-е. **ark*+**wed* "знающая сокрытое" (оближение I компонента с лат. *argentum* арм. *արծաթ* "серебро" менее вероятно).

Βέδω τὸ ὕδωρ *Θράκες*. Считает фракийским: к и.-е. **wed* одновременно сопоставляет с арм. *գետ* "flumen" и *գէլ*, *գիշի* "nass" (*vedio*). Однако арм. *գէլ* восходит к и.-е. **gheidh*-io ср. ст.-слав. *жидькъ* (Ачарян I, 551).

Βρίλων ὁ βαλαγεύς 'Bader, Barbier' *Βρίλων* рп < к и.-е. **bher*- 'sheeren, scheiden, rasieren', арм. *birel*, *brel* 'sarculos abscindere', вторая основа апеллятивного композита -*bir* 'abscindens, fodiens, secans' (Т. II, I, 7). Сомнение в справедливости соположения неправомерно, арм. *bir* "толстая палка" из и.-е. **bhi*-, **bhiro*-: греч. *φίτρος* слав. *biti*, является омонимом к -*bir* 'fodiens' < **bher*.

ῥέντορ τὸ κρεας *Θράκες* = греч. *φατόρ* -Part. pf. *g^uhn-to*: арм. *gan* 'Schlag, Hieb' (Т. II, I, 8).

Δεβα 'Wohnort, Dorf' к и.-е. **dhe*- 'setzen, gründen': арм. *d-ir*, *d-nel* (Т. II, I, 9).

δείζος, διζα реконструируется на основе топонимов, к и.-е. **dheigh*-, **dhigh*- н.-перс. *dēž*, *dez*, etc. 'арх, castellum, murus', арм. *dēzn*, *dez* 'tumulus, agger', *dizel* 'coacervare', гр. *τειχός* (Т. II, I, 9). Ачарян (I, 659) считает *dez* исконно армянским.

καρόλης· προβήλης, индо-ир. корень kam- 'begehren, lieben',
арм. kamož 'amans, desiderans' (Т. II, I, I3). Pokorny
515 и Detschew 225 считают kamož, kamel исконно армянским.

κάττουροι· οἱ Πυγμαῖοι < κάρτουροι, Κάρτουρα PN^ε Kert
'schneiden, abhauen, stützen' арм. karč 'pußilus, nanus',
к. ^{к.} μόβεν· ἡ ξύλινη οἰκία, ἐπαλξίς, πύργος. Μόβενος ON,
и.-е. *mei-, moith- 'aufrichten, bepfalen', арм. moith 'fulcrum'
(Т. II, I, I6).

πόλτην· μόβεν, ἐπαλξίς к и.-е. *pel- *pol- 'füllen, schut-
ten, Erde aufwerfen' арм. hełel 'schütten', hoł 'Erde'
(Т. II, I, I8). Справедливо hełel, но не hoł (и.-е. *pol-
"голый", ст.-слав. polje).

Из 54 дакийских фитонимов 14 сравнены с армянским, из
них 8 вполне убедительны.

βουδάλλα, βουδάβλα· βούγλιωσον; βουарм. ԿԿ (Т. II, 2,
33).

керкер· χελιδόσιον гр. κόρκρας· λαχανον ἄγριοι и
кóркора· ὄρνις Περγαῖοι, арм. kerker 'foulque' (Т. II, 2,
25). К и.-е. kerk- 'schreien'. Интересно семантическое разло-
жение понятия: в греч.- название птицы и растения, во фрак.-
растения, в арм.- птицы. Сюда же, очевидно, фрак. κροιστάνη·
χελιδόσιον, хотя Томашек сравнивает его с арм. cicařn- хот
"ласточкина трава" (Т. II, 2, 25). Однако арм. с < и.-е. *g, cicařn
и.-е. *gar- "голюс/птиц/".

κοτήατα, κοτιάτα 'grasen' арм. хот 'Grass, Halm, frisches
Hau, Pflanze' (Т. II, 2, 30). Убедительнее, чем общеприня-
тая этимология Detschew 532: чеш. kot' ата "сережки на дереве".

κυρίωγηκουμ· γηκουμ к и.-е. *neik- 'aufrichten': арм.
nikh- 'Nebel, membrum erectum'; κύριον возможно к и.-перс.
kir 'penis' (Т. II, 2, 25).

μενδρόντα· λεμόνιον арм. manr, mandr 'Klein, fein', manrel
'verkleinern' (Т. II, 2, 29-30).

προπέδιλα, προπόδιλα· 'Vorderfuss, Fussspitze' к и.-е.
*ped-, *pod- 'Fuss': арм. otn 'Fuss', het 'Fussspur' (Т. II, 2,
30).

φειθοφθέελα, φειθοφθάεελα· ἄδίαγχοι, οἱ δὲ πολύτριχοι,
αἱ δὲ καλλίτριχοι. I компонент фειθο-; арм. phetur 'Feder' II ком-
понент -φθεεεла арм. thitheın 'Schüppchen, Blättchen'. Оба

компонента к и.-е. *pter- "перо, крыло, лист" (Т. II, 2, 33). И.-е. *pter > и.-е. *pet-r- > арм. thir семантически разошедшееся на thew "крыло, перо" и ther "лист, сторона". zured. zuoste ჯოობჳთჳ, к и.-е. *gher-: арм. džer'hitze' (Т. II, 2, 28).

Анализируя фитонимы amalusta ჯოობჳთჳ, კრობჳტჳთჳ, Томашек вычленяет суффикс -ust и сравнивает его с суффиксом в арм. hagusť, aprusť.

Мы не касаемся параллелей с армянским, проводимых Томашеком при анализе фракийской ономастики, т.к. именно эти разделы претерпели значительную деформацию. Кроме того, в работах современных арменистов этот материал используется.

Выводы Томашека весьма примечательны.

1. Фракийский "прежде всего по фонетическим признакам" восточноевропейский язык, особенно близкий к армянскому.

2. Индоевропейские формы во фракийском претерпели такие же изменения, как и в армянском. В подтверждение приводится пример на сходное передвижение согласных (и.-е. *g^hhn фрак. γέντοу и арм. gan).

3. Проводится различие между фракийским и дакийским, которые относятся к восточноевропейской группе и близки армянскому.

Р.К.ГОРГАДЗЕ (Тбилиси, СССР)

НЕСКОЛЬКО ЗАЙМСТВОВАНИЙ В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ ИЗ АРМЯНСКОГО

1. Армянское слово բարձակալ (բարձ-ш-լակ) "наклонная дощечка в головах кушетки, поддерживающая подушку" в том же значении перешло в грузинский язык из тбилисского диалекта армянского языка в формах barčakal и barčankal-i

2. Армянское слово բաց (< բաձակ) в той же форме перешло в грузинский язык и употребляется только с прилагательным цветообозначения, например: bací mcwane "светлозеленый".

3. Грузинское слово kalamgir-i "злоупотребляющий пером, много пишущий", по всей вероятности, возникло в районах с преобладанием армянского населения. Составляющие этого слова -

kalam-i "ручка, перо" и gir (< qir) (подобно словам Կալամազիր, Գրչազիր и др.).

4. karkota "мелкий град" происходит от армянского слова Կարկոտ (с чередованием гласных u-o) и встречается в кахетинском диалекте.

5. Слово koḡorurti "одежда покойника, которую передают священнику" попало в грузинский язык по-видимому из тбилисского диалекта армянского языка (от формы Կոգորուրտ < Կողորուրտ).

6. Грузинское lic-lic-i "заполненный до краев жидкостью" это сложное слово (lic -lic -i), которое, по-видимому, образовалось при повторе армянского lrg (< լնուլ, լցնուլ).

7. Армянское слово փափաճիչ (փափ-բաճ-իչ) "широкая металлическая посуда с дырочками для отцеживания воды" в том же значении перешло в кахетинский диалект plawkamič -i plawkamič-i.

Вышеупомянутые слова встречаются в письменных текстах XIX-XX вв. и отражены в толковом словаре современного грузинского языка. Два из них (baci, liclic-i) употребляются в грузинском литературном языке, а остальные - либо диалектного характера, либо представляют собой архаизмы.

Дж.А.К.ГРЕППИН (Кливленд, США)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛУХИХ ПРИДЫХАТЕЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

История происхождения глухих придыхательных (p', t', k') в древнеармянском языке остается неясной. Эти фонемы, параллели которых обнаруживаются в индоевропейских языках, в греческом и санскрите, в течение долгого времени оставались предметом споров. И хотя в отношении рядов глухих придыхательных согласных греческого и санскрита была проделана значительная работа (Бикес, 1969, Хирш, 1961), в отношении соответствующих согласных армянского языка почти никакого прогресса не замечалось (Винтер, 1965). Обзор всей системы придыхательных глухих согласных, проведенный Хиршем, хотя и был обстоятельным, но привел к странным результатам. Невладение армянским материалом сыграло решающую роль для такого разочарования.

Основная проблема при обсуждении данных армянского языка заключается в том, что ученые часто недостаточно критически относятся к корням, используемым ими в качестве материала /инвентаря/. Часто используют этимологии, даваемые Покорным в Индоевропейском этимологическом словаре, без достаточной критической оценки.

Используя традиционный инвентарь армянских корней, содержащих глухие придыхательные согласные, можно заметить, что армянский материал находится в большей близости с санскритскими и греческими данными и дает больше оснований для решения данной проблемы через ларингальную теорию (СН) или через отражение *v-mobile*, как было предложено Хиршем.

Однако, следует заметить, что данное узкое рассмотрение материала армянского языка не дает полного решения этой старой проблемы происхождения глухих придыхательных. Достижением данной работы является скорее нормализация корней, которые могут быть использованы в качестве материала армянского языка, и в этом смысле разрешение некоторых проблем.

В.М.ГРИГОРЯН (Ереван, СССР)

О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Описательная грамматика принципиально должна быть строго привязана к данному языку как объекту дескриптики. Ее основная задача — дать адекватное отображение специфики объекта — во всей его неповторимости, единственности и типологии отношений с другими языками.

Язык (в том числе и армянский) следует понимать как явление внутренне двуединое: как систему (язык как исторический объект) и структуру (актуализируемую в речи). В первом случае тождественность языка самому себе определяется последовательностью шагов — от каждого данного состояния к каждому новому, детерминированному предыдущим. В этом смысле можно говорить о грабаре и всех разновидностях ашхарабара как об армянском языке.

Тождество структуры самой себе определяется набором пра-

вил, в соответствии с которыми элементы ее иерархии вступают в отношения динамического взаимодействия. Утверждается, что набор этих правил практически неповторим — он варьируется от структуры к структуре.

В докладе делается попытка проанализировать приложение приведенных соображений к армянскому языку. В частности, рассматривается вопрос о единстве таких его свойств, как аналитическая флективность глагольной парадигмы и агглютинативная природа его именного словоизменения (с очевидными исключениями в нее флективных дериватов, составляющих так наз. "исключения").

На фоне этих предположений и анализа приводимого материала делается вывод об эффективности предлагаемой точки зрения для достижения адекватного описания армянского языка.

В.Л.ГУКАСЯН (Баку, СССР)

К ИСТОРИИ АРМЯНСКО-УДИНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Удины на протяжении своей многовековой истории, находясь в гуще исторических событий, в силу ряда социально-экономических, политических, религиозных, а также географических обстоятельств вступали в более или менее тесные этнические и языковые контакты с различными народами Закавказья, в том числе и с армянами. Однако эти контакты в зависимости от эпохи и контактирующего языка проявлялись на разных уровнях. Армянско-удинские языковые контакты начались с древнейших времен и продолжались вплоть до XX века. Историю этих контактов условно можно разделить на два периода: 1) с античных времен до X века; 2) с X по XX столетие.

1. Если в первый период влияние армянского языка на удинский в основном заключалось в лексических заимствованиях, то во второй период, вследствие интенсивных армянско-удинских языковых контактов, оно проявилось на всех уровнях: фонетическом, грамматическом и лексическом.

1. Многовековое регулярное влияние армянского языка сказалось на звуковом строе удинского языка. Вследствие двуязычия удин и многовекового использования армянской письменности

(почти 1000 лет!) изменилась акцентура удин: артикуляция некоторых заднеязычных фонем, особенно смычно-гортанных согласных, продвинулась вперед; под влиянием заднеязычных непрдыхательных согласных армянского языка абруптивы удинского языка деградировали и перешли в преруптивы.

2. Наличие в удинском, в отличие от всех родственных горских кавказских языков, дательного-винительного падежа, функционально близкого к его армянскому соответствию, удиноведы (В.Н.Панчвидзе, В.Л.Гукасян) считают следствием влияния армянского языка. Кроме того, деградация эргативной конструкции предложения в удинском языке обусловлена воздействием армянского и азербайджанского языков (А.М.Дирр, В.Л.Гукасян). Влияние армянского языка наблюдается и в ряде других грамматических категорий удинского языка.

3. Вся лексическая ткань удинского языка пронизана лексическими заимствованиями из армянского языка. Часть из них относится к периоду до X века (см. удин. $ka\acute{t} < ka\acute{t}$ "хромой", $mangak\acute{t} < manga\acute{t}$ "серп", $\acute{x}il > jil$ "сухожилие, жила", $piling\acute{t} < piling\acute{x}$ "бронза" и др.).

П. О влиянии удинского языка на армянский имеются интересные наблюдения у крупных армянских лингвистов Р.А.Ачаряна, С.С.Малхасяна, Г.А.Капанцяна и др. В этом отношении особый научный интерес представляют такие слова, как $t'ur < at'ur/at'or$ "нога", tul "виноград" $< tol$ "виноградная лоза"; $cil < c'e\acute{x}$ "семья; потомство" и ряд др. слов, входящих в лексический состав древнеармянского языка.

Особо надо отметить наличие удинского субстрата в новообразованном кирзенском диалекте армянского языка. Ибо, вплоть до 30-х гг. XX столетия в с.Кирзень Тоузского района Азербайджанской ССР функционировал удинский язык (об этом имеются официальные данные).

С.В.ГУКАСЯН (Ереван, СССР)

СОПОСТАВЛЕНИЕ ИНТОНАЦИИ ВОПРОСИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ВОСТОЧНОАРМЯНСКОМ И ЗАПАДНОАРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Для обобщенного исследования армянского языка необходимо сопоставительное исследование двух его литературных ва-

риантов — восточноармянского и западноармянского, их различающихся языковых систем.

Особую значимость в рамках поставленной задачи приобретает исследование интонации вышеуказанных литературных языков. В среде носителей восточноармянского языка западноармянская речь легко распознаваема в любой ее манифестации, в том числе устной.

Представляет интерес выяснить, обусловлена ли эта распознаваемость западноармянской речи только лишь различием двух языков в фонетике, грамматике (морфология и синтаксис) и лексике или еще и также различием в интонации (тон, длительность, интенсивность).

2. Как известно, фонетические системы сопоставляемых языков различны: в западноармянском языке система согласных трехрядная, в восточноармянском — двухрядная; помимо этого, имеет место перемещение согласных: звонким звукам в восточноармянском языке соответствуют глухие предыхательные в западноармянском, глухим — звонкие, что само по себе создает значительное расхождение в произношении.

3. Вопрос типа $\text{h}^{\text{h}}\text{z}^{\text{h}}\text{n}^{\text{h}}\text{c}^{\text{h}}\text{-nr}$ (условное наименование), или вопрос с местоименным словом, имеет функциональные, структурные и дистрибутивные отличия в сопоставляемых языках. Некоторые вопросительные местоимения, функционируя в восточноармянском языке, в западноармянском отсутствуют и в определенных случаях заменяются иными: $\text{h}^{\text{h}}\text{z}^{\text{h}}\text{rsh}$ или nrsh — nrsh , nid — nrsh , nr или nrsh — nr ; отметим, что в восточноармянском языке nr и nrsh находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Отмечаются различия также в порядке слов вопросительного предложения типа $\text{h}^{\text{h}}\text{z}^{\text{h}}\text{n}^{\text{h}}\text{c}^{\text{h}}\text{-nr}$.

4. Для сопоставления интонации вопроса $\text{h}^{\text{h}}\text{z}^{\text{h}}\text{n}^{\text{h}}\text{c}^{\text{h}}\text{-nr}$ мы произвели запись соответствующих примеров на восточно- и западноармянском языках (по 4 ведущих для каждого языка, западные армяне представлены беirutцами).

Экспериментальное исследование показывает, что интонация вопроса $\text{h}^{\text{h}}\text{z}^{\text{h}}\text{n}^{\text{h}}\text{c}^{\text{h}}\text{-nr}$ также не одинакова в сопоставляемых языках. Различны показатели частоты и интенсивности.

Различия в акустических характеристиках связаны, главным образом, с различиями в локализации минимальных частот; в вос-

точнoармянском языке — на последнем слоге, в западноармянском — на предпоследнем или предшествующем ему слоге. Можно отметить также некоторые различия в частотных диапазонах.

Полностью отличаются кривые, показывающие движение основного тона: в восточноармянском языке движение тона восходяще-нисходящее (или нисходящее), в западноармянском — восходяще-нисходяще-восходящее (или нисходяще-восходящее). В восточноармянском языке, кроме того, значительно возрастает максимальная интенсивность последнего слога, связанная с обязательным повышением тона на последнем слоге.

С.В.ГОЛЬБУДАГЯН (Ереван, СССР)
ИЗ ИСТОРИИ ОРФОГРАФИИ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. В У веке орфография армянского языка преимущественно руководствуется фонетическим принципом. Правил переноса, различий между прописными и строчными буквами не существовало, было принято сокращение "священных" имен и других слов.

2. Начиная с XI века, происходят некоторые изменения в орфографии: вместо *աւ* перед согласными пишется буква *օ*, в алфавит вводится новая буква *ֆ*. После передвижения согласных их правописание сохраняется, это можно рассматривать как исторический /традиционный/ принцип орфографии. В XII в. осуществляется первая частичная реформа орфографии: Аристакес Грич предложил новые правила правописания ¹. До XIII века правила переноса и правописания заглавных букв нельзя считать упорядоченными.

3. В восточноармянском транскрипция осуществляется по правилам классической орфографии, а в западноармянском старые имена сохраняют свою историческую транскрипцию, а новые заимствования транскрибируются согласно новому западноармянскому произношению.

Во второй половине XIX и начале XX вв. ведутся продолжительные дискуссии вокруг правописания *հ, է, լ, ու*.

4. В 1922 г. осуществляется вторая реформа орфографии — предложения М.Абегяна проводятся в жизнь по специальному декрету. Однако зарубежные армяне новую орфографию не приняли. Итак образуются два варианта орфографии.

5. В 1940 г. осуществляется третья частичная реформа, согласно которой в алфавите восстанавливаются буквы *t, o* /исключенные в 1922г./.

В настоящее время единообразия в двух вариантах орфографии современного армянского языка нет.

Видимо, необходимо по взаимной договоренности создать единую орфографию и транскрипцию.

Г.Б.ДЖАУЖАН (Ереван, СССР)

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ДУБЛЕТАХ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. Для всех звеньев изменений армянского консонантизма, в том числе и для т.н. армянского передвижения согласных, можно констатировать наличие этимологических дублетов и кажущихся исключений.

2. Учитывая как идеальную модель передвижения, так и особенности реализации этой модели в армянском языке, можно, в частности, констатировать следующие типы чередований согласных в этимологических дублетах: 1) звонких с глухими (*b/p, d/t, g/k, j/c*), 2) глухих с глухими придыхательными (*p/p^c, t/t^c, k/k^c, c/t^c*), 3) звонких с глухими придыхательными (*b/p^c, d/t^c, g/k^c*), 4) смычных с фрикативными и нулем (*p^c/h, t^c/y, k/x*) и 5) переднеязычных смычных с заднеязычными смычными.

3. Если исключить случайные совпадения и позиционно зависящие варианты, то можно указать на следующие источники этимологических дублетов: а) диалекты, б) заимствования и субстратное воздействие, в) ареальные и социально-стилистические варианты и.-е. языка — различия в степени звонкости, придыхательности, силе, напряженности, а также акцентуационные особенности и.-е. слов. В образовании этимологических дублетов могла играть значительную роль потребность в экспрессивности и изобразительности, эмоционально-насыщенная речь.

4. Наряду с этимологическими дублетами имеется значительное количество слов, являющихся своего рода исключениями из закономерностей т.н. армянского передвижения согласных, как, например, глухие простые *t, k* (вместо ожидаемых *t^c, k^c*) при и.-е. **t, *k* и *p^c* (вместо *h* или нуля) при и.-е. **p*.

5. Имеется значительное количество слов на глухие простые для приводимых параллелей, в которых обычно восстанавливают не простые звонкие, а звонкие придыхательные, и в каждом отдельном случае следует либо предположить наличие и.-е. вариантов, либо отвергнуть предлагаемые этимологии.

6. При изучении фактов армянского (да и не только армянского) языка часто наблюдаются случаи, когда не учитываются внутренние данные (гевр. данные внутренней реконструкции) при сравнении (гевр. внешней реконструкции). Так, например, считая закономерным отражение и.-е. **kh* в армянском *х*, основанное на единственной армяно-индийской параллели, и отвергая переход **akh > օ*, исследователи не учитывают фактов чередования *х/օ* в этимологических дублетах, предполагающего соответственно переходы **kh > арм. х* и **akh > арм. օ* (при *ա-mobile*).

О.Л.ЗАКАРЯН (Ереван, СССР)

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В г.ЕРЕВАНЕ И ЕЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

1. Советская Армения (и особенно ее столица Ереван) отличается однородностью национального состава своего населения, что обуславливает своеобразную языковую ситуацию, характеризующуюся абсолютным преобладанием армянского как родного языка для большинства населения, армянско-русским сплошным двуязычием, а также наличием азербайджанско-армянско-русского и курдско-армянско-русского многоязычия в ограниченных языковых общностях.

2. Вследствие исключительно быстрого механического роста численности населения г.Еревана, широкое распространение имеет диглоссия, которая в основном выражается формой "восточноармянский литературный язык - диалект"; встречается также форма "западноармянский литературный - восточноармянский литературный языки". При этом, в больших или малых группах представленные почти все живые диалекты армянского языка.

3. Вследствие разнообразия социального состава населения Еревана и представленности всех социальных групп, в городе встречаются почти все виды социальных вариантов армянского

языка. Сравнительно резко дифференцированы профессиональные и образовательные варианты, несколько слабее – возрастные варианты. Варианты по другим социальным признакам не существенны.

4. Армянский язык представлен в Ереване во всех своих функционально–стилистических вариантах.

5. В отношении сфер употребления армянский язык имеет незначительные ограничения. Некоторые ограничения имеются также в отношении объема этих сфер. Эти ограничения являются следствием определенного распределения армянского и русского языков по сферам употребления и объему этих сфер, при преобладании армянского языка.

6. Армянский язык отличается также своим статусом (государственный язык Арм.ССР) и социальным престижем. Самая престижная форма армянского языка в Ереване – восточноармянский литературный язык.

7. Восточноармянский литературный язык проявляется главным образом в письменной форме. В устной речи он все еще выражен довольно слабо, уступая место народно–разговорному варианту и частично диалектам. Это обстоятельство является следствием значительного разрыва между литературным и народно–разговорным вариантами восточноармянского языка, обусловленного историческими и социально–культурными обстоятельствами. В настоящее время, благодаря целеустремленному и эффективному языковому планированию, этот разрыв преодолевается.

8. Вышеуказанными особенностями языковой ситуации г.Еревана обусловлен возрастающий интерес к социолингвистическим исследованиям армянского языка.

Л.ЗЕКИЯН (Венеция, Италия)

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА В "ЗАПАДНОЙ" ДИАСПОРЕ АРМЯН

Даже при поверхностном взгляде очевиден тот факт, что знание армянского языка несравнимо слабее и менее распространено у армян, проживающих в таких странах "западного" типа, какими являются, к примеру, Франция или США, чем на Среднем Востоке, как например, в Ливане или Иране.

Определение "западный" здесь берется не только в чисто географическом, но также и в культурном и общественно-организационном смысле. Так, диаспору "западного" типа мы наблюдаем, к примеру, в армянской колонии Австралии, хотя эта страна находится на крайнем Востоке. И действительно, Австралия по своей культуре и организации общественной жизни представляет собой по сути страну "западного", точнее, англо-саксонского типа.

В данном исследовании мы не имеем цели представить набор статистических данных о сравнительном состоянии, особенностях владения и употребления армянского языка армянами, проживающими в западных странах. Но, исходя из слабого положения армянского языка в указанных странах, мы пытаемся анализировать исторические, культурные, общественные и другие причины этого явления, чтобы затем поставить вопрос: следует ли медленную, но явную языковую ассимиляцию в этих странах рассматривать как неотвратимый и неизбежный факт, тесно связанный с внутренними особенностями этих стран, или же и там можно наметить перспективы сохранения языка, которые могли бы предоставить определенные гарантии хотя бы для некоторой обозримой последовательности поколений?

ВЯЧ.ВС.ИВАНОВ (Москва, СССР)

К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРЫ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО ТЕКСТА МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

Рассматриваются некоторые проблемы использования архаических языковых форм в древнеармянском тексте мифа о рождении бога, переданном Моисеем Хоренским. Согласно интерпретации, обосновываемой Р.Шмиттом, в последней строке *ew aškowunk ēin aregakownk* буквально "и глаза-источники были источниками солнца" дважды повторяющийся /в первом случае видоизмененный/ второй компонент словосложения *akownk* "источники" в этом значении по типу основы на -n- может быть отождествлен с *хетт. ēakun-i* "источник" /соотносится с *хетт. ēakuwa* "глаза", окаменевшая форма, родственная арм. *աճԻԿ* "глаз", и балтийским и славянским словам, имеющим значение "глаз" = "источник"/,

при возможности развития $\text{ʒ} = > \emptyset$ в $\text{ʔakun-} > \text{akown-}$. Мифопоэтическое отождествление "глаза" с "источником", подтверждаемое индоевропейскими /ср. кроме указанных языковых данных глаз Одина, скрытый в источнике/ и многочисленными неиндоевропейскими /в частности, америндейскими/ типологическими параллелями, характерно для абхазо-адыгских и части картвельских языковых традиций, где эвфемизмом, включающим слово "глаз", заменено старое /вероятно, табуированное/ название обожествляемого источника /ср. хатт.-хуррит. Arinn "божество источника" с соответствиями в северо-восточно-кавказском, в частности, удинском, с начальным ar-, вероятно префиксальным классным показателем, в этом северо-кавказском слове можно было бы сравнить с ʔar- , реконструируемом в arbeur > арм. aḫbeur "источник" при греч. ὕδαρ , что остается необязательным сопоставлением/.

Др.-арм. akn /хетт. ʔakuwa /"глаз" род.пад. akan, мн.ч. aṣ'k': akownk "источник", род.п. akanč' /с грамматическим различием двух парадигмы, различающихся и по смыслу, как ownkn "ухо", род.п. ownkan, мн.ч. akanj'k':ownkownk' /.

Из ранее не выявленных архаичных древнеармянских имен индоевропейского происхождения с основой на -n-, к которым относится akn "глаз", род.п. akan, следует отметить aṣown "осень", род.п. aṣnap, родственное славянскому названию "осени" /рус. осень с таким же начальным гласным, как в армянском/ и хеттскому zen-i "осень", zen-ant-. Таким образом в древнеармянском и хеттском совпадают названия трех времен года из четырех, в армянском стносящихся к типу на -n-; ср.

jmeṭn "зима" при обратном порядке -r- и -n- в хеттском архаичном производном глаголе gimn-an-t-ar-ija "зимовать": gimn-an-t "зима"; ḫameṣh-an-t "весна, лето": арм. amaṭn "лето" (Кеṣṣ ср. хетт. eṣḫar "кровь": арм. ariwn). К соответствию др. арм. -s- (В aṣown) и индоевропейского спиранта (видимо, отличного от -s-), в хеттском соответствующем -z-/zen/, в славянском -s- (осень), ср. также из названий периодов времени др. арм. giṣer "ночь, вечер": греч. ἑσπέρας , лат. vespere (при совпадении с палатальным или велярным в славянском и балтийском).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Семантический аспект всегда считался очень важным при установлении или оценке этимологий слов, но вместе с тем он всегда недооценивался исторической лингвистикой.

Одной из причин этого является отсутствие хорошо разработанной теории семантических изменений, в терминах которой можно проникнуть в психологическую и прагматическую природу семиотических процессов, известных под названием "семантические изменения". Традиционные термины, основанные на риторике, такие, как метафора, метонимия или же сходные с ними термины расширение, сужение значения или пейорация и пр. слишком неопределенны и неточны, чтобы служить основой для такого анализа.

Поучительным в этой области является опыт изучения развития основного словарного фонда отдельных языков, где на небольшом количестве лексических единиц, объекты которых кажутся не должны подвергаться изменениям, можно проследить значительные семантические изменения.

Для армянского языка наиболее надежным материалом, отвечающим таким требованиям, может служить попытка проф. Г.Б.Джаукяна критически применить метод глоттохронологии к армянскому языку. Здесь, помимо древнеармянского и современного армянского языка (сближенного с древнеармянским благодаря усилиям пуристов XIX века), приведены определенные лексические единицы из лорийского говора араратского диалекта, обнаруживающего значительно большие расхождения с грабаром, чем современный литературный язык.

Опираясь на данные Г.Б.Джаукяна, собранные им для лексикостатистических целей, в качестве основы для изучения семантических изменений от грабара к современному армянскому языку мы попытаемся дать модель описания изменений значений. Применимость такой модели иллюстрируется путем сопоставления сходных данных из других индоевропейских языков.

НОВОАРМЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В ХУП ВЕКЕ

В докладе рассматриваются следующие вопросы:

1. Задача разграничения наиболее ранних текстов, написанных на новоармянском литературном языке, и текстов, написанных на среднеармянском литературном языке, и, в связи с этим, необходимость четкого хронологического разграничения трех литературных языков в истории развития армянского языка.

2. Различие в мнениях относительно периода возникновения новоармянского литературного языка.

XVI век — как столетие, в котором завершается существование среднеармянского языка.

XVII век — как столетие, в котором зарождается новоармянский язык (эту точку зрения различным образом трактовали Р.Ачарян, Г.Севак, Г.Джаукян и др.).

3. II половина XVII века — как ранний период использования новоармянского литературного языка в письменных текстах.

Проблема различения элементов новоармянского литературного языка в текстах, написанных на грабаре или среднеармянском языке. Наиболее ранние памятники новоармянского литературного языка (рукописные и печатные) — начиная со II половины XVII века.

Сохранившиеся рукописные памятники: "Արուստ Բլական է սիւ", два учебника Костанда Джагаеци: "Աշխարհաբոլորով", "Չափի և զագի, բարի և կշեռքի", ряд поэтических произведений, в том числе часть поэтического творчества Степаноса Даштеци и часть любовной лирики Нагаша Овнатана.

Печатные памятники: переводные "Արհեստ համարողութեան" (Марсель, 1675), книга Ованнеса Олова Костандуполсеци "Պարզաբանութիւն հոգեմտաւ լիզմանաց" (Венеция, 1687), справочник Гукаса Ванандеци "Գանձ շափոյ, կշեռոյ և դրամից տեսնայն աշխարհի" (Амстердам, 1699).

4. Социальный состав авторов и читателей ранних памятников новоармянского литературного языка (памятники либо предназначены для торговцев, либо написаны ими); главная особенность содержания этих памятников (коммерческая тематика — обшество, которое сразу же привлекает внимание при исследовании проблемы зарождения новоармянского литературного языка

ка).

5. ХУП век – как период наиболее бурного расцвета армянского купечества. Роль Новой Джуги. Неоднородный по языку состав купечества (новоджугинцы, агулисцы, тифлисцы, константинопольцы, кесарийцы, аккийцы и др.); возникновение междialectного разговорного коммерческого армянского языка (коммерческого ашхарабара); сохранившиеся с ХУП века мало обработанные образцы этого языка ("Հաճախ" Захария Агулеци и др.).

6. Использование разговорного коммерческого языка для письменных сообщений в пособиях по арифметике, бухгалтерскому делу, справочниках мер и весов и текстах религиозного характера. Ранние образцы новоармянского литературного языка как результат письменной обработки коммерческого армянского.

7. Общность и различие памятников новоармянского литературного языка, относящихся к ХУП веку. Основные признаки общности: а) отсутствие разветвления языка на восточный-западный (единый ашхарабар); б) общность в системе спряжения, склонения; в особенностях синтаксиса и словоупотребления. Различие памятников – в различии ориентации – на народную речь или на грабар, т.е. в существовании двух вариантов в пределах одного языкового качества.

8. Соотношение новогусанского (устного) и новоармянского литературного языка письменных памятников ХУП века.

9. Разветвление новоармянского литературного языка в конце ХУП и в начале ХУШ вв.

Б.К.КАЗАРЯН (Ереван, СССР)

ОБ АНТЕЦЕДЕНТЕ В АРМЯНСКОМ АБЗАЦЕ

Предметом анализа являются повторы и замены в связном тексте. Их изучение позволяет четко выявить семантические связи между высказываниями и единицами более высокого порядка.

Выделяются субстантивные, синонимические и перифрастические повторы и замены, а также средства связи главных и придаточных предложений и т.д.

При анализе указанных замен основное внимание уделяется определению пределов развертывания антецедента в армянском аб-

заце и вне его.

В качестве антецедента могут выступать: отдельное слово, предложение и даже целый абзац. Антецедент устанавливает семантическую связь между различными абзацами. Местоименные замены антецедента (в различных падежных формах) выполняют текстообразующую функцию.

Развертывание антецедента создает гармоничную сеть замен и повторов, которая формирует семантическую связность данного фрагмента.

Г.С.КЛЫЧКОВ (Москва, СССР)

АНАПТИКС ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО ϵ [e] И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СТУПЕНИ РЕДУКЦИИ

1. Древнеармянская письменная традиция исключает написание редуцированного между согласными, который образует так называемый "скрытый слог". Редуцированный автоматически восполняет фонологическую структуру слова. С этой точки зрения он должен был бы трактоваться как фонологически иррелевантная звуковая единица.

2. Анаптикс гласного, не обладающего фонологической значимостью, широко распространен в языках разных систем. Одной из ближайших типологических параллелей может служить вставка редуцированного перед сонорным в тюркских языках.

3. Вместе с тем редуцированный может выступать как значимое слово — артикль. Возникает парадокс, когда фонологически иррелевантный элемент получает морфологическую функциональную нагрузку. Представляется, что сложная картина функционирования редуцированного ϵ [e] не укладывается в обычные схемы описания вокализма, и, в частности, точка зрения, что ϵ [e] является аллофоном ϵ [e̞], едва ли может быть принята.

4. Вставка ϵ [e] в древнеармянском повторяет типологию протоиндоевропейского слова, в котором существовал силлабофонемный строй с анаптиксом фонологически иррелевантного гласного после каждого согласного. Силлабофонемы допускали также сонорный /финаль/ в исходе силлабофонемы. Правила вставки редуцированного в графеме аналогичны.

5. В индоевропейской языковой области наиболее близким фоновологическим явлением является шва, т.е. редуцированный, определяемый корреспонденцией древнеиндийского [i] фонеме [ə] в западных древнеиндоевропейских языках. Следует считать, что отражение шва как [i] в санскрите представляет собой результат морфологизации анаптика.

Н.А.Козинцева (Ленинград, СССР)

КАТЕГОРИЯ РЕЗУЛЬТАТИВА В СОВРЕМЕННОМ АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Результативное причастие в современном армянском языке образует, с одной стороны, аналитические глагольные формы (с помощью вспомогательного глагола *լի*), а с другой — в сочетании с видо-временными формами глагола *լիւիլ* — участвует в образовании вторичных составных форм. Эти формы объединяются передаваемым ими значением состояния, наступившего в результате предшествующего действия.

В настоящем сообщении рассматриваются только результативные временные формы. Последние не охватывают всей глагольной лексики. Форм результатива не имеют в основном неопределенные глаголы, обозначающие динамические процессы, не оставляющие результата. Наиболее регулярно образуются результативные формы от предельных переходных глаголов в пассивной форме.

Результативные формы вступают в отношение конкуренции, с одной стороны, с презенсом и имперфективом, с другой — с перфективными формами. Перфективная форма — аорист — в тексте используется, как правило, для выражения последовательного хода событий и не взаимодействует с результативом.

Семантические отношения между результативными и главными видо-временными формами различны в зависимости от ряда факторов, в частности от типа конструкции, образуемой результативом.

В большом количестве случаев субъектный результатив может быть заменен на перфект, обозначающий действие, достигшее предела, результат которого актуален для момента речи (или некоторого другого момента в прошлом). Большая регулярность перфектных форм от интразитивов приводит к тому, что при текстах на взаимозамену оказывается более естественным заменить результатив интразитива на перфект, чем наоборот.

Семантическое соотношение субъектного результата и имперфектива может быть прослежено только на материале лексически ограниченного круга глаголов, от которых возможны обе формы. Так, у глаголов эмоционального состояния շփրփօւի, քարկանի, արարանի и др. презенс и имперфектив могут обозначать процесс проявления эмоционального состояния в поведении, увеличение степени интенсивности, либо наступление, возникновение. Формы результата от этих глаголов имеют значение автономного состояния, не связанного с предшествующим действием.

Объектный результатив не может быть равнозначно заменен на перфект пассива. Эти формы противопоставлены по выражению признаков состояние/фактичность. Для некоторых глагольных лексем, в частности, со значением пространственной смежности объектов ծածկի, շրջանակի, а также эмоционального отношения սիրի, հարգի объектный результатив бывает синонимичен презенсу и имперфективу актива.

К.КОКС (Брандон, Канада)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В АРМЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ ПЯТИКНИЖИЯ

В классическом древнеармянском языке будущее время иногда выражается с помощью причастия будущего времени на *սց* и вспомогательного глагола. Цель нашего доклада — исследовать употребление этой конструкции в армянском переводе Пятикнижия, чтобы установить, имеются ли определенные условия, при которых переводчик(и) предпочел употребление этой конструкции сослагательному наклонению.

Ф.КОРТЛАНДТ (Лейден, Голландия)

ПРОТОАРМЯНСКИЕ ПАДЕЖНЫЕ ОКОНЧАНИЯ

На конференции по армянской лингвистике (Филадельфия, 1979) нами была представлена относительная хронология звуковых изменений армянского языка от протоиндоевропейского состояния до классического армянского (грабара).

Далее, в Ежегоднике по армянскому языковедению (*Annual of Armenian Linguistics*, vol.2, 1981) было показано, что личные глагольные окончания в древнеармянском языке развились из соответствующих форм протоиндоевропейского.

Данный доклад является как бы дополнением к ранее изданным материалам.

В нашу задачу входило показать развитие падежных окончаний армянского языка из их протоиндоевропейских источников.

В настоящем докладе показывается, что армянский язык в некоторых случаях служит как бы связующим звеном в реконструкции падежных окончаний других индоевропейских языков.

В.А.КОСЯН (Ереван, СССР)

РОЛЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОРНЕЙ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В корневом словаре Р.Ачаряна насчитывается 940 корней индоевропейского происхождения. В дальнейшем этимологические изыскания выявили еще несколько десятков слов. В итоге 9 процентов всех корней армянского языка являются индоевропейскими.

2. Однако их роль в словарном составе более заметна по сравнению с 6000 неэтимологизированными и с 4000 заимствованными словами. И.-е. слова выражают такие жизненно-необходимые понятия, как *արեգ* (солнце), *լոյս* (свет), *գետ* (река), *ծնոյ* (рука), *բերան* (рот), *լեզու* (язык), *լսան* (палец), *շուկ* (собака), *կով* (корова), *հա* (птица, курица), *ծր* (лошадь), *սիրտ* (сердце), *գայլ* (волк), *աղվա* (лиса), *սղակ* (супруг), *կին* (женщина, жена), *լսյր* (мать), *հայր* (отец), *եղբայր* (брат), *դուստր* (дочь) и т.д.

3. И.-е. корни употреблялись и употребляются на протяжении всей истории армянского языка: в древнеармянском, среднеармянском и современном армянском (в обоих вариантах). Большая часть этих корней легла в основу словарного состава диалектов.

4. Статистические исследования позволяют выяснить, что частота употребления и.-е. корней в армянском языке составляет 69 % (в древнеармянском - 68 %, в среднеармянском - 70%),

в современном армянском — 69 %), между тем как частота заимствованных слов составляет 12 % (в древнеармянском — 11%, в среднеармянском — 13 %, в современном армянском — 12 %); частота неэтимологизированных слов составляет 19 % (в древнеармянском — 21 %, в среднеармянском — 17 %, в современном армянском — 19 %).

5. И.-е. корни отличаются большой живучестью. Из них вышло из употребления лишь 20 %.

6. Живучесть и.-е. корней проявляется также в их полисемии и словообразовательной активности. Многие из них имеют более десяти значений. С помощью этих корней образовано несколько десятков тысяч производных и сложных слов.

7. Таким образом сравнительно немногочисленные и.-е. корни являются основой словарного состава армянского языка.

А.Н.КЮРКЧЯН (Ереван, СССР)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТАВНОГО СКАЗУЕМОГО В ВОСТОЧНОАРМЯНСКОМ И ЗАПАДНОАРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное исследование составного сказуемого в восточноармянском и западноармянском языках привело нас к следующим выводам.

1. Различия в выражении номинативно-глагольного составного сказуемого в обоих разветвлениях литературного армянского языка в основном обусловлены:

а) различием словесного образа и показателя спряжения одной и той же связи: ср. իննի // ըլլալ, անի // ըսել, համարել // համարիլ, թվալ // թուիլ, կոչվել // կոչուիլ, երևալ // երևիլ, չեմ կարող // չեմ կրնար.

б) обилием синонимичных связей в западноармянском языке: ср. սեպիլ // նկատել // քննել / գտնել // համարիլ // գտնել.

в) способностью глаголов действительного (в первичной и возвратной формах) и нейтрального залога абстрагироваться и выступать в роли связки в западноармянском языке: ср. գրուիլ (գրնուոր գրուեցալ), գիտնիլ (իելացի գիտնի), ըսել (գտնե ըսել է, արինգ կրնն, օտար ըր ըսել է).

2. Как восточноармянский, так и западноармянский языки

богаты глагольными составными сказуемыми со структурой глагол+связка в личной форме + инфинитивная предикативная часть. Образованию таких структур способствовал тот факт, что связи управления между личными и безличными формами были утрачены, хотя в западноармянском языке этот факт еще не установился: ср. ուզում եմ ասել // կ'ուզեմ ըսել, դժվարանում եմ գրել // կը դժուարանամ գրել, որոշեց գալ, ու: Մոռցաւ ոտքի ելլել // չէր մոռնար ոտքի ելլելու, կը վախար յուսալ // յուսալէ, տեսնուելու, վարժուած են ամբարտաւան ըլլալ // ըլլալու, չէր դադրած մտածել // մտածելէ, կը յաջողի վեր ելլել // վեր ելլելու.

3. Структура составного сказуемого անկարող է, պարտաւոր է, ընդունակ է, պարտաւոր է... + инфинитив практически установившаяся в восточноармянском языке, в западноармянском пока еще выступает со значительными колебаниями в управлении; ср. անկարող է գալու, ընդունակ է աշխատիլ // աշխատելու, պարտաւոր է խոստովանիլ // խոստովանելու.

4. Структуры сказуемого инфинитив, результативное и субъектное причастия+связка безусловно имеют место в восточноармянском языке (ср. կարդալ չէ, կարդացող է երևում, հոգեւթագ), однако в западноармянском языке эти структуры более распространены; ср. կատարել կկարծէ, չտեսնել կը ձեւացնէր, փակուած կը նկատեմ, մոռցած գիտէի, խնայող մանչցած էր, կը թուէր տուած ըլլալ, կը կարծէր նուաճած ըլլալ . В образовании этих структур роль связи достаточно велика.

5. Западноармянскому языку присущи структуры личная форма глаголов գալ, երթալ + инфинитив в роли фразеологизма, что подтверждается также косвенными формами инфинитива в тех же структурах; ср. գնաց նետուիլ, գնաց պատկարուիլ, կերթալիւր պտտիլ, եկաւ յիշեցնել, եկաւ կծկուիլ, հրաւիրեցին մասնկցութիւն բերել, փնտրեց գտնել и կու գալ վերջնելու, կու գալ դատելու, կու գալ ստեղծագործութիւն մը դառնալու, խրատելու կելլէր, հազուեցնելու կելլէր. Такие сказуемые-фразеологизмы встречаются также в восточноармянском языке.

СЛЕДЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПЕРФЕКТА В КЛАССИЧЕСКОМ
АРМЯНСКОМ

В качестве флективной категории индоевропейский перфект исчез в армянском и был замещен перифрастическим образованием. Редкие основы перфекта, сохранившиеся в языке, были включены в систему настоящего времени, однако с нерегулярной флексией, свидетельствующей об их архаическом характере. Обычно для этого явления приводятся лишь два примера:

1) недостаточный глагол *gol* "существовать", единственный в своем роде с его настоящим временем изъявительного наклонения *gom, gov, goy*. Речь идет об основе перфекта **H₂wos-* (гот. *was*), превратившейся в протоармянском в **go-* и вторично получившей окончания настоящего времени;

2) глагол *gitel* "знать", нерегулярный аорист которого *gitaci* косвенно указывает на его атематическое происхождение. Регулярный аорист на *-eac* форм настоящего времени на *-ac*, образованный путем добавления *-ac* к тематическому гласному настоящего времени *-gitaci* доказывает, что основа настоящего времени первоначально была не *git-e*, а *git- < get-и.-е.*woid-*

Нерегулярная флексия *gitem* обнаруживается в трех других глаголах, относительно которых может возникнуть вопрос, не восходят ли они к тому же источнику. Это *-asel* "сказать", *karel* и *mart^eel* "мочь". Этимология *asel* является спорной, а *mart^eel* неизвестной. Для *karel* нужно вновь восстановить в правах старую гипотезу, соотносившую этот глагол с индоевропейским **g^wrn₂-u-* "тяжелый", тем самым давая ему недостающее этимологическое обоснование. Поскольку прилагательные на *-и-* весьма часто восходят к основам перфекта (**dhers-*) **dh_{rs}* "сметь" **dh_{rs}-u-* > "смелый"), то можно предположить перфект **g^worn₂-/g^wrn₂-* "давить всей своей тяжестью, быть сильным", представленный в армянском нулевой ступенью. Индоевропейское прилагательное, нередко означающее "сильный" (греч. *χεῖρες βαρεῖαι*), также находит недостававшую ему глагольную основу; поскольку с этим лексическим гнездом связывают название жернова (скр. *grāvaṇ-* и т.д.), то начальный смысл корня восстанавливается как "раздавить своей тяжестью".

АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ 24-й РЕЧИ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА (О СВ.
КИПРИАНЕ). ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ
НА ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ЭТОГО ПЕРЕВОДА К Т.Н. "ГРЕКОФИЛЬСКОЙ"
ШКОЛЕ

24-я речь образует составную часть корпуса из 46 речей Григория Назианзина, переведенных с греческого на армянский и полностью сохранившихся в армянской рукописи № 1500 Бреванского Матенадарана (до 1282 г.); еще точнее, она занимает II-е место в собрании из 12-и речей чисто литургического характера, иногда называемых *Երրիւմն ծիւթի* (название от первых двух слов 38-й речи, открывающей собрание).

Этот очень древний армянский перевод не датирован; он не приписывается какому-либо из известных армянских переводчиков. Он, без всякого сомнения, не является плодом труда первых переводчиков кружка Месропа и Саака (начало V века), но тем не менее, как кажется, был очень хорошо известен в VI веке. Действительно, антихалкедонская армянская догматическая антология "*Մի Բնութիւն*", составленная во время католикоса Армении Комитаса (610-628), содержит цитаты (порой весьма длинные) из некоторых отрывков, которые там приписываются Григорию Назианзину. Сравнение этих отрывков с издаваемым нами армянским текстом свидетельствует о том, что речь идет об одном и том же произведении.

Как представляется, использованный здесь метод перевода весьма характерен для армянских переводчиков второго поколения и как таковой отмечен подчеркнутой заботой о буквальной верности переводимому греческому тексту, созданием новых слов, в несколько искусственной механистичной манере воспроизводящих греческие сложные слова с их префиксами и суффиксами, своим стремлением приспособить армянский синтаксис к греческим моделям; но с другой стороны очевидно, что речь здесь идет о переводе, принадлежащем грекофильской школе у самых ее истоков (между 450 и 500 гг.). Действительно, в отличие от других, более поздних работ этой школы, здесь ни в коей мере невозможно заметить подчеркнутых отклонений от норм армянского языка и

"грецизирующих" варваризмов (армянские префиксы, создаваемые из всевозможных элементов, примеры редетерминации и т.д.).

Хотя язык остается классическим, однако этот перевод 24-й речи имеет ряд особенностей, в силу которых эта школа переводчиков получила название грекофильской. Переводчики копировали в точности язык греческого оригинала, причем часто с риском сделать вновь переводимый текст непонятным для армянского уха, непривычного к греческому языку и к чрезмерно культивированному стилю Григория Назианзина. Действительно, тщательный сравнительный анализ армянского текста с греческим привел нас к обнаружению целого ряда сложных слов, калькированных по греческому образцу (между тем классический армянский язык располагал, как правило, словами, годными для перевода представляемой идеи на армянский язык), восходящих к греческому синтаксическим оборотам (абсолютный генетив, вокативные генетив и акюзатив, частичный генетив, инфинитивные предложения с субъектом, вводным показателем акюзатива *q-*, предложения следствия с *պիսիւմի*, сопровождаемым инфинитивом, употребление субстантивированным инфинитивом, употребление винительного (с *q-*) в безличной конструкции глагольного прилагательного, использование винительного с именами действующего лица на *-ոյ* и т.д.).

Сочетание всех этих особенностей и явная озабоченность чистотой языка заставляют думать, что в данном случае речь идет о переводе, относящемся ко второй половине V века. Этот перевод в дальнейшем был использован (часто цитировался и обстоятельно комментирован) в монофизитских кругах григорианской или апостольской армянской церкви.

М. ЛЕРУА (Брюссель, Бельгия)

ИРАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ИМЕННОМ СЛОВОСЛОЖЕНИИ КЛАССИЧЕСКОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Подвергшись сначала завоеванию мидийцев, а затем — ахеменидов, Армения претерпела иранское влияние, которое явилось особенно сильным в период правления династии Аршакидов, господствовавшей в стране в течение более трех веков (66-387 гг.

н.э.). Именно в этот период в лексику армянского языка вошла наибольшая часть иранских заимствований. Настоящее исследование ограничивается областью именного словосложения; мы отметили в грабаре (исчерпывающим образом для 4-х Евангелий и Езника, но привлекая также другие тексты) сложения, полностью или частично восходящие к иранскому. В некоторых случаях речь идет о нечленимых в армянском сложных словах иранского происхождения, функционирующих в качестве простых слов (напр., *partez*); но в других случаях ощущение составного характера слова в армянском сохранялось в силу того, что обе составные части (ср. *rah-viray*), либо одна из них (ср. *nž-deh*) продолжали осознаваться. Кроме того, нередко иранские заимствованные слова использовались в составе словосложений (напр., *aṣṣarh-a-tēr*, *tir-a-druḡ* или, с обоими элементами иранского происхождения, *azat-a-gund*). Наконец, тот факт, что заимствованные иранские слова грамматикализировались в форме префиксов (как *ара-*) или суффиксов (как *-goyn*), свидетельствует о сильном влиянии иранского на армянский.

Ф.МАВЕ (Везембеек-Оппем, Бельгия)

"МЕСТОИМЕННЫЕ ЧАСТИЦЫ" В ПЕРИОД ОТ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ДО АРМЯНСКОГО

В индоевропейском существуют многочисленные фразовые частицы, или "местоименные частицы", лишь глобальное изучение которых дало возможность в последнее время выявить их этимологию, модификации, функции; дело в том, что каждая из них по существу зафиксирована в том или ином индоевропейском диалекте лишь с частью своих значений. Будучи первоначально неизменными фразовыми частицами, характеризующимися степенями чередования *e/ o/ i /u* (напр., **ke/o*, **se/o*, **ie/o* и т.д.), они затем специализировались в зависимости от языка по разным функциям и были вовлечены в морфологические парадигмы в качестве местоименных форм.

Им можно приписать функции двух основных типов:

I) связующую функцию анафорического происхождения: в архаических индоевропейских фразах паратактического характера

они функционируют в качестве связочных частиц между высказываниями. Отсюда возникли "пустые" приглагольные частицы (например, аугмент), энклитические сочинительные союзы (греч. -τε, лат. -que), тематический генитив единственного числа на ²-os-jo.

2) дейктическую функцию, которая в свою очередь происходит от первоначального эмфатического или выделительного значения. Эти употребления характеризуются меньшим единообразием; это:

- наречия с темпоральным или локальным значением (лат. iam, tum, unde и т.д.);
- частицы, которыми начинается высказывание (греч. οὐ, скр. eva);
- глагольные частицы с модальной (греч. κε(ν)) или перфективной видовой (лат. con, ст.-сл. ѿ, хет. kan-) значимостью;
- предлоги и послелог, падежные окончания.

Многообразие засвидетельствованных функций этих местоименных частиц объясняется развитием на основе архаической паратактической структуры индоевропейского (независимые высказывания, связуемые друг с другом фразовыми частицами, существительное в начальной позиции, несущее на себе тоническое ударение при энклитическом глаголе в конечной позиции) гипотактической системы, характеризуемой глаголом, несущим тоническое ударение, и употреблением частиц в функции подчинительных союзов и относительных местоимений. В архаической структуре индоевропейского языка именно эти частицы выступали как энклитики при ударном имени; они фигурировали т.о. как в проклитической позиции (откуда возникли предлоги), так и в позиции энклитической (откуда возникли послелог и падежные окончания).

Изучение нескольких падежных окончаний армянского языка (напр., окончания - творительного падежа, -в местного - винительного множественного числа, -о-у творительного, -оу родительного единственного числа), предлогов (напр., z-), частиц и союзов (напр., z, kʰan, ba, tʰ) на текстах армянского перевода Евангелий и Мовсеса Хоренаци дает возможность выявить распределение функций этих "местоименных частиц" в армянском языке в отношении к индоевропейскому праязыку и другим индоевропейским языкам и составить таблицу диалектных соответствий.

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ
ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО И
ДРЕВНЕГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ

1. Армянский и грузинский народы, имеющие старейшую письменность и богатую оригинальную и переводную литературу, начиная с древнейшего периода своей истории, всегда были доброжелательными соседями. На протяжении веков непрерывные и интенсивные взаимоотношения в разных сферах экономики, политики, культуры, духовной жизни, а также литературные связи и традиции переводческой деятельности не могли не способствовать взаимному влиянию армянского и грузинского языков.

2. Армяно-грузинские языковые связи, естественно, в первую очередь отразились на лексическом составе, в котором выделяется как заимствованная друг у друга лексика, так и лексика общего употребления, проникшая из третьего источника, главным образом из греческого, иранского и семитических языков. Кроме лексической общности, в специальной литературе отмечаются также некоторые сходные фонетические черты и, что главное, даже отчасти грамматические и словообразовательные особенности, хотя эти языки резко отличаются генетически и в структурном отношении.

3. В отличие от армянского и вообще от индо-европейских языков, в современном грузинском и родственных ему языках нет категории инфинитива, но по данным памятников V-XI вв. в древнегрузинском наблюдается процесс формирования отглагольного имени — масдара в обстоятельственном падеже, который функционально тождествен инфинитиву. Такому масдару в древнеармянском (также в древнегреческом) соответствует инфинитив, и не исключено, что это способствовало распространению этой конструкции в древнегрузинском.

4. В некоторых древнегрузинских памятниках встречаются конструкции, которые по своей структуре и значению точно совпадают с соответствующими древнеармянскими. Имеются в виду причастные формы с суффиксом -eal, употребляющиеся в функции деепричастия.

5. Материально и функционально тождественны армянский суффикс - *ean* и грузинский - *ian*, которые образуют имена прилагательные от имен существительных. К словообразователь-но сходным суффиксам относятся также -ак, -ик, которые имеют оценочное значение.

6. Обращает на себя внимание типологическое сходство указательных местоимений. В грузинском языке имеется трехступенчатая система этих местоимений, такая же система, в отличие от всех живых индоевропейских языков, характерна и для армянского языка. На этом же принципе строится именная категория определенности-неопределенности.

Ж.-П. МАЭ (Париж, Франция)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПАДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ВОСТОЧНОАРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Исходя из того принципа структурного анализа, согласно которому падежи, как и все другие морфемы, образованы из сочетания означаемого и недискретного или дискретного означающего, мы противопоставляем функциональные падежи, характеризующиеся только окончаниями, нефункциональным падежам (прямой и дательный падежи), к окончанию которых может присоединяться аффикс -*ь* определенного артикля. Помимо своих грамматических употреблений в качестве субъекта или объекта, нефункциональные падежи характеризуются также неграмматическими употреблениями, при которых дистрибуция артикля зависит от ограничений частного характера. Таким образом, они составляют немаркированный член фундаментальной оппозиции падежной системы.

Исходя из этих принципов анализа, родительный падеж (означаемое: "функциональный", означающее: "окончание без артикля") должен рассматриваться как падежная форма, отличная от дательного падежа (означаемое: "не функциональный", означающее: "окончание генитива с или без *n*", особая форма местоимений). Таким образом, подобно проф. Э.Агаяну, мы принимаем существование шести падежных форм: 1) прямой падеж (П), 2) дательный (Д), 3) родительный (Р), 4) творительный (Т), 5) местный (М), 6) отложительный (О).

Из нефункциональных падежей Д образует маркированную форму (+): "только объект", в противоположность П — немаркированной форме (-): "субъект или объект".

В сфере функциональных падежей существуют следующие бинарные оппозиции:

Р (+) "адноминальный" / М-Т-О (-) архиморфема "не адноминальный";

М (+) "адвербиальный" / Т-О (-) архиморфема "не адвербиальный";

Т (+) "ассоциативный" / О (-) "не ассоциативный".

Кроме того, нужно отметить две вторичные оппозиции между функциональными падежами и неграмматическими употреблениями П и Д.

1) Оппозиция М / П-Д (неграмматические) расчленяется следующим образом:

М (+) "ограничительный" / П-Д (-) архиморфема "не ограничительный";

Д (+) "точечный" / П (-) "не точечный".

2) Оппозиция П-Д (неграмматические) / О-Т расчленяется следующим образом:

П-Д (+) архифонема "определенный" / О-Т (-) архиморфема "не определенный";

П (+) "определенный, только пространственный" / Д (-) "определенный, не только пространственный";

Т (+) "не определенный, сопутствующий" / О (-) "не определенный, не сопутствующий".

Совокупность этих оппозиций, которые в докладе будут проиллюстрированы примерами, позволяет учесть все морфематические употребления падежных форм. Эти употребления необходимо отличать от неморфематических употреблений, при которых падежная форма выступает либо как часть дискретного означающего морфемы, образованной предлогом или послелогом в сочетании с его объектом, либо как связанный или факультативный вариант другой падежной морфемы. Например, *tanə* "дома" представляет собой не морфематическое употребление, а вариант местного падежа *tnum*, не принятый в литературной норме.

В заключение необходимо подчеркнуть оригинальность системы армянского языка, в котором дистрибуция артикля выступает как интегральная часть означающего падежных морфем.

ПОРЯДОК СЛОВ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Порядок слов в армянском языке можно определить как переменный (по Холодовичу). К такому выводу приводит исследование порядка слов (на материале математических текстов) в пределах составляющих простого предложения. Внутри предикатной составляющей с глагольным предикатом и некоторыми типами именного предиката порядок слов свободный, точнее, в сильной степени обусловлен фактором актуального членения и прямонаправленной связанности текста. Например: 1. Գտնել կոնակիրդի ծախիւր: 2. Դիտարկենք АВ կորի մի էլեմենտը: 3. Այս բանածէր արտահայտում է ածանցյալի մեխանիկական իմաստը: 4. Այս բանածէր հաճախ անվանում են Մակլորենի բանածէ:

Внутри же остальных составляющих порядок слов фиксированный. Фиксированный порядок слов в армянском языке является левоасимметричным или центростремительным (по Теньеру), за исключением лишь порядка слов в предложной группе, который является центробежным. Например: 1. Ֆունկցիայի աճը բաժանում են արգումենտի աճի վրա: 2. Ածանցենք այս հավասարությունը քառ X-ի:

Таким образом, в армянском языке реализуются следующие схемы фиксированного порядка слов $\frac{P}{P_0}$; GN/AN и два типа основного порядка слов (т.е. порядка следования субъекта, предиката, объекта в предложении): SVO и SOV.

2. Следует отметить, что проявление тенденции к левоасимметричности (центростремительности) и ее преодоление на уровне актуальной организации высказывания связаны:

а) с характеристикой объекта, в частности с реализацией у него признака определенности-неопределенности (оппозиция "генерализованность-конкретность"),

б) с характеристикой предикатной составляющей (оппозиция "модель-текст"),

в) с характеристикой предиката (1. оппозиция "К-предикаты, выражающие ингерентные постоянные свойства, и Т-предикаты, выражающие изменение; 2. оппозиция "модель-текст").

Перечисленные в пунктах б) и в) оппозиции можно рассматривать как проявление в различных формах оппозиции "статика-динамика".

3. Исследование порядка слов в разговорной речи и фольклорных текстах показывает, что для армянской устно-разговорной речи (РР) характерен порядок VO .

Таким образом, математические (и по-видимому, любые научные) тексты как предельно упорядоченная разновидность письменной речи противопоставляются РР по распределению типов VO и OV .

Что касается иных функциональных разновидностей литературного языка, а также произведений художественной литературы, то вопрос о распределении типов VO и OV в них еще требует тщательного изучения; можно лишь предположить, что это распределение будет зависеть от особенностей синтаксиса указанных текстов и степени его приближения к синтаксису устно-разговорной речи, а также времени создания изучаемых текстов и некоторых других факторов.

4. Наличие центростремительного порядка слов и, главным образом, типа SOV в армянском языке, принадлежащем к индоевропейской семье языков, есть явление архаичное (что подтверждается изучением синтаксиса эпических текстов и текстов У в. - по данным И.Кусикьяна и С.Айрапетяна).

Е.К.МЕЛКОНЯН (Ереван, СССР)

АРМЯНО-КЫПЧАКСКИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ГЛОССАРИИ

1. Армянско-письменное кыпчакское наследие богато и разнообразно. Его создание продиктовано историческими условиями существования армянского народа в XVI-XVII вв., в частности фактом массовой эмиграции армян к северным берегам Черного моря, в Каменец-Подольск и во Львов.

2. Язык этого наследия обычно называют армяно-кыпчакским. Действительно, для населения колонии характерно двуязычие, с преобладанием того или иного языка (в XVI-XVII вв. это двуязычие армяно-кыпчакское, а в XVII-XVIII вв. - армяно-польское). Однако это не смешанный язык, особенно если иметь в виду язык письменных памятников. Именно поэтому предпочтительно употреблять выражение "армянско-письменные памятники кыпчакского языка".

3. В указанных памятниках особое место занимают пособия

по грамматике и армянско-кыпчакские глоссарии.

4. Различаются два вида армянско-кыпчакских глоссариев по их составу:

а) Собственно грамматические глоссарии, сближающиеся со словарем, известным в армянской филологии под названием "Словеса грамматические" ("Քարգ քերականի").

б) Развернутые глоссарии, которые охватывают, помимо грамматической терминологии, также и наиболее употребительный слой лексики.

5. Изучение вышеописанных глоссариев дает возможность извлечь значительный по объему материал для исследования кыпчакского языка:

а) с помощью кыпчакских грамматических форм и их вариантов, приведенных в глоссарии в виде соответствий грамматическим формам армянского языка, можно восстановить грамматику кыпчакского языка, поскольку грамматические значения данных форм оказываются выраженными более четко;

б) наличие в глоссарии ряда синонимов как существующих в кыпчакском языке эквивалентов данного армянского слова делает возможным различение этих синонимов по их принадлежности к различным тюркским языкам;

в) глоссарии являются источниками изучения кыпчакской грамматической терминологии, которая создавалась частично способом калькирования армянских грамматических терминов, частично же посредством изменения значений кыпчакских слов.

6. Изучение глоссариев может быть полезным и для исследований в области армянского языка. Если даже там не окажется новых слов, то, по крайней мере, с помощью глоссариев могут быть уточнены известные и выявлены неизвестные значения слов.

Г.К.МИРЗОЯН (Ереван, СССР)

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВАНЕСА ОЛОВА

І. Видный грамматик, ритор, переводчик, толкователь и известный деятель армянского книгопечатания Ованес Олов (1635-1691 гг.) оставил богатое литературное наследие, значительная часть которого имеет большое значение для изучения истории как армянской лингвистической мысли, так и армянского языка,

его стилистики и терминологии.

2. Хотя в последнее время отдельные арменоведы проделали ценную работу по выяснению лингвистических взглядов (Г.Джаукян), принципов стилистики и риторики (П.Погосян), а также активной деятельности Ованеса Олова в области книгопечатания (Р.Ишханян), тем не менее до сих пор нет ни одной целостной работы, всесторонне освещающей литературное наследие этого крупного деятеля армянской культуры. Именно поэтому сложившееся в прошлом неправильное, если не сказать несправедливое, мнение о личности Олова по традиции в целом продолжает бытовать и в наши дни.

3. Беспристрастное исследование литературного наследия Олова свидетельствует о том, что перед нами весьма сложная и противоречивая фигура: вначале, как ученик Клементя Галаян, он был фанатичным католиком, а во второй половине жизни, под влиянием некоторых исторических обстоятельств, переживая идейную эволюцию, Олов встает на позиции религиозной терпимости, посвящает себя просвещению родного народа, всемерно благоприятствует его умственному развитию и повышению национального самосознания. Именно этой эволюцией можно объяснить парадоксальный на первый взгляд факт изменения его отношения к современному армянскому языку-ашхарабару: будучи ярым приверженцем латинизации армянского языка, в книге "Очищение армянского языка или армянская грамматика", изданной в 1674 году, он проявляет к "разговорному армянскому" в сущности пренебрежительное отношение, считая его "смешанным и неправильным", а в книге "Толкование псалмов" в 1687 г. он уже отстаивает права ашхарабара — того же разговорного армянского, становясь одним из первых его приверженцев.

4. Эта книга Олова пока привлекала внимание только лингвистов. Между тем выясняется, что она не менее ценна и в идейном отношении. Книга откликнулась на происходящие во второй половине XVII века национально-освободительные брожения в сознании армян — она была призвана устранить "дух сомнения" и "открыть глаза глупцам" — именно эта высокая цель побудила Олова писать на ашхарабаре "не ради церковников, а ради пользы и выгоды простого народа".

АККАДСКИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В АРМЯНСКОМ

Специалистов давно привлекает тот факт, что армянские слова, относящиеся к земледельческой культуре, не этимологизируются на основе индоевропейских корней. Это подчеркивается и в книге "История армянского языка" Р.Ачаряна: "Удивительны земледельческие термины протоармянского языка: вопреки нашим представлениям, протоармяне не богаты словами такого рода. Многие названия земледельческих орудий, как 𐎠𐎺𐎠, 𐎠𐎺𐎠𐎺, 𐎠𐎺𐎠𐎺𐎠, 𐎠𐎺𐎠𐎺𐎠𐎺, 𐎠𐎺𐎠𐎺𐎠𐎺, 𐎠𐎺𐎠𐎺𐎠𐎺, 𐎠𐎺𐎠𐎺𐎠𐎺𐎠, 𐎠𐎺𐎠𐎺𐎠𐎺𐎠 и т.д. не имеют индоевропейского происхождения" (Р.Ачарян, История армянского языка, І ч., стр. 124 -- на арм.яз.).

При отсутствии общих названий земледельческих терминов между армянским и другими индоевропейскими языками, можно говорить об очень раннем расчленении индоевропейских племен, которое, видимо, произошло до перехода этих народностей и племен к оседлому образу жизни. Многочисленные термины (имена и названия действий, в которых отражен почти полный цикл земледельческих работ) объясняются по-аккадски или имеют аккадский облик (фонетическое сходство, суффиксация). Большая часть из них отсутствует в других семитских языках.

Поскольку в названиях инструментов отражаются названия тех процессов, для которых они предназначены, то они должны толковаться на том языке, который их создал, напр. резак и ре-зеп от резать, колун от колоть, тесак от тесать и т.д. могут толковаться только по-русски.

Но ответ на вопрос, когда и каким образом могли проникнуть аккадизмы в армянский язык, пока остается неясным: часть специалистов считает аккадизмы в армянском результатом опосредствованных контактов, но по нашим данным среди данных слов большое количество составляют также прямые заимствования.

К сожалению, история доурартской Армении до сих пор почти не изучена или изучалась отдельно от истории Месопотамии, что подчеркивается в книге "История Армении" Н.Адонца: "Мы фактически находимся в полной темноте относительно судьбы и названия Армении в шумеро-аккадскую эпоху"; "В каком состоянии была Армения в шумеро-аккадскую эпоху? была ли составной частью

цивилизованного мира и как она называлась в этом далеком прошлом? — Об этом в основном абсолютно ничего не известно" (Н.Адонц, История Армении/на арм.яз./, Ер., 1971, стр. 24, 27). Но там же автор делает вполне логичный вывод: "Армения, по стечению обстоятельств, по своему географическому положению, не могла быть изолированной от Месопотамской цивилизации" (Н.Адонц, там же, стр. 18). О том, что история Армении неотделима от истории Двуречья, свидетельствуют не только шумеро-аккадский субстрат армянского языка, но также археологические данные.

Предстоящая задача специалистов — уточнение хронологии возможных прямых контактов между аккадским и армянским языками, и в этом деле особая роль принадлежит именно земледельческим терминам, отличающимся своим консерватизмом от других слов.

С.Н.МУРАВЬЕВ (Москва, СССР)

АРМЯНСКИЙ И АІВАНСКИЙ АЛФАВИТЫ КАК ИСТОЧНИКИ О ФОНЕТИКЕ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО И ДРЕВНЕУДИНСКОГО ЯЗЫКОВ

1. Общеизвестно, что древнеармянский алфавит был фонетическим, т.е. адекватным фонологической системе древнеармянского языка, являясь хорошей ее моделью. Но до недавнего времени оставались неизвестными другие его "фонологические" свойства: деривация внешней (графической) формы букв для фрикативных звуков *v, ž, h, x* из соотв. внешней формы фонетически наиболее им близких *b, z, k* и *k**; графическая геминация букв *e + օ [·i]* и *ə [·i]* + *i [·i]* при создании букв для "сложных" фонем *ē [ei]* и *ū [i i]*; наконец, графическое моделирование шестью буквами для аффрикат дифференциальной структуры соответствующих шести фонем (каждой дифференциальной черте звука соответствует определенное графическое свойство буквы). Эти наблюдения (о которых см. REArm. XIV, 1980, с. 94-97) имеют непосредственное отношение к вопросу о способе создания армянского алфавита, но представляют также несомненный интерес как позволяющие уточнить фонетические особенности некоторых фонем (подтверждают дифтонгичность/-гоидность [ē]; указывают

на восприятие [у] как геминированного[i] ; говорят в пользу трактовки аспирированных аффрикат как глухих с дополнительным признаком "придыхательность" и др.).

2. Некоторый свет на конкретное звучание древнеармянских фонем проливает и анализ порядка букв агванского (кавказско-албанского) алфавита (см. ЕИКЯ, т. УШ, 1981, с. 227-243). Все агванские буквы четко делятся на "армяноподобные", строго следующие алфавитному порядку своих армянских эквивалентов (а, е, з, ё, т', ж, і, з, с, к, һ, џ, м, н, в, о, џ', р, в, в, т, г, с', w, р', к') и "армянонеподобные", вставленные без какого-либо явного порядка в промежутки между первыми. Такое деление предполагает квазиидентичность произношения звуков первой группы в обоих языках несмотря на то, что один из них - индоевропейский, а второй - кавказский. Но тем более любопытна фонетическая неидентичность таких, наличных в обоих алфавитах звуков, как звонкие b, d, g, неинтенсивные у и ж и иррациональный ы/ə.

3. Сличение алфавитного порядка армянских и агванских букв особенно информативно касательно фонологической системы древнеудинского (агванского) языка. Поскольку значения агванских букв дошли до нас только в армянской транскрипции (в рук. 7II7 Матенадарана), каждой букве соответствует армянский эквивалент. Но деление их по критерию позиционного соответствия/не-соответствия этим эквивалентам (гевр.-фонетической идентичности/неидентичности им) позволяет выделить те агванские буквы, значения которых специфичны, а сопоставление полученной таким образом системы фонем с фонологией современного удинского языка позволяет уточнить характер специфичности этих звуков (интенсивность согласных и фарингализованность гласных). Наконец, алфавитный порядок этих "армянонеподобных" букв, также следующих армянскому, но в виде трех последовательных субрядов (ò, b, g, ж, џ, у₁, п, ё, d, ж, і^x, һ, а, у₂, џ', к₂, ж₁, т; і, z, l', р, к₂, г', в) и отсутствие каких-либо позиционных коррелятов у алб. і₂[і] и і₃[ы] приводят к интересным выводам о характере произношения некоторых из обозначаемых ими звуков (открытость ò, лабиализованность һ и ё, наличие приступа у инициального а, и др.).

4. В докладе также будет затронут вопрос о фонетическом

значении внешней формы букв агванского алфавита как в смысле деривации ее из внешней формы соотносящихся с ними букв армянского и грузинского алфавитов (а также агванских неспецифичных) так и в смысле моделирования некоторыми албанскими буквами дифференциальной структуры соответствующих им фонем.

А.Н.МУРАДЯН (Ереван, СССР)

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ГРЕКОФИЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

1. В истории армянской культуры "грекофильской школой" называются те младшие переводчики V века, которые, получив греческое образование, выполняли научные переводы с греческого языка по определенной учебной программе.

2. Для точных переводов научных трудов требовалось владение соответствующей научной терминологией и научным стилем. По этой причине язык научных трудов грекофильской школы (переводы, комментарии, самостоятельные исследования) претерпевает сильное влияние греческого словообразования и синтаксиса. Этот язык называется грецизированным армянским.

3. Арменистов, изучавших историю грекофильской школы, более всего интересовало время ее становления. К сожалению, отсутствие точных фактов приводит к колебанию этой даты у разных исследователей от V до VIII вв.

4. По мнению А.Манандяна грекофильская школа сформировалась в конце V в. и существовала в VI-VII вв. Он распределяет работы грекофильской школы по 3 группам, опираясь на языковые особенности этих трудов. А.Манандян располагает также определенным хронологическим аргументом - датой перевода "Опровержения" Тимофея Элура.

5. Уточнение дат жизни Мовсеса Хоренаци и Давида Анахта и их научного наследия дает нам основание с уверенностью относить становление грекофильской школы к середине V в.

6. Деятельность грекофильской школы не ограничивается VI-VII вв., как утверждает А.Манандян, а продолжается вплоть до XV в. в различных областях науки (Степанос Сюнеци VIII в., Григор Магистрос XI в., Иоан Ерзнкаци XIII в., Ваграм Рабуни XIII в., Иоанн Воротнеци XIV в., Григор Татеваци XIV в.).

ДИАЛЕКТНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ В СРЕДНИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ
АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. Ни один из диалектов среднего периода развития армянского языка (XII–XVI вв.) нами не унаследован. Однако, в среднеармянском литературном языке, разрабатываемом на основе разговорного среднеармянского языка, имеются явные признаки территориальной раздробленности, которые объясняются влиянием местных диалектов. В этом смысле среднеармянский литературный язык становится источником изучения диалектов среднеармянского языка. Вместе с тем, средний литературный язык не дает достаточных оснований для восстановления какого-либо современного ему диалекта, поскольку многие диалектные черты остаются за пределами литературного языка.

2. В вопросе выявления диалектных черт, не засвидетельствованных письменно, большое значение приобретают диалекты ашхарабара, которые, являясь непосредственными преемниками диалектов среднеармянского языка, наследуют некоторые их черты. Для их выявления необходимо в первую очередь посредством методов внутреннего восстановления и исключения инноваций, возникших в языке после среднеармянского периода – дойти до среднеармянских пластов современных диалектов, затем определить языковую ситуацию среднеармянского языка в его наиболее характерных чертах.

3. В результате такого анализа с относительной точностью восстанавливаются западный, центральный, северный, южный, восточный среднеармянские диалекты на территории исторической Армении, а также диалекты Киликии и Междуречья.

Число дифференциальных признаков этих диалектов в первом периоде развития среднеармянского языка (XII–XIV вв.) возрастает в соответствии с временным фактором и, главным образом, территориальной удаленностью.

4. Во втором периоде развития среднеармянского языка (XV–XVI вв.) в пограничных зонах исторической Армении, а также в Киликии и Междуречье, наблюдается ускорение темпов языковых изменений. В некоторых диалектах эти изменения охватывают языковую структуру лишь частично, а в некоторых – более полно.

Наибольшая скорость изменений наблюдается в диалектах Ареника, Гохтна, Антиохии, Зейтуна, по сравнению с которыми большую стабильность проявляют диалекты Гугарка, Архаца, Хоя, Сасуна. Еще более медленный темп языковых изменений наблюдается в диалектах центральной Армении, особенно в диалектах Басена, Алашкерта, Муша, Хизана.

Такая разница в темпах языковых изменений способствует усилению диалектной раздробленности, что обуславливается как внутриязыковыми, так и внеязыковыми факторами.

О.Д. КУРАДЯН (Ереван, СССР)

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. Основной целью составления диалектологического атласа является применение методов лингвистической географии и на этой основе — разрешение узловых проблем истории армянского языка и диалектологии. В более широком плане, диалектологический атлас армянского языка будет иметь большое арменоведческое-источниковедческое значение и как таковой внесет определенных вклад в изучение различных сторон духовной и интеллектуальной жизни армянского народа.

2. Прежде чем приступить к составлению атласа, мы провели ряд подготовительных работ. Определен объем программы по сбору материала, выявлены признаки, подлежащие картографированию, выработан принцип выбора населенных пунктов, подлежащих опросу и т.д.

Составлена специальная программа для сбора материала с учетом важнейших лексических, фонетических и грамматических различий диалектов, а также особенностей исторического развития армянского языка и его диалектов. В отличие от других программ подобного рода, ставящих целью выявление языковых особенностей диалектов данного языка, целью указанной программы является определение границ территориального распределения уже известных диалектных признаков. И поэтому, лексические, грамматические и фонетические дифференциальные признаки (около 800), включенные в программу, здесь выступают как изоглос-

сы для будущих карт атласа.

3. Составление диалектологического атласа армянского языка связано с определенными трудностями, обусловленными историческими событиями, имевшими место в жизни армянского народа за последние 100-150 лет.

В результате нарушений, имевших место в некогда равномерном (естественном) расположении армянских диалектов, в ряде случаев возникают трудности при территориальном распределении собранного языкового материала.

Появляется необходимость преодоления трудностей, связанных с хронологическими расхождениями в собранном из разных ареалов языковом материале.

4. Для обеспечения точности и достоверности подлежащего картографированию материала, работы по его сбору ведутся специалистами-диалектологами, за каждым из которых закреплен определенный ареал. В отдельных случаях в работах по сбору материала принимают участие представители армянской интеллигенции - в основном носители данного диалекта. Контроль и руководство их работами осуществляют сотрудники сектора диалектологии.

Запись материала производится в единой транскрипции, обязательной для всех.

5. За пять лет функционирования программы собран материал из 250-и населенных пунктов (по приблизительным подсчетам), 80 из которых входят в западноармянский ареал.

Работы по сбору материала в настоящее время ведутся в близко расположенных к гор. Еревану населенных пунктах, где живет много репатриированных армян и переселенцев.

Первое же ознакомление с собранным материалом показывает, что программа полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым к составлению атласа.

Накопленный материал дает возможность сделать интересные наблюдения на основании изучения ареального распространения отдельных языковых явлений (с использованием языковых данных письменных источников).

В настоящее время уже опубликовано и готовится к публикации несколько исследований такого рода (пока в виде отдельных статей).

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Согласно принятой периодизации, история древнеармянского языка делится на периоды классического грабара (V в., в особенности, его первая половина), постклассического грабара (VI-УП вв.) и досреднеармянского языка (УШ-ХI вв.). Это деление учитывает в основном литературный вариант древнеармянского языка (грабар), что отражается также в названиях периодов. При учете же других вариантов древнеармянского языка (в основном живого разговорного языка) трудно найти такие изменения в языковой структуре и его функционировании, на основе которых можно было бы строго разграничить указанные I и II периоды. Такие критерии появляются позднее, начиная с УП века.

Классический и постклассический периоды можно выделять только для литературного варианта, причем довольно условно, т.к. здесь мы имеем дело не столько с хронологической последовательностью, сколько с двумя, одновременно существовавшими школами, двумя направлениями литературной обработки языка (грекофильской и так наз. исконно армянской школами), разумеется, с несколько более поздним возникновением грекофильской школы.

Б.А.ОЛСЕН (Копенгаген, Дания)

О РАЗВИТИИ ИНТЕРВОКАЛЬНОГО *-w- В КЛАССИЧЕСКОМ ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Общепринятым правилом является переход: *-vwv-> *-vgv
Исключения (ср. Эйхнер, Die Sprache 24, 1978, pp. 144-62)

1. *-iwv-> -iwv- напр. с'iw "крыша" <*ekewo-, k'iw "дерево, лес" <*g'ih₃wo-, t'iw "число" <*tewho-
2. *-vwu-> vwu напр. haw/hawu "1. птица, 2. дед",
3. *-v_Iwv_I-> -v_I напр. kov/kovu "корова", nor "новый" <*noworo, vor "дырка" <*koworo-

Данные в поддержку перехода

1. aganim "проводить ночь" < h₂aw- (ср. греч. $\alpha\gamma\alpha\gamma\eta$ "хили-

ще, хозяйство".

2. *aganim* "надевать" < **h₂aw* (лит. *auti* "надевать обувь", ср. также арм. *awt'oc* "одеяло")
3. *aroganem* "орошать" < **arow* (санскр. *aravati*).
4. *loganam* "купаться" < **lowh₁-* (ср. греч. *λοεῖρον*)
5. *s'ogay* "я пошел" < **kyow* (ср. санскр. *cyavate*)
6. *vag* "гусь" < **kawah₂* (древнеслав. сова)
7. *hog* "забота" /возможно **rowo-* (Эйхнер, 1978, стр. 151), или же корень **h₂eg^h-* /*h₂og^h-*, как в греческом *ἄγρομαι* "я подавлен" / *ὄχλησεν* "я обеспокоен" /
8. *yag* "к удовольствию" (корень **yah₂w-* с назальным инфиксом в ведийском *āyinvant* "ненасытный") Ср. Мейе, *BSL* 22, 1921, стр. 20.

Данные в пользу перехода **-vwv->-vwv-*

1. *awimw* "либидо" < **h₂-awh-* Ср. санскр. *avati* "потребность", *awitar* "благодетель", лат. *aveo*, *avidus*
2. *dedewimw* < **d^hew^h-* "качаться", ср. санскр. *dhunoti/dhunāti* "тряска, лихорадка", пр.вр. *dhūta-* так же, как и редулицированная /интенсивная/ форма *dodhāviti*
3. *tevem* "продолжаться", ср. санскр. *dāvīyam* < **d^hew^h-* (для этого корня мы должны принять "Неопределенный аблаут" - ср. дорийск. *δαρυ* = арм. *erkar* ; нулевая огласовка в санскр. *darā* - "далеко")
4. *hoviw* "пастух" < **h₂owi -rah₂*
5. *ešewin* "кедр", ср. русск. яловец (можжевельник)
6. *t'ovem* "очаровать", ср. с **s-*мобиле" в санскритском *stauti* греч. *στειναι* < **st^hew-*
7. *awetel* "возвещать радостную весть" *εὐαγγελίζομαι* **h₁su-h₂wed-* (ср. греч. *αὐδῆ* "голос")

Заключение: **-Vwa/o->-Vga/o-*. **-Vwe/i->Vwe/i-*.

Аналогичные процессы:

**kowi/kogoy > kogi/kogwoy* по типу *ordi/ordwoy*

Порядок правил: **kowi/kogoy > kogi/*kogoy > kogi/kogwoy* или же

**kowi/*kogoy > kowi/*kogwoy > kogi/kogwoy*

подобно этому *hogi/hogwoy* "дух" и *aygi/aygwoy* "виноградник".

РАЗВИТИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Начиная со второй половины XIX века в развитии грамматической структуры современного армянского языка наблюдаются следующие закономерности.

1. Постепенно устраняется вариативность в образовании множественного числа имен существительных, становятся общераспространенными форманты *-ի* и *-նի*, четче очерчивается область их функционирования.

В течение последних десятилетий значительно уменьшается, по сравнению с досоветским периодом, число параллельных (дублетных) форм множественного числа существительных, форманты *-ը*, *-իք* вытесняются из литературного языка, сохраняясь лишь как элементы диалекта или разговорной речи.

2. В системе склонения существительных наблюдается тенденция к распространению типа склонения на *-ի*. Получает окончательное оформление тип склонения на *-ի*, выполняющего роль определителя класса слов с темпоральным значением. В целом определяются границы функционирования и других типов склонения — на основе семантических и формальных признаков. Распространение типа склонения на *-ի* приводит к значительному увеличению числа дублетных (параллельных) форм (особенно форм родительного падежа); ср. *սպանիկի* — *սպանիկան*, *ճրվիկի* — *ճրվիկն*, *գարնիկի* — *գարնիկն* и др.

Сужается сфера применения артикля в системе склонения; употребление артикля с существительными в отложительном, инструментальном и местном (*բացառիկան*, *գործիական*, *ներգրական*) падежах, весьма распространенное в литературе в конце XIX и начале XX вв., ныне не является нормой, артиклизация указанных падежных форм сохраняется как диалектизм, а в отдельных случаях имеет значение притяжательности: *գրականիք* *փող չկա*, *գլխովիք* *խել կա*:

Значительно изменилась система склонения местоимений, формы *սոքա*, *դոքա*, *նոքա*, *սոքի*, *դոքի*, *նոքի*, заимствованные из габара, уступили место формам *սոանք*, *դոանք*, *նոանք*, *սոա*, *դոа*, *նոа*:

3. В системе спряжения также наблюдается тенденция к урегулированию и упрощению.

Получает окончательное оформление спряжение на *ի* и *ա* формы на *իլ*, *զիլ*, еще функционировавшие в конце XIX и в начале XX вв., уступают место формам на *ել*, *զել*.

Значение страдательного залога выражается с помощью суффикса *ի*.

Сужается сфера применения результатива (*հարկառուար ծախսելու*), происходят частичные изменения в образовании форм желательного (*ընծալան*), принудительного (*հարկադրալան*) и повелительного (*հրաժարալան*) наклонений.

4. Наблюдаются также определенные сдвиги в синтаксической структуре:

а) совершенствуется предложно-последеложная система, проясняются функции предлогов-последелогов и последеложных слов, получают большую определенность синтаксические конструкции, применяющиеся в различных функциональных стилях, а также функционально-стилистические границы синтаксических синонимов;

б) изменяется управление у ряда глаголов – в результате изменений в их семантике (расширение или изменение смысла, сдвиги в залоговых формах);

в) значительно увеличивается число структурных типов именных словосочетаний вследствие возросшей употребительности отглагольных имен существительных, особенно в течение последних десятилетий.

А.Г.ПЕРИХАНЯН (Ленинград, СССР)

К ЭТИМОЛОГИИ АРМЯНСКОГО *harewan* "СОСЕД"

1. Самое раннее упоминание арм. *harewan* "сосед" – в колофонной записи 1341 г., сделанной уроженцем Еревана. Слово имеется в восточноармянских диалектах, но отсутствует в древнеармянских текстах и в западноармянском, где понятие "сосед" передается словом *dracⁱ*. О происхождении слова выдвигались две гипотезы.

2. Согласно гипотезе М.Абегяна (цит. Ачаряном в "Этим.

сл. арм.яз.", III, 57-58), слово составлено из арм. *yar(a)-* + арм. *van* (ср. *van-k'* "корчма, монастырь") и по композиции аналогично греч. *παροίκιος*. Это предполагает древнеарм. *yara-van*, в средневековом произношении **haravan*. Но уже присутствие *h-* в инициали трех диалектных форм — *harēvan* (Ереван, Тифлис), *hrēvan* (Карабах) — обесценивает эту гипотезу, ибо нормальный рефлекс древнеарм. *y(a)* — в этих диалектах распределяется по схеме *h - ∅ - y(ē)* [*<y(a)-*]

3. Ачарян (ук.соч., там же) усматривал в данном слове заимствованный из иранского композит, составленный из *hada* "вместе" и иранского оригинала арм. *van-k'* "обиталище, корчма; монастырь" (< парф. **vān* < иран. **vahana-Vvah*). Реконструируемое парф. **hadavan* дало бы арм. *harawan*, что оставляет необъяснимым тембр [e] в существующей армянской форме.

4. Для объяснения арм. *harewan* моделью равно удовлетворительной как в семантическом, так и в фонетическом отношении мне представляется иран. **hada-dmana-* "чье жилище рядом; сосед", древнемидийская форма которого, **hada-dmana-*, должна была дать среднеид. **hadēbān > ha'ēṣ ān*, что можно полагать непосредственным источником арм. *harewan*. Родственный вариант, иран. **hamaḍmāna-* сохранился в согд. *𐰽𐰺𐰍𐰚 ndt = āvḍmānd* "живущий в одном доме, сосед" (см. W.B. Henning, *Sel. Papers*, I, стр. 484). В развитии *-adm->-em- : -adb-/-aḍṣ->ēṣ* — среднемидийский очевидно смыкался со среднеперсидским, ср., напр., среднеперс. *хуш(=хеш)* 'рана' **xadman-* (при парф. *xadm*) и среднеперс. *ēvēn* 'вид, разновидность и пр.' < **aḍṣen < abḍēn < *abidaīna-*; арм. *awḡēn*.

В.ПИЗАНИ (Милан, Италия)

ПРЕДЫСТОРИЯ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ АРМЯНСКОГО НАРОДА (на основе лингвистических данных)

Понятие "народ", так же как и понятия "язык", "религия" и т.п., имеет "собираательный" характер и охватывает совокупность фактов, рассматриваемых под определенным углом зрения; в нашей языковой практике, четко различающей понятия "государство" и "народ", последнее слово обозначает совокупность индивидов, с детства говорящих на некотором языке, воспринимае-

мом ими как родной язык, и именно на основе этого различительного признака рассматривающих себя в качестве представителей данного народа. Таким образом, история того или иного народа отражается в истории его языка, взятого в его диалектных и социальных вариантах, которые мыслятся как относящиеся к определенному единству, концентрирующемуся, как правило, вокруг соответствующего устного или письменного литературного языка. Поэтому именно посредством изучения элементов армянского языка мы получаем возможность установить, каким путем образовался армянский народ.

Так, мы констатируем наличие слоя урартских или южно-кавказских схождения (его можно было бы назвать "хайасским"), на который наслоились диалекты, составляющие часть индоевропейской семьи. Из их числа нужно особо выделить те, которые, с одной стороны, соприкасаются с греческим, а также албанским, а с другой стороны, с германскими языками. В период консолидации племен могли иметь место контакты и с другими языками, находившимися в процессе формирования, напр., с анатолийскими языками или с санскритом; но особенно сильный толчок к развитию был дан господством парфян, в результате которого армянский язык был наводнен лексическими и грамматическими элементами иранского происхождения.

Во времена Месропа Маштоца подражание греческим оригиналам вызвало приток в письменный язык множества греческих лексем. Литературный язык оказал влияние на различные диалекты, которые, тем не менее, продолжают сохранять индивидуальные черты, порою макроскопического характера, несмотря на это армянский язык и, вместе с ним, армянский народ на всем протяжении своей истории представлял собой органическое единство.

Дж.РАССЕЛЛ (Нью-Йорк, США)

О ДРЕВНЕЙ АРМЯНСКОЙ РЕЛИГИИ

Надписи, найденные в 1895 г. близ селения Аребсун/Ярпуз/ в исторической Каппадокии и высеченные по всей вероятности в IV в. до н.э., представляют большую ценность для изучения

сложной структуры верований ближайших соседей армян и в некоторой степени способствуют нашей настоящей попытке выделить и анализировать также армянскую дохристианскую религиозную лексику.

Стиль рельефов определен как "новохеттский" (Neo-Hittite), однако одна арамейская надпись сообщает о свадьбе главного ассирийского божества Бела и иранской богини Ден Мавдаясниш, которая является воплощением целомудрия и благочестия в зороастрической религии.

Верования армян, основанные на древнеанатолийской а также исконно армянской почве, начиная со времен ахеменидов заимствуют много черт иранских религий, в основном зороастризма. Можно выделить хронологические пласты и этапы этого влияния, установив закономерные фонетические соответствия в иранских заимствованиях — с одновременным учетом их семантических изменений (например, Спандарамет и сандарамет- k^c).

Семитские элементы, отраженные в армянских верованиях, носят печать иранской идеологии, как в Аребсунской надписи, следовательно, можно предположить, что древняя армянская религия не была ни рабской копией персидского культа, ни эклектическим сплетением из разнородных элементов, а являлась самостоятельной, армянской разновидностью зороастризма, тесно связанной с парфянской государственной религией. Это обогащает наши представления о характере досасанидской иранской культуры.

А.Ю.РУСАКОВ (Ленинград, СССР)

АЛБАНСКИЙ И АРМЯНСКИЙ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

1. Взаимоотношения албанского и армянского издавна привлекают внимание индоевропеистов (Х.Педерсен, Х.Барич, В.Пизани). Однако, за время, прошедшее после опубликования работы Педерсена на эту тему (1900), наши знания о генетических и

ареальных отношениях албанского и армянского принципиально не продвинулись. Это объясняется, прежде всего, все еще недостаточной изученностью исторической фонетики обоих языков. Большие изменения, которым подверглось индоевропейское наследие в албанском и армянском, привели к тому, что к этим языкам применяются в готовом виде результаты, достигнутые компаративистикой на основе изучения других и.-е. языков. Это не может не увеличить количество этимологий *ad hoc*, в результате затрудняется установление надежных лексических и морфологических изоглосс.

2. Особенно остро проблема языков, на основе которых производится реконструкция, и языков, к которым эта реконструкция применяется, встает при обращении к проблеме отражения и.-е. гуттуральных в албанском и армянском. Действительно, сам по себе албанский и армянский материал не дает ответ на вопрос о количестве рядов и.-е. гуттуральных. Отражения гуттуральных в этих языках истолковываются в зависимости от общей концепции и.-е. консонантизма, которой придерживается тот или иной исследователь. Представляется, однако, что в албанском наличие различных рефлексов лабиовеларных и веларных более очевидно, чем в армянском.

3. Некоторые изоглоссы, приводимые в поддержку идеи об ареальной близости албанского и армянского непоказательны и свидетельствуют лишь о типологически сходном развитии (сходство в трактовке консонантных групп), другие не являются исключительными (нейтрализация противопоставления палатальных: веларный в некоторых позициях). Наконец, ряд изоглосс базируется на сомнительном в этимологическом отношении материале. Это относится, например, к трактовке в албанском и армянском группы "палатальный +ц" (см. Ф.Кортландт в КЗ, 94). Постулированный еще Н.Йоклем переход *k_ц в в.g_ц в z в албанском базируется лишь на двух примерах, один из которых (вогге "со-рока" из *k_цegnā) достаточно двусмыслен. Во всяком случае, вряд ли есть основания для проведения параллелей с армянским, где переход *k_ц в ž подтверждается также лишь двумя примерами (вполне надежен только žun "собака"). Вообще; если рассматривать процессы палатализации в контексте целостной эволюции фонологической системы каждого из языков, то становит-

ся очевидно, что эти процессы имеют не так много общего и часто принадлежат к разным хронологическим пластам.

Н.Г.САГАНЕЛИДЗЕ (Тбилиси, СССР)

КОРНИ ТИПА CVC С НАЧАЛЬНЫМ СИБИЛЯНТОМ В
СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В результате анализа корней типа CVC, с начальным сибилантом (учитывается произношение) выведены правила исключения, из которых самыми существенными являются:

1. сибиллянты $z, c, \zeta, \check{z}, \check{c}, \check{\zeta}, \check{z}, \check{\check{z}}, \check{\check{c}}$ не встречаются:

- а) с сибиллянтами,
- б) со звонкими, поскольку при произношении все звонкие в данной позиции переходят в соответствующие глухие, кроме v и y (в древнейшем армянском рефлекс слогового [ɹ]).

2. Сибиллянт v не встречается:

- а) с сибиллянтами,
- б) с глухими придыхательными.

Корни, не показывающие эти исключения, являются: заимствованными, звукоподражательными, диалектными, рефлексными (типа C_1VC_1), или же интерпретируются в диахроническом аспекте.

В корнях с начальными сибиллянтами эти правила исключения объясняют действующий в армянском языке закон оглушения.

Указанные правила тесно связаны с существующими в армянском языке последовательностями согласных $zb, zg, zd, sp, st, sk, zp', st', sk', \check{z}p', \check{st}', \check{sk}'$.

Перечисленные последовательности согласных, в отличие от других последовательностей в афлауте, не допускают включения гласного $\bar{a}$ (в данном случае гласная $\bar{a}$ предшествует этим последовательностям согласных).

Выяснилось, что указанные последовательности согласных, разделенные в афлауте вокалом (CVC), трудно произносятся и необходимо, чтобы они оказались в интервокальной позиции (VCCV).

ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОЛОФОНАХ АРМЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ

С целью ознакомления не-армянских ученых со значением колофонов армянских рукописей для исследований по истории, я издал монографию на английском языке, посвященную колофонам XIV-XV веков. Тексты основаны на первых трех томах колофонов, отредактированных и изданных покойным академиком Левонем Хачикяном. Во введении к монографии анализируются особенности колофона как литературного жанра, подчеркивается тот вклад, который вносят эти первоисточники при изучении различных аспектов истории Ближнего Востока. Основная часть книги состоит из исторических текстов, извлеченных и переведенных впервые из колофонов и рукописей, относящихся к периоду 1301-1480 г. Обширные приложения и индексы предназначены для толкования текстов и для облегчения пользования ими в качестве первоисточника в исследованиях по истории.

"Глоссарий иностранной терминологии", представляющий собой важный аспект монографии, содержит этимологические и филологические данные примерно 250 заимствованных слов, встречающихся в текстах колофонов. В данном докладе освещается значение колофонов как основного первоисточника для этимологического изучения заимствований в армянском языке. Глоссарий этого тома показывает влияние на лексику армянского языка иранских и тюркских языков, арабского, сирийского, монгольского и грузинского, а также таких европейских языков, как греческий, латинский, итальянский и французский. Большинство этих заимствований никогда не входило в состав армянского литературного языка, однако, вследствие их распространенности в народном языке, на котором говорили писцы, они нашли отражение в колофонах.

Для иллюстрации влияния вышеназванных языков на лексику армянского языка мы приведем соответствующие примеры. И наконец, мы обсудим ряд сложных слов, образованных из двух корней (основ), восходящих к разным языкам.

ОБ ОДНОЙ АРМЯНО-СЛАВЯНО-ТОХАРСКОЙ ИННОВАЦИИ

1. В общеиндоевропейском языке, кроме собственно причастных форм, существовали и такие именные образования, которые в дальнейшем были постепенно вовлечены в систему глагола. К ним относились прежде всего отглагольные прилагательные на *-to, *-no и *-lo

2. В отличие от суффиксов *-to и *-no, суффикс *-lo в функции, сходной с participiальной, выступает лишь в определенном ареале, охватывающем армянский, славянский, тохарский и, по-видимому, анатолийский.

3. Наибольшая близость в рассматриваемом ареале выявляется между армянским и славянским, которые обнаруживают поразительное сходство не только в образовании причастий на -l, но и в их дальнейшем функционировании в системе сложных временных форм и сослагательного наклонения, в то время как в тохарском причастия на -l образуют только герундий I и II, а в лидийском ограничиваются сферой употребления в претерите 3 л. ед.ч. и, возможно, инфинитивом. Дальнейшие связи, по-видимому, обнаруживаются в хеттском волюнкативе и балтийском опитиве на -l.

4. Несмотря на близость со славянским в образовании сложных времен, армянский отличается от него в двух отношениях, сближаясь, с одной стороны, с тохарским (наличие формы на *-l(i)io: арм. -li, тох. В -lye), с другой стороны, с лидийским (образование инфинитива на -l).

5. На основании рассмотренных данных можно согласиться с мнением Э.Бенвениста о том, что образование причастных форм на -l в армянском, славянском и тохарском является диалектной инновацией, охватывающей определенную зону восточного ареала.

А.Е.САРКИСЯН (Ереван, СССР)

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ВОСТОЧНОАРМЯНСКОГО И ЗАПАДНОАРМЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

I. Сопоставительно-типологическое исследование фонологи-

ческих уровней восточноармянского и западноармянского литературных языков охватывает структурные характеристики соответствующих уровней данных языков. Такое сопоставление позволяет выявить функциональные особенности отдельных единиц подсистем. Сопоставляется как парадигматика фонологического уровня, так и синтагматика соответствующих подсистем. В последнем случае имеем дело с манифестациями единиц фонологического уровня в речи.

2. Прежде чем начать сопоставление, выявляются единицы фонологического уровня данных языков, их взаимоотношение по отдельным подсистемам. В этой связи необходимо указать на то, что изучению фонологической системы восточноармянского языка посвящен целый ряд исследований, в то время как соответствующий уровень западноармянского языка пока не представляется разработанным в должной степени.

3. Исследование фонологических систем данных языков (типология систем), предшествует сопоставлению на уровне текста (типологии текста), при котором выявляются синтагматические особенности данных языков.

Функциональная нагрузка каждой единицы выявляется с помощью статистического анализа.

4. При сопоставлении фонологических систем используется принцип разграничения центральных и периферийных элементов. Это дает возможность сконцентрировать внимание на сопоставлении наиболее важных, существенных единиц.

5. Сравнение результатов сопоставительного исследования, проведенного нами, и данных лингвистической типологии позволяет уточнить место современного армянского в общей типологической классификации языков, а также представляет определенный интерес с точки зрения типологии родственных языков.

Э.Ф.САУСВЕРД (Ленинград, СССР)

ПРЕДЫСТОРИЯ АРМЯНСКОГО КОНСОНАНТИЗМА СРАВНИТЕЛЬНО С ГЕРМАНСКИМ

1. Происхождение армянской системы согласных неоднократно сопоставлялось индоевропейцами с процессами становления прагерманского консонантизма. Меньше внимания уделялось выявлению сходства и различия в дальнейших развитиях этих систем.

Между тем, именно момент динамики позволил бы обратиться к поискам общих фонетических тенденций, которые могли бы затем быть отнесены и к области реконструируемого праязыкового состояния.

2. Для армянского историко-диалектного континуума характерны взаимные переходы глухих, звонких и глухих придыхательных согласных (в некоторых случаях с вовлечением признака глоттализации). Основные типы армянского консонантизма:

индо-европ.	др. арм. вост. арм.	зап. арм. /лит./	Арабкир и др.	Требизонд и др.	Малатия и др.	Канакер и др.
dh	d	k(ʰ)	gʰ	g	kh	k
d	t	g	g	g	g	k
t	tʰ	kʰ	kʰ	kh	kh	kh

Данная схема показывает, что мутации согласных проходят по системообразующим признакам звонкости / глухости и напряженности / ненапряженности (*tense/lax*).

3. Для консонантизма германских языков, напротив, характерно появление спирантов и аффрикат:

индо-европ.	dh	d	t
общегерм.	d	t	þ
верхненем.	t	ts/s	d
шведский	d	t	t
датский	d	>θ	t

Здесь, как мы видим, важны признаки резкости / нерезкости (*strident/medlow*) и прерывности / непрерывности.

4. Проведенные наблюдения позволяют предположить, что такое же различие в смещении сдвигов признаков характеризовало отход протоармянского и протогерманского от общиндоевропейского. Это приводит к серьезным сомнениям в отношении новой реконструкции индоевропейского консонантизма, основанной на обобщении армянского и германского сдвигов согласных.

ИМЕННАЯ ПОСЕССИВНАЯ И ГЛАГОЛЬНО-ПОСЕССИВНАЯ (ЭРГАТИВНАЯ)
 КОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ
 СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Типологически-сопоставительный анализ данных ряда древних индоевропейских языков (санскрита, древнеперсидского, древнеармянского) и древнегрузинского языка выявляет общие модели построения фразоформ (малых синтаксических единиц) с семантикой посессивности, служащих в то же время структурными прототипами для формирования описательных перфектов, подводимых нами под категорию эргативности. Модели именной посессивности: $S_{gen} S_{dat} S_{acc} + O_{nom} + V_{esse}$; модели эргативного перфекта: $Sg S_d S_{acc} + P + V$.

Данные древнеармянского языка очень значимы как для установления общеиндоевропейского узуса, так и для построения общей типологической схемы сопоставляемых языков, а также — с точки зрения общелингвистических выводов. Грабар предоставляет весьма обильный материал для изучения средств реализации двух взаимосвязанных языковых феноменов: идеи "обладания, имения, владения" и идеи глагольной переходности. Так, напр., несомненность др.армянской формы генетива логического субъекта при участии переходных глаголов способствует уточнению общеиндоевропейских различных морфологических типов посессивных конструкций, представленных в древнеперсидском языке смешанными формами генетива-датива, которые мы делим на два типа: генитивный тип и тип "дативного круга" — датив и аккузатив. Далее, древнеармянские данные выявляют важность фактора порядка слов для квалификации семантики исследуемых конструкций: мы делим посессивные армянские конструкции на два типа: 1. $S_g + O_n$ и 2. $O_n + S_g$; только лишь первый из них представляет одну из моделей "строгой, истинной посессивности" с ярко выраженным содержанием "имения, обладания", второй же является номинативно-атрибутивной фразой типа *ēin xajink' nos'a eoth hazar voʃxar*. Данная интерпретация генитивных армянских конструкций подтверждается древнегрузинскими текстологическими соответствиями. Древнеармянский материал дает возможность построения условной лексико-семантической иерархической схемы ступеней развития фразовых образований от именной посессивности — к глагольной переходной

сти, схему развития и усиления семантики вербальности внутри посессивных моделей. Переходным звеном между собственно посессивными и перфектными образованиями являются конструкции с содержанием модальности, аффективности или с содержанием "квазиглагольной переходности". Семантика таких образований также подтверждается древнегрузинскими текстологическими параллелями. Расположение и распределение по функциям членов перфектного ряда древнеармянского языка соответствует по семантике и по синтаксическому строю грузинским перфектным рядам, что также получает объективное отражение в конкретных текстологических данных. При исследовании соотношения между пассивными и посессивными конструкциями (модель "нормального пассива" - $S_{instr}S_{abl}+V$, а "нормального посессива" - $S_{gen}S_{dat}S_{acc}+P$), мы выделяем "контаминированную посессивную" конструкцию, имеющую модель $S_{abl}+P$ (в противовес "контаминированному пассиву", наличествующему, напр. в древнеперсидском): *awure k' arawun p' orjeali Satanaye* (Л.4.2) S_{abl} ведет себя как синтаксический эквивалент генетивного эргативного субъекта, а в древнегрузинском соответствии эта конструкция представлена пассивной конструкцией с "внешним агенсом", оформленным последом "gan". Редкие образцы и исключения не менее значимы для определения лингвистического потенциала древнеармянских перифрастических конструкций. Так, например, дативный "квази-эргативный" субъект при флективном глаголе: *mezēn iak luak' i beḡanoy dora* (Л.22.7Г) или генетив при причастии непереходного глагола: *uev hayec'eal Yisui znoḡok'* и др. Рассмотрение данных грабара в типологически-сопоставительном аспекте убеждает нас в том, что для выражения какой-либо глубинной семантики язык пользуется различными средствами поверхностного изложения, и лишь определенный набор конкретных языковых средств на данном языковом уровне во времени приобретает характер универсальности морфологического выражения, закрепляя за собой четкую грамматико-семантическую функцию.

Э.СЕЛЯН (София, Болгария)

АРМЯНСКАЯ ТОПОНИМИКА В БОЛГАРСКИХ РОДОПАХ
(историко-географический район на Балканском полуострове)

Армяне эмигрировали на Балканы еще с середины V века. Ряд топонимов здесь, несомненно, относится к бывшим или настоящим армянским поселениям. В докладе рассматриваются топонимы, которые делятся на 4 группы: топонимы с основой "армен" ("эрмен", "армян"), топонимы с корнем *jur*(*c'ur*), топонимы с основой "павлик" и топонимы с прочими корнями и основами. Часть этих топонимов встречается также в Болгарских Родопах.

В заключение рассматриваются топонимы, характерные для Родоп.

Ряд исторических трудов свидетельствует о присутствии армян в Родопах или в близлежащих областях, однако до сих пор не обращали внимания на лингвистические данные, часть которых составляют упомянутые топонимы.

Отмечается также, что, кроме уже рассмотренных топонимов с суффиксом -ян, в Родопах существовали и существуют в настоящее время и другие топонимы с суффиксом -ян. Указанное явление свидетельствует в пользу языковой традиции, несомненно связанной с армянским языком или Армянским нагорьем.

Библиографический справочник содержит 45 источников.

Д.И.СЛИВНЯК (Ереван, СССР)

ГРАММАТИКА И ЛОГИКА В АЙРЕНАХ

I. Одной из важных задач современной поэтики является описание связей между различными уровнями структуры художественного текста. В докладе с указанной точки зрения рассматриваются армянские средневековые четверостишия – айрены. Предмет исследования – закономерности распределения частей речи

в тексте в связи с его строфическим членением. Для объяснения полученных результатов привлекаются особенности логической структуры айрена.

2. По тематическому признаку обычно выделяют две большие

группы айренов — любовные и назидательные. Для любовных айренов в целом установлена статистическая закономерность: во втором двустии глаголы обычно более многочисленны, чем в первом. Применение соответствующих процедур математической статистики (простейшего варианта дисперсионного анализа) показывает, что другие части речи с этой точки зрения не информативны. Указанная закономерность, которую мы называем "основой", не выполняется для назидательных айренов и может служить различительным признаком для этих двух тематических групп, взятых в целом.

3. Основная закономерность связана с логической структурой айрена. Для наших целей удобно объединить айрены, с точки зрения их логической структуры, в три типа по следующим признакам: прямая организация (последовательность "произшедшие или происходящие события — ожидаемые события"), обратная организация (противоположная последовательность), нейтральность (все остальные случаи). Имеет место положительная связь основной закономерности с прямой организацией и отрицательная — с обратной.

4. Можно показать, что нарастание числа глаголов в айрене связано с его членением на двустия. Для этого рассматривается распределение глаголов по отдельным стихам. Установлены значимые различия в числе глаголов только для стихов, принадлежащих разным двустиям.

5. По данным лингвистического исследования диалога, в диалогическом тексте грамматическое будущее тяготеет к концу сверхфразового (тематического) единства. Таким образом, прямая организация сходна с типичными схемами организации "бытовой речи", а обратная — противоположна им. На этом основании можно предположить, что выполнение основной закономерности говорит об относительной "естественности" ("разговорности") соответствующих текстов.

СТ.СТОЯНОВ, В.ЦВЕТКОВ, Э.СЕЛЯН (София, Болгария)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУКОПИСНОЙ И МАШИННОЙ СТЕНОГРАФИИ НА АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Теория стенографии рассматривается как прикладная об-

ласть языкознания. При использовании различных средств для достижения большей скорости письма делаются определенные параллели между обычным и стенографическим видами письма. Акцентируется связь стенографии со структурной и математической лингвистикой. Прослеживается история развития стенографии и вклад некоторых выдающихся ее представителей, таких как Аюпян О.С.

В связи с проблемой машинной стенографии делается попытка пересмотреть взгляды на алфавитную систему. Машинная стенография основывается на слоговых письменных системах, элементы которых обнаруживаются еще в древнейших системах письма.

Армянский алфавит, созданный в начале пятого века гениальным Месропом Маштоцем, удовлетворяет потребностям армянского общества, но думается, что значимость письменной коммуникации в обществе актуализирует вопрос скоростного ввода языковой информации. Ввод данных не только в автоматизированные, но и в другие системы нуждается в совершенствовании. В этом отношении машинная стенография располагает некоторыми возможностями, которые в недостаточной степени использованы.

Рассматриваются машинно-стенографические системы, родоначальником которых в СССР можно считать выдающегося ученого Константина Циолковского. Дается адаптация мануальной стенографии системы "Стоянов", как этап обучения при работе с машиной на армянском языке.

Машина для стенографирования подробно рассматривается в связи с ее применением на армянском языке.

А.М.СУКИАСЯН (Ереван, СССР)

ДОСТИЖЕНИЯ АРМЯНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Небывалый подъем армянской лексикографии советского периода обусловлен рядом факторов, и в первую очередь тем обстоятельством, что в годы советской власти, вследствие восстановления армянской государственности, армянский литературный язык стал официальным языком государства, общественно-политической жизни, науки, культуры, техники, средней и высшей школы. Расширились сферы его употребления, повысилась обществен-

ная роль. Лексикография становится государственным, общенациональным делом. С этой целью создаются научно-исследовательские центры с квалифицированными специалистами. В лексикографическую работу включаются такие ученые-армянисты, как Р.Ачарян, М.Абегян, Ст.Малхасян, Е.Тер-Минасян, Т.Авдалбекян и др.

Если в прошлом армянские словари издавались вне Армении (в Венеции, Константинополе, Каире, Париже, Бостоне), то уже в последние десятилетия лучшие армянские словари составляются и издаются в советской Армении.

В советский период армянская лексикография развивается в следующих направлениях:

1. Составление одноязычных словарей родного языка: а) толковые (Ст.Малхасян, Толковый словарь армянского языка, т. I-4, 1944-45 гг.; Толковый словарь современного армянского языка, т. I-4, 1969-1980 гг.; Эд. Агаян, Толковый словарь современного армянского языка, 1976 г.), б) этимологические (Р.Ачарян, Корневой словарь армянского языка, т. I-4, 1971-1979 гг.), в) словари языка отдельных авторов (Л.Петросян, Словарь художественных произведений Ов.Туманяна, 1976 г., А.Папоян, Словарь поэзии П.Севака, 1981 г. и др.), г) фразеологические (А.Сукиасян, С.Галстян, Фразеологический словарь армянского языка, 1975 г.), д) словари синонимов, омонимов, антонимов (А.Сукиасян, Словарь синонимов армянского языка, 1967 г. и т.д.), е) орфографические-орфоэпические (О.Барсегян, Орфографический, орфоэпический, терминологический словарь армянского языка, 1973 г. и т.д.).

2. Создание переводных (двуязычных) общих словарей (Т.Авдалбекян, П.Сотникян, Е.Тер-Минасян, В.Потейн, Новый русско-армянский словарь, т. I, 2, 1933-35 гг., Е.Тер-Минасян, В.Потейн, К.Кусикян, А.Амбарцумян, М.Геворкян, Русско-армянский словарь, т. I-4, 1954-1958 гг., А.Гарибян, Русско-армянский словарь, 1968 г.).

3. Создание терминологических и специальных словарей, связанных с различными областями науки, техники и культуры (военный, юридический, медицинский, лингвистический, литературоведческий, политехнический и др.).

4. Создание энциклопедических словарей (Армянская Советская Энциклопедия, т. I-7, 1974-1982 гг., Р.Ачарян, Словарь армянских личных имен, т. I-5, 1942-1962 гг.).

НОВАЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В "ЮСИСАПАЙЛЕ"

1. В 50-е годы XIX в. восточноармянский литературный язык получает права гражданства, и одной из важнейших проблем становится создание терминологии, соответствующей данному времени.

Журнал "Юсисапайл" (ЮП) (1858-1864 гг.) сыграл определенную роль в создании терминологии восточноармянского языка, благодаря терминологизации уже имевшихся в языке слов и в особенности созданию многочисленных новообразований.

2. В основном ЮП не использует новообразованную терминологию XVIII-XIX вв., избегает слов, которые изменили значение по сравнению с древнеармянским языком V-XIII вв., иногда из-за слабой терминологической значимости имевшихся слов использует взамен их новообразования и заимствования. Эти тенденции имели своим следствием использование некоторого количества ненужных новообразований и заимствований.

3. При создании новой естественнонаучной терминологии ЮП в основном обращается к калькам. Новообразования, созданные по образцу иноязычных терминов, в ЮП немногочисленны. Притом в обоих случаях ЮП избегает искусственности терминов.

4. ЮП создал более тысячи естественнонаучных терминов и номенклатурных знаков. Основной источник калькирования - это немецкий язык, есть также немногие кальки с научной латыни, с русского, французского и английского языков.

5. По сравнению с нормой функционального научного стиля восточноармянского языка, формирующегося в 60-70-е годы XIX в., научный стиль ЮП значительно архаизирован, в частности, это относится к новообразованиям ЮП. Хотя новообразования ЮП по своей разработанности уступают новообразованиям западноармянского языка (что естественно для восточноармянской терминологии, находящейся в фазе становления), они представляют самый высокий уровень восточноармянской терминологии 1850-60 гг.

6. Созданные ЮП естественнонаучные термины и номенклатурные знаки частично были усвоены армянской терминологией, и в общем они способствовали ее дальнейшей разработке.

А.ТЕРИАН (Бериев Спрингс, США)

АРМЯНСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СЛОВАРЬ ФИЛОСОФСКИХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Рассматриваемый в настоящем предварительном исследовании словарь представляет собой рукопись № I213 Иерусалимского армянского патриаршества и датируется 1635-1636 годами (стр. 155-188). Это незаконченный труд под названием "Определения Давида Философа: философские определения в форме вопросов /и ответов/". Первая часть исследования посвящена обсуждению вводных вопросов, таких, как название словаря, его предварительный объем и место в армянской лексикографии.

Исходя из практических целей, техническая часть исследования ограничена небольшим словником из 52 терминов, начиная с первой буквы алфавита, на долю которой приходится наибольшее количество слов. В описательном комментарии к словнику обращается внимание на некоторые специфические особенности словаря.

При переводе этого словника на английский язык и сравнении армянских терминов с греческими эквивалентами было обнаружено, что множество философских определений и терминов не имеет греческих соответствий, что может свидетельствовать о местном (национальном) происхождении этих определений и терминов.

Судя по сравнительно большому числу словарных статей, содержащихся под первой и второй буквами, и резко уменьшающемуся количеству этих статей под остальными буквами, можно предположить, что первоначально словарь проектировался довольно обширным. Словарь является редким документом, прекрасным примером, свидетельствующим об армянских лексикографических и философских интересах того времени, несмотря на свою неполноту.

А.М.ТЕВОСЯН (Ереван, СССР)

УЧЕНИЕ А.БАГРАТУНИ О ЯЗЫКЕ

Важное место в научном наследии А.Багратуни занимает разработка вопросов философии языка. Специально к ним он обратился в своей логико-философской по характеру работе "Принципы правильного мышления и благонравного поведения", на ко-

тору оказали заметное влияние достижения передовой европейской научной мысли.

1. А.Багратуни был одним из первых в истории армянской языковедческой мысли, кто подробно занимался проблемой общественного характера языка, видя особенность его в том, что язык является средством общения и обмена мыслями, служащим для связи людей друг с другом и осуществления ими совместной деятельности.

2. В вопросе о функциях языка в процессе мышления А.Багратуни обосновал то положение, что язык является не только формой выражения мысли, но и средством ее осуществления. Процесс размышления, который, согласно А.Багратуни, есть деятельность по комбинации идей и производства из них заключений, невозможно осуществить без языковых знаков или языкового "материала". "Язык является важным средством не только для того, чтобы передавать наши идеи, но и чтобы сопоставлять их и связывать", — писал А.Багратуни.

3. Согласно мнению Багратуни, язык и мышление представляют собой своеобразное единство, сформировавшееся в историческом процессе их образования. Не предшествуя друг другу в хронологическом смысле, они возникли совместно, взаимно обуславливая друг друга.

4. В вопросе о происхождении языка А.Багратуни склоняется к теории "общественного договора", которая была передовой для своего времени, хотя и имеет много уязвимых сторон с точки зрения современной лингвистики.

Р.У.ТОМСОН (Нью-Йорк, США)

ТЕКСТ АРМЯНСКОЙ ВЕРСИИ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА

В истории цивилизации найдется мало трудов, которые имели бы такое влияние на восточную и западную христианскую культуру, как сборник произведений, приписываемый Дионисию Ареопиту. Эти философско-теологические произведения были написаны на греческом языке и относятся к концу V или началу VI века. Выдержки из них были использованы армянскими теологами даже до того, как был сделан полный перевод этого сборника, осу-

щественный Степаносом Сянеци в Константинополе в начале УШ века. Целью данного доклада является описание наиболее характерных черт этого перевода и выявление того влияния, какое он оказал на всю последующую армянскую науку.

Имеется свыше 50 рукописей, отражающих эту версию псевдо-дионисийского сборника, большинство из которых хранится в Матенадаране. Некоторые из этих рукописей на основе палеографических данных приписываются XIII веку, самый ранний текст был написан в 1282 году (рукопись 49 Матенадарана) и вскоре после этого был исправлен известным ученым Есаи Ничеци. В текст переплетается переведенный с греческого комментарий, ошибочно приписываемый Максиму (согласно изданию в *Migne, Patrologia Graeca* 3). В добавление к версии этого комментария, который в армянском варианте является анонимным, в рукописи № 49 и многих других текстах содержатся подлинно армянские комментарии (заметки на полях). Полный комментарий к тексту Дионисия был написан Хамамом, Есаи и Давидом и Яковом совместно. Но прежде, чем понять комментарий и заметки на полях в их контексте, необходимо, в первую очередь, издание этой армянской версии, осуществленной Степаносом Сянеци.

Армянская версия выполнена в стиле дословного, "эллинизированного" перевода. В ней много ошибок и противоречий; некоторые из них являются следствием неясности подлинника, другие отражают искажения, имевшиеся в греческом тексте, использованном Степаносом. В настоящем докладе отмечаются некоторые неизвестные специальные термины и более необычные грамматические особенности перевода Сянеци.

В.Н.ТОПОРОВ (Москва, СССР)

ДРЕВНЕАРМЯНСКИЙ В СВЕТЕ ИНДОВЕРОПЕЙСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

Задача определения индоевропейского статуса армянского языка (А) в его качественном и количественном выражении может существенно приблизиться к своему решению при прогрессе в исследовании трех проблем: 1) соотношения А и других и.-е. языков; 2) соотношения А и и.-е. праязыка (ПИЕ); 3) реконструкции промежуточных состояний между ПИЕ и древнейшим известным ва-

риантом А (Грабар, с У в.); как минимум речь должна идти о дифференцированной реконструкции протоармянского состояния. К сожалению, названные задачи пока решаются очень приблизительно и, главное, в обуженной перспективе. При исследовании проблемы I недостатком следует признать почти исключительный уклон в сторону лексики, причем сам отбор лексики задается "сверху" (ПИЕ), и армянские данные призваны только комментировать условное и.-е. состояние (к тому же ареальное положение А таково, что лексические изоглоссы оказываются недостаточно показательными: как правило, они концентрируются в соседних с А ареалах). Проблема 2 сталкивает исследователя с особыми сложностями — необходимо "на глазок" найти выход из типичной ситуации, когда оба соотносимых языка (А и ПИЕ) оказываются при исследовании в отношении взаимной зависимости: определение и.-е. статуса А зависит от информации о ПИЕ, но последняя сама является производной от знания и.-е. статуса А и других и.-е. языков. В связи с подобной ситуацией положение А в индоевропеистике парадоксально. Сравнительно-историческая грамматика и.-е. языков и, следовательно, реконструкция ПИЕ строились долгое время практически без учета данных А (характерно, что объектом ср.-ист. грамматики А стал раньше /1856/, чем было окончательно определено его и.-е. происхождение и — в общем виде — его место в кругу и.-е. языков /1875/): при этом довольствовались минимумом — в А выделялись и.-е. элементы и указывались их соответствия; вопрос о самостоятельном (независимом) вкладе А в и.-е. сравн.грамматику и в реконструкцию ПИЕ не ставился. В результате проблема и.-е. статуса А приобрела одностороннее и экстенсивное выражение: из А бралось лишь то, что не противоречило уже известному из других и.-е. языков. "Дистиллированный" (без особой необходимости) А сравнивался с "дистиллированным" по необходимости ПИЕ. В настоящее время вопрос должен ставиться иначе — в какой степени А определяет ПИЕ, т.е. каким видится ПИЕ в армянской ретроспективе. Любой результат в этом направлении ценен уже потому, что он снабжает нас новой версией ПИЕ. В случае с А такая версия заслуживает особого рассмотрения в силу вскрытых в последнее время глубоких архаизмов и.-е. состояния в А (следы ларингальных, структура рядов смычных и т.д.). В этом контексте. воз-

можно, по-новому придется отнестись к тому, что находится вне внимания индоевропейцев, в частности, к "не-и.-е." в А (в фонетике, морфологии, лексике). Многочисленные теории происхождения А (смешанный характер, "двуприродность", отношение к урартскому и хурритскому, два /основной и побочный/ и.-е. слоя в А и т.д.) требуют не простого их отвержения, но решительной переинтерпретации их с некоей более широкой точки зрения (ср. также известные случаи "несводимости" диалектных данных А к единому источнику). Не исключено, что именно в этой области А наиболее значительно расширит наши представления о предельных версиях ПИЕ или его ареальных филиациях. Возможно, через А легче всего проникнуть к кругу "индоевропейских" языков, слушающих некими переходами в контексте ностратического языкового ареала. Ареальная позиция самого А приобретает тем большее значение, что она, судя по последним исследованиям, оказывается практически совмещенной с и.-е. прародиной (при определенном хронологическом разрыве); характерно, что наибольшее количество изоглосс связывает А с др.-инд. и др.-греч., т.е. с языками ближайших ареалов (ср. наличие в А ряда слов, используемых в др.-инд. как поэтизмы, что может рассматриваться как важный источник конкретизации пространственно-временной и культурно-исторической позиции А). Ареальное положение А согласуется с возможностью переинтерпретации ряда трансформаций, которым подверглась "традиционная" и.-е. система имени (напр., падежи) и глагола (времена и наклонения) в А: в ряде случаев они проще объясняются из несколько "сдвинутой" (по сравнению с традиционной) и.-е. версии. В настоящее время данные и.-е. реконструкции как бы приглашают пересмотреть вопрос о вкладе А в ср.-ист. грамматику и.-е. языков и в реконструкцию ПИЕ. Если подобный пересмотр окажется успешным, продвигавшаяся и.-е. реконструкция в свою очередь бросит луч света на неясности и загадки А в его ср.-ист. аспекте.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРМЕНИИ

1. Экспериментально-фонетические исследования армянского языка начались в 90-х гг. XIX в., когда в Париже, в лаборатории Русло Р.Ачарян начал изучать и позднее опубликовал исследование о смычных согласных армянского языка на материале шести диалектов.

2. Работы в области экспериментальной фонетики в дальнейшем прервались, так как в Армении не было ни соответствующей лаборатории, ни специалистов данного профиля.

3. Начиная с 1960-х годов намечается перелом в области изучения фонетики армянского языка, когда в отделе общего и сравнительного языкознания Института языка АН Арм.ССР начинает функционировать лаборатория экспериментальной фонетики. Результаты экспериментальных исследований гласных армянского языка отражены в работах А.Арамян "Гласные армянского языка" (1962г.) и А.Хачатрян "Сравнительный анализ гласных армянского и английского языков" (1963 г.). В 1971 г. вышла в свет книга А.Хачатрян и В.Айрапетяна "Экспериментальное исследование согласных фонем литературного армянского языка".

Работы по выявлению фонетических особенностей армянского языка продолжают в отделе прикладной лингвистики Института языка АН Арм.ССР. В 1977 г. публикуется сборник статей сотрудников отдела "Ударение и интонация современного армянского языка", где излагаются основные результаты экспериментального исследования супraseгментных единиц армянского языка.

С середины 70-х годов совместно с Политехническим институтом ведутся работы по автоматическому распознаванию звуков и слов с помощью ЭВМ. Некоторые результаты этой работы были представлены на Всесоюзной конференции АРСО-II в декабре 1980г. в Ереване.

Ряд проблем теоретической и прикладной фонетики армянского языка (распределение фонем, начальные скопления согласных, ритм речи, транскрипция, интонационные особенности типов предложений и т.д.) был представлен на всесоюзных и республиканских научных симпозиумах и в научной печати.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ
ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО АРХЕТИПА В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Армянский язык в своем лексическом составе содержит множество корневых образований, которые имеют индоевропейское происхождение и относятся к исконному общиндоевропейскому словарному фонду. Они обозначают такие важные понятия для древнего индоевропейца, как термины родства, названия частей тела, явлений природы, окружающего животного и растительного мира, а также понятия, обозначающие деятельность, чувства и т.д.

2. Индоевропейские слова в подавляющем большинстве случаев на уровне армянского языка воспринимаются как корневые образования. При этом, однако, не исключается возможность, что многие из них восходят к индоевропейским архетипам, которые представляли собой производные, аффиксальные образования или сложные слова — композиты. Так, в состав архетипов армянских корневых слов могли войти такие и.-е. суффиксы, как *-ter*, *-no*, *-mo* и др., которые обозначали имя деятеля, носителя признака, свойства, принадлежности и т.д.

3. Наиболее распространенным структурным типом в позднеиндоевропейском словообразовании является тип производных слов, состоящих из корня и суффикса (а также детерминатива одновременно). В более древнем, т.е. раннеиндоевропейском периоде преобладающее место занимал принцип соположения двух корней. Этот принцип корнесложения далее в следующем, позднеиндоевропейском этапе перешел в принцип образования слов при помощи суффиксов, поскольку второй корень стал превращаться в словообразовательный формант.

4. Предметом анализа в докладе является группа имен индоевропейского происхождения в армянском языке. При этом будет сделана попытка показать на основе структурного анализа и реконструкции общую схему трансформации позднеиндоевропейских производных имен, образованных при помощи различных суффиксов и детерминативов, в корневые слова на уровне армянского языка.

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ СОВРЕМЕННОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Любая языковая или лингвистическая модель формальна, ее описательные возможности ограничены, что обуславливается исходными данными и правилами порождения промежуточных единиц. Отсюда, при описании языковых объектов или явлений выбор соответствующей модели приобретает важное значение.

В традиционном языкознании средством описания предложения является модель членов предложения, которая с точки зрения оценки позиционных изменений членов предложения ограничена. Это приводит к тому, что в описании глагольных словосочетаний современного армянского языка не полностью отражаются их структурные особенности, а также те семантико-синтаксические сдвиги, возникновение которых обусловлено позиционными изменениями слов в глагольных словосочетаниях. В частности, остаются вне рассмотрения грамматические основы составных глаголов (հարակիր բայեր). Указанное становится очевидным, если подвергнуть исследованию следующие два типа глагольных словосочетаний – с наречием и существительным в качестве подчиненного члена. Нетрудно видеть, что те же вопросы возникают при исследовании любых других глагольных словосочетаний.

Если методом исследования выбрать модель непосредственно составляющих и расщепленную при порождении глагольных словосочетаний промежуточную единицу представить в виде структуры, то семантико-синтаксические связи между словами и группами слов в этих словосочетаниях можно разделить на два типа: внутриструктурные и внеструктурные. Первые выражают связи между составляющими внутри одной и той же единицы, а вторые – связи между различными единицами. В этом случае, одно и то же глагольное словосочетание, в зависимости от распределения внутриструктурных и внеструктурных связей, может иметь более одного формального описания. Возможные описания выявляют те или иные семантико-синтаксические особенности данного глагольного словосочетания. Распознавание составных глаголов осуществляется на основе внутриструктурных связей сочетания существительное + глагол.

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В самых развитых системах относительное местоимение выполняет три роли: а) повторяет значение соотносительного слова в относительном предложении, б) в придаточном предложении дублирует грамматический род и число соотносительного слова главного предложения, а также лицо глагола, в) склоняясь, выполняет функцию глагольного дополнения в придаточном предложении. Такое положение требует от говорящего определенного уровня логического мышления.

В древнеармянском языке относительное местоимение в некоторых случаях не выполняет ролей, отмеченных в пункте б), не дублируя иногда род, чаще число, в редких случаях и то, и другое. Нередко не выполняет соответствующей роли в придаточном предложении, оставаясь в неизменяемой форме. В таких случаях в предложение вводится вспомогательное указательное местоимение, в принципе не несущее смысловой нагрузки, но просто выполняющее роль относительного местоимения. Но раз оно уже введено, как и любое слово, должно иметь свое значение, и поэтому присваивает значение относительного местоимения, а последнее выступает лишь в роли союза, своеобразного сигнала о том, что предстоит более полная информация о соотносительном слове.

Вышеизложенное, однако, является лишь предварительной справкой, а не собственным содержанием данного исследования, цель которого — попытаться выяснить причину употребления второго подударного (значимого) слова придаточного предложения в древнеармянском языке иногда с артиклем, иногда без артикля.

Исходя из того, что: а) относительное предложение может быть в препозиции к главному; б) именительный падеж — в основном падеж номинации, т.е. может указывать лишь на значение слова с формально немаркированной грамматической функцией (ср. лат. *savus nominativus* по природе, который употребляется также, как *savus pendens*, т.е. зависимый падеж, по положению); в) из-за неопределенного значения именительного, указательное местоимение в этом падеже может превратиться просто в артикль, Исходя из всего этого, мы попытаемся выяснить причины этого

кажущегося произвольным употреблением артикля в придаточном предложении.

Р.Б.ФИНАЦЦИ (Милан, Италия)

ВЛИЯНИЕ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА НА АРМЯНСКИЙ (лексический аспект)

Изучение языковых контактов результативно даже для древнего мира. Применить этот метод к армянскому языку значит попытаться выяснить историю взаимоотношений армянского народа в особенности с греками, иранцами и сирийцами.

С лингвистической точки зрения характер этих взаимоотношений выявляется в основном на уровне лексики, а количество и распространенность заимствований и калек предоставляет наиболее значительные данные.

На нескольких примерах мы покажем, что сравнительный анализ греческой и армянской лексики, в особенности калек, позволяет установить их источники, списки, слои, а также состояние двух языков в период контактирования.

М.У.ХАМОЯН (Ереван, СССР)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

I. В задачу структурно-семантической типологии входит выявление типологических группировок структурно-семантических организаций фразеологизмов и установление своеобразия каждого из них в отдельности. На пути к решению этой задачи, которая как таковая впервые ставится и по мере возможности разрабатывается в настоящем сообщении, предстоит выяснение двух важных вопросов фразеобразования. Один из них заключается в сравнительной типологии фразеологических форм (фразеологических материальных оболочек) и фразеологических семантов, другой — в выявлении типов связей и отношений между ними. Анализ фразеологизмов в этих аспектах (со стороны формы и содержания и в

плане взаимоотношений между ними), необходимый прежде всего для установления объективной характеристики фразеобразования вообще и фразеобразовательной модели в частности, является неременным условием познания структурно-семантических типов фразеологизмов как единиц особого уровня, особой подсистемы языка.

2. Категориальным признаком фразеологизма, отграничивающим его от единиц лексической и синтаксической подсистем, является присущее только ему особое лингвистическое назначение в системе языка (См. Лингвистическое назначение фразеологизма в системе языка (на материале курдской фразеологии. В "Ист.-филолог. журн. АН Армянской ССР", № 1 /84/, 1979, стр. 223-232). Этот признак глобальной значимости, в отличие от таких признаков, какими являются устойчивость, внутренняя раздельно-оформленность, единичное сцепление компонентного состава и т.д., которые имеют в качестве формального показателя соответствующие частные стороны или черты фразеологизма, определяется комплексной организацией фразеологизма в целом.

3. На статус особого языкового уровня у фразеологизма и его принадлежность к самостоятельной подсистеме языка указывает предлагаемая нами фразеобразовательная модель "фразеологическая семантика — составное значение — сумма значений компонирующих слов (синтаксическая семантика) — звучание — материальная оболочка составного значения". Ни слова, ни синтаксические единицы по этой модели образоваться не могут.

В силу зависимости составного значения от фразеологической семантемы и, тем самым, строгой взаимообусловленности между планом содержания и планом выражения фразеологизмов можно через грамматическую структуру последних определить характер их семантем (аспект семасиологической типологии), а через характер семантем (—тип их грамматической структуры (аспект ономасиологической типологии)). Мы устанавливаем в обоих случаях типологию составных значений, через которую прокладывается путь к типологии фразеологических значений и, тем самым, к типологии самих фразеологизмов как таковых.

4. Богатый фразеологический состав современного литературного армянского языка представляет большое многообразие структурно-семантических типов, которые мы классифицировали

и охарактеризовали, исходя из вышеизложенных положений. В настоящем сообщении мы приводим наиболее основные из этих типов.

А.А.ХАЧАТЯН (Ереван, СССР)

ПРИРОДА ЗВОНКИХ ПРИДЫХАТЕЛЬНЫХ В АРМЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Несмотря на то, что вопрос о так называемых звонких придыхательных армянского языка имеет уже свою историю, природа этих звуков все еще остается загадочной. О существовании таких звуков впервые говорил еще Зиверс, отметивший наличие их в аштаракском диалекте армянского языка. Этот вопрос обсуждался Ачаряном и Руссло, в лаборатории которого Ачарян выполнил свою первую экспериментальную работу по изучению смычных согласных некоторых армянских диалектов. В этой работе Ачарян дал краткое описание этих звуков, основываясь на слуховом наблюдении и, отчасти, на кимографических данных.

Независимо от Ачаряна звонкие придыхательные были описаны В.Алленом в работе "Заметки по фонетике одного носителя восточноармянского языка", где автор называет звонкие новоджугинского диалекта "потенциально звонкими", так как на слух и по кимографическим записям они глухие, но в медиальной и конечной позициях они озвончаются. Отличительной особенностью этих звуков автор считает глухость, несмычногортанность и отсутствие придыхания, наподобие той, которая встречается у глухих придыхательных.

Отметим также наше раннее исследование звонких придыхательных аштаракского говора, в котором мы, во-первых, уточнили функциональную несамостоятельность этих звуков, отметив их позиционную ограниченность, а во-вторых, отметили связь между просодией начального слога и появлением этих звуков.

Об этих звуках армянского языка в настоящее время можно судить по их звучанию в хорошо сохранившихся диалектах или говорах, или же в речи отдельных представителей почти вымерших диалектов.

В настоящем докладе приводятся результаты экспериментов методом осциллографического анализа по семи говорам, относящимся к четырем большим диалектам (мушскому, каринскому, ара-

ратскому и зейтунскому), в которых, по свидетельству Ачаряна и др., звонкие в инициальной позиции характеризуются также придыхательностью.

Осциллограммы были получены на шлейфном осциллографе в лаборатории фонетики Ленинградского государственного университета и обрабатывались с учетом наличия в соответствующих звуках признаков звонкости, аспирации и возможного влияния на переходы последующих гласных. Всего было проанализировано около 600 слов и отдельных словосочетаний.

Одновременно проводился слуховой анализ записанного материала с участием опытных фонетистов и представителей разных языковых групп: русских, армян и курдов с сопоставлением изучаемых звуков со звонкими придыхательными согласными хинди.

На основе осциллографических данных можно сделать следующие предварительные выводы: так называемые, "звонкие придыхательные" некоторых армянских диалектов характеризуются глухой смычкой, глухим или звонким взрывом, за которым следует начало гласного. На уровне слухового восприятия такие звуки скорее глухие или полувзвонкие. Однако основная особенность изучаемых согласных "скрыта" в последующем гласном, в периодической картине которого заметна большая зашумленность, сопровождаемая понижением основного тона. Данные звуки нельзя рассматривать вне слога, т.к. некоторые их свойства переходят на последующий гласный.

А.Е.ХАЧАТРИАН (Ереван, СССР)

НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНИЕ ЯВЛЕНИЯ ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ В АРМЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В армянских диалектах наблюдаются два вида фонетических изменений гласных: так наз. "мотивированные" (закономерные) и "немотивированные" (нерегулярные). Мотивированные изменения объясняются ходом исторического развития диалектов. В случае немотивированных изменений выведение диалектных форм из соответствующих форм грабара недостаточно обосновано. Следовательно, идущие издревле явления аблаута необходимо искать именно среди этих форм. Анализ примеров, приводимых в арменоведческих, в частности, диалектологических работах в качестве нерегуляр-

ных случаев фонетических изменений гласных, а также примеров, определяемых как диалектные архаизмы, сводится к следующему:

1. Некоторые формы, рассматриваемые как выражение индоевропейского чередования гласных, являются результатом закономерных исторических изменений: բրբիւ / բրբրբիւ, գղիւ / գղիւ, դեղծն / դղծն.

2. Анализ достаточно большого количества примеров и их определение как нерегулярных фонетических изменений гласных является результатом ошибочных этимологий и неправильного установления исходных единиц сравнения: գոռ-գոռ-գոռ, գոմէշ - գոմուշ.

3. Некоторые изменения, выступающие в определенных позициях и имеющие широкий ареальный охват, являются результатом действия фонетических законов, возникших в период относительного единства армянского языка, но прекративших свое действие вследствие дальнейшего расхождения диалектов и их независимого развития: ածու-աւծու, գլու-գլիւ, կակու-կակու, յալիւ-էղիւ, յաաւիւ-էտիւ, յարդ-էրդ, ջիդ-ջեղ, արդ-աւղ, կշիւ-կշուր.

4. В целом ряде диалектов восточного ареала в некоторых словах наличие гласной о, выступающей на месте ш грабара, в позиции после заднензycznych огласных, может быть результатом субстрата какого-либо языка: աւանջ-ауанж, аш-ау, аан-ау, арри-аури, шараш-ауау, еуег-еуег, еуег-еуег, аш-ау.

5. Разные ступени огласовки, имеющиеся в заимствованных словах, а) представляют засвидетельствованные в языках-источниках параллельные формы (ашу-ашу, кашу-кашу), б) предполагают наличие вариантов, имевших место, но не засвидетельствованных в различных ареальных и временных отрезках языков-источников (ашу-ашу-ашу, аш-аш, аш-аш), в) ставят под сомнение существование единого источника происхождения всех форм (кашу-кашу-кашу, шару-шару-шару-шару-шару-шару-шару).

6. Те диалектные формы, наличие которых подтверждается древними письменными вариантами или предполагается на основании сравнительного анализа данных армянского языка, можно рассматривать как выражение древних и древнейших диалектных различий (ашар-ашар, оуу-оуу, еури-еури, кашу-кашу, еури-еури, еури-еури, еури-еури, еури-еури, еури-еури).

7. Помимо этого, существует достаточное количество образцов древнего аблаута, которые непосредственно или посредством субстрата и адстрата возникли в период индоевропейской языковой общности или в период, непосредственно за ним следующий: աղանձ-եղինձ, լանջ-լինջ, քարթնի-թերթնի, տանիր-տեններ, կար-կափ-կորկոփ, կարիծ-կորչ-կոր-կուր-կեռ, ուղեղ-ուղող, երդ-հուրդ, եղունգն- եղինգն, ասեղ-ասուղ-ասող, կին-տիկառն, ծիր-ծոր, որմն-հերմն, շոր-շերթ, շուկ-շվրն, շուք-շվաք, քուր-քիթ, սարսափ-սորսափ-շորշոփ-սրսափ, ծիւղ-ծուղ-ծող-ծեղ-ծիղ-ծաղ, պայծառ-պոծառ, սալթաք-սոթ, լմել-լամլամել-լոմլոմել-լեմ, սառն-սրսոռ-սառ, բահ-բիհ-բորհել.

Е.Г.ХАЧАТУРОВА (Тбилиси, СССР)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О КОНТАКТАХ ПРОТОАРМЯН С ИНДОАРИЙЦАМИ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ ВО II ТЫС. ДО Н.Э.

1. Непосредственные армяно-арийские контакты обычно относят к периоду индоевропейской общности. Однако, можно привести целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что эти контакты имели место в более поздний период, а именно во II тыс. до н.э. в Передней Азии. К этому времени и армянский, и индоиранские языки уже прошли определенный процесс развития, в результате которого приобрели характерные структурные черты, отличающие их от других и.-е. диалектов.

2. Языковая принадлежность ариев Месопотамии все еще остается спорной, хотя аргументы в пользу их индоарийского происхождения более убедительны. К уже существующим и хорошо известным данным из митанийских документов можно добавить армяно-индоарийские лексические соответствия, сохранившие в армянских словах праарийский вокализм; ср. ведич. [tavi, арм.
arev "солнце", вед. arka , арм. erg "песня" и т.д.

3. Контакты протоармян и индоарийцев прослеживаются и в том случае, если арм. erk-ir "земля" и erk-in "небо" действительно содержат числительное "два". Представление о двух половинах мира несомненно восходит к древнеиндийской традиции, ведическое godaśi значит "две половины мира".

4. Индоарии не только оказали определенное влияние на быт и традиции народов Передней Азии, но и сами восприняли некоторые идеи и традиции народов, с которыми вступали в контакты в силу исторических обстоятельств. В частности, образ женщины, связанный с мировым деревом, поклонение дереву, из которого делается центральный столб ведийского дома, и т.д. находит многочисленные переднеазиатские параллели, ср. армянская и ассирийская Лилит, *deda-bozi* картвельского дома и т.д.

А.С. ЧИКОБАВА, Л.САНИКИДЗЕ (Тбилиси, СССР)

К ВОПРОСУ О ПАЛЕОКАВКАЗСКИХ СУБСТРАТНЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Армянский язык, его многовековая история зафиксированная во многочисленных памятниках, начиная с V века, естественно, представляет собой первостепенной важности источник для разработки истории культуры древнего армянского народа, создателя этих памятников.

2. Кроме того, показания системы и истории армянского языка могут оказаться весьма ценными для научной истории языков, находившихся в контакте с армянским языком, как это не раз отмечалось многими арменистами.

Так, например, слово *sanj*, фиксируемое в составе древнеармянской лексики, дает возможность установить *terminus post quem* для периода становления бесписьменного заянского (мегрело-чанского) языка (с шипящей системой согласных, коррелирующей со свистящей системой грузинского языка: груз. с, з, с — заян. с, з, с...).

3. Армянский язык не различает категории грамматического рода, свойственного индоевропейским языкам.

Грамматическая категория рода в индоевропейских языках (муж., жен., сред.) восходит к категории "живого" и "неживого" (А.Мейе). От "живого" идут "мужской" и "женский" роды; от "неживого" — "средний род".

Считается, что родовые форманты — суффиксы утеряны в армянском языке.

4. Не различается грамматический род и в грузинском языке (пол животных различается лексически, специальными словами).

Н. Марр попытался (путем сравнения с арабским языком) выявить в суффиксах имен (-al-, -ed-...) форманты женского рода. ("Основные таблицы к Грамматике древнегрузинского языка" С-Пб., 1908). В действительности, -al-, -ed- ... - это детерминативные суффиксы имен.

5. Для иберийско-кавказских языков характерна категория грамматических классов, восходящая к категории человека (личности) (вопрос "кто?") и к категории вещи (вопрос "что?"). Животные относятся к вещам (вопрос "что?"). Классные индикаторы в основном - префиксы.

Большинство ибер-кавк. языков (22 из 34) сохранило грамматическую категорию класса (с большей или меньшей дифференциацией). Не различается эта морфологическая категория ни в грузинском (и других картвельских языках), ни в адыгских языках, ни в убыхском, ни в трех дагестанских языках (лезгинском, агульском, удинском).

6. Но во всех ибер-кавк. языках, и различающих и не различающих эту категорию морфологически, налицо семантическая категория личности и вещи: вопрос "кто?" относится только к человеку, животные относятся к вещам (вопрос "что?").

Эта семантическая категория характеризует внутреннюю форму (т.е. глубинную структуру) иберийско-кавказских языков.

7. Эта семантическая категория, по-видимому, не была чужда армянскому языку, языку индоевропейскому: она не усвоена из ибер-кавказских языков, но привнесена в индоевропейский армянский язык, как древнее палеокавказское отложение.

8. Элементы агглютинации (как в обозначении множественности qṛiṣṭ - qṛiṣṭiṣṭ...) выглядят необычно во флективном индоевропейском древнеармянском языке. Подобные явления не усвоены из других языков; это - привнесенное субстратом во флективный индоевропейский армянский язык.

9. Не только лексика и фонемный состав, но и другие уровни армянского языка представляют актуальный интерес с точки зрения разработки научной истории картвельских языков (этому арменисты уделяли больше внимания), но и с точки зрения исто-

рии абхазско-адыгских, дагестанских языков, особенно же — нахских языков, встреча которых с урартским языком (притом в морфологии) не раз отмечалась (А.Тромбетти, Я.Браун, И.Дьяконов).

Для иберийско-кавказского языкознания проблемы арменистики и, особенно, палеокавказского армянского языка, следует считать далеко не второстепенными.

Б.Л.ЧУКАСЯН (Ереван, СССР)

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ТЮРКО-АРМЯНСКИЙ СЛОВАРЬ ЕГИИ
МУШЕГЯНА (КАРНЕЦИ)

1. Среди материалов различного характера (коммерческие тетради, письма, официальные государственные документы, стихотворные рукописные сборники и т.д.), хранящихся в деле купца 18-го века Егии Мушегяна в фонде "Сношения России с Арменией" Архива внешней политики России, сохранились рукописные листы "тюрко-армянского словаря", составленного самим Егией Мушегяном.

2. Из числа дошедших до нас средневековых тюрко-армянских рукописных словарей данная работа Е.Мушегяна является наиболее полной: она охватывает около 2000 слов и выражений.

3. Тюркский словник словаря написан армянскими буквами. Слова расположены в порядке армянского алфавита, но не по внутреннему строго алфавитному порядку.

4. Транслитерация тюркских слов произведена на основе фонетического строя восточноармянского языка.

5. Тюркский словник охватывает преимущественно слова, характерные для средневековой торговой среды Востока: названия ремесел, товаров, животных, птиц, драгоценных камней, бытовых предметов, транспортных средств и т.д. Среди заимствований из арабского и персидского языков имеются такие, которые не зафиксированы в тюркских словарях.

6. Толкования тюркских слов переведены на армянский язык с помощью синонимов.

7. Из сохранившихся нескольких рабочих страниц словаря можно предположить, что это был второй этап работы над слова-

рем. Автор, очевидно, намеревался расставить слова в строго алфавитном порядке, дополнить значения и подготовить словарь к изданию, используя в качестве образца "Словарь армянского языка" /приписываемый Еремии Мегреци/ и "Латино-армянский словарь" Аствацатура Нерсесовича, с которыми автор несомненно был хорошо знаком, однако он не успел сделать этого.

8. Словарь ценен тем, что дает возможность ознакомиться с разговорным языком представителей торговых кругов Кавказа и Ирана первой половины XVIII века, общавшихся на турецких диалектах, а также с приводимыми в толкованиях такими армянскими диалектными словами, заимствованиями (из персидского, арабского и турецкого), архаичными и новообразованными словами, которые не зафиксированы ни в одном армянском словаре.

О.С.ШИРОКОВ (Москва, СССР)

ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКИЙ И АРМЯНСКИЙ КОНСОНАНТИЗМ

1. Общеиндоевропейский консонантизм различался на фонемном уровне только по локальным рядам; различия по сериям первоначально характеризовали слог-морфему /морфосиллабему/ в целом.

2. Данные армянского языка позволяют реконструировать шесть типов биконсонантных морфосиллабем, характеризовавшихся глухостью/звонкостью и тремя тонами: восходящим, ровным, нисходящим.

3. Типологические данные показывают, что восходящий тон может приводить либо к озвончению или ослаблению инициали, либо к оглушению или напряженности финали; наоборот, нисходящий тон вызывает либо напряженность или оглушение инициали, либо ослабление или озвончение финали.

а) Глухие восходящие: $\text{ʔbm} = \text{гр. } \text{Πῆδου}$ /конечная напряженность и оглушение в армянском/. Как показывает закон Бартоломея, в индо-иранском первоначально тоже было конечное оглушение /сочетания - D + T - давали глухой рефлекс, в то время как - dH + T- - звонкий: yukta-, datta-, yuktum, chettum - суффиксы -ta-, -tum присоединены к корням с первоначально восходящим тоном, в то время как dagha-, buddha-, labdha-,

dagdhum, boddhum, labdhum- - те же суффиксы присоединены к корням с нисходящим или ровным тоном/.

б) Звонкие восходящие: ղալլ *ḡra* конечная напряженность в армянском закон Бартоломе показывает на первоначальную конечную глухость в индоиранском/.

в) Звонкие ровные: ղա = **doḡa* закон Бартоломе показывает на первоначальную звонкость **dhagh-*, **bhudh-* /. Глухие ровные: րարի = гр. *τῆκ-* / *τῆκω* "тесать", хетт. *takke-*; хеттское удвоенное написание указывает на первоначальную глухость/.

г) Звонкие нисходящие: Ծաղ /осет. загал "ноготь", голл. *kegge* "клин", лит. *zaga* "стор"/; աղ /нем. *Zecke* / - начальное оглушение и напряженность в армянском и германском.

д) Глухие нисходящие: ախախա = ион., эол. *ḡxoxa* = хет. *takki* /начальное усиление в армянском/.

4. Типы биконсонантных морфосиллабем можно представить на схеме:

	восходящие			ровные			нисходящие		
глухие	tad	բա	տծ	tat	բբ	տտ	dat	աբ	ծտ
звонкие	dhad	ղա	ժծ	dhadh	ղղ	ժժ	dadh	աղ	ծղ

5. Невозможны морфосиллабемы 'tadh' բղ *τῆδ* dhadhbun *ծղծ*, 'dhat' աբ *ժտ*. Не бывает губных инициалей у нисходящих морфосиллабем, редки губные финали у восходящих морфосиллабем /ср. отсутствие губных напряженно-глухих или абруптивных эмфатических в нахско-дагестанских и семито-хамитских реконструкциях - важное типологическое подтверждение архаичности принятой нами за исходную армянской системы консонантных серий/.

У. ШМАЛЬСТИГ (Пенсильвания, США)

СРАВНЕНИЕ СИНТАКСИСА ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО ЯЗЫКА С ЛИТОВСКИМ Пассивные причастия

Древнеармянское причастие с окончанием *-ēal* первоначально было непереходным. Так, например, выражение **get tēseal ē* (1) вначале означало "река видима". С добавлением агента действия в родительном падеже получалось предложение (2): **get tēseal e nora*. Это второе предложение стало восприниматься

как пассивное, а именно: "Река была видна ему". Позже форма именительного падежа *get* была заменена винительным *zget* и получилось предложение (3) *zget teveal ē nora*, которое переосмыслилось в активную форму "Он увидел реку" (по Бенвенисту).

Эту фразу можно сопоставить с литовским словосочетанием (4) *jo (gen) matyta (fem. nom.sg.) upė (nom. sg.)*
"им увидена река", т.е. "река, увидена им".

Можно привести и правильное литовское предложение:

(5) *Čia jo surasyti keturi sąsiuviniai*
"Здесь им написаны 4 издания"

Знаменитый литовский реформатор языка Ионас Яблонскис предложил истолковать данное предложение как исправление следующего предложения:

(6) *Čia jo surasyta keturis sąsiuvinius*
/нейтр.ед./ /винит./ /вин.мн.ч./

Древнеармянское предложение (2) выявляет те же синтаксические отношения, что и литовские словосочетания (4) и (5), а именно: подлежащее в именительном падеже, страдательное причастие и агент в родительном падеже. /Такую же модель можно обнаружить и в других языках, например, в греческом - *Dios-dotos*

"Данный Зевсом", древнеиндийском *patyah krita sati* "жена, купленная супругом"/.

Как в древнеармянском предложении (3), так и в литовском (6) именительный падеж был вытеснен винительным.

К.Х.ШМИДТ (Бонн, ФРГ)

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОСНОВЫ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО ГЛАГОЛА

I. Проблемы, возникающие при реконструкции индоевропейской глагольной системы, сводятся к двум основам:

а) горизонтальной, т.е. территориально-диалектной, например, индо-ирано-греческо-фригийско-армянской (ИГА) реконструктивной модели (РМ) в противовес к хеттско-анаатолийской реконструктивной модели;

б) вертикальной, т.е. исторической, например, доиндоевропейский как язык с эргативной или активной конструкцией в противовес к индоевропейскому как языку с номинативной конструкцией.

2. Идентификация индоевропейских основ древнеармянского глагола производится тремя этапами: а) сведение исторически засвидетельствованной древнеармянской системы к доармянской реконструктивной модели, как это можно вывести из более древнего ядра ИГА диалектного ареала, б) изучение изменений, которые привели к обновленной древнеармянской системе, в) выявление индоевропейских архаизмов в древнеармянском.

3. Отправной точкой для ответа на основной вопрос об индоевропейских основах древнеармянского глагола является сопоставление и.-е. (т.е. ИГА) глагольных категорий с древнеармянскими, причем особое внимание уделяется личной форме глагола (залог, вид, время, наклонение, число, лицо).

Р.ШМИТТ (Саарланд, ФРГ)

СЛОИ И ТИПЫ ИРАНСКОЙ ОНОМАСТИКИ У ДРЕВНЕАРМЯНСКИХ ИСТОРИКОВ

В армянском языке, начиная с классического периода, в большом количестве засвидетельствованы иранские имена, в особенности антропонимика; по подсчетам Налбандяна они составляют почти четверть всей армянской ономастики. Эти имена, разумеется, представлены в большом собрании Ачаряна "Словарь армянских личных имен", а в плане истории науки их большой объем в значительной степени повлиял на ближайшую цель Хюбшмана - выявить иранское влияние на армянский язык. Однако, несмотря на диссертацию Налбандяна в этой области (Тбилиси, 1971), до сих пор нет систематического исследования армянской антропонимии иранского происхождения с точки зрения и на фоне иранской ономастической науки, в особенности, системы имен соответствующих иранских языков-источников.

Исходным материалом для такого рассмотрения здесь должен стать узкий, но пожалуй, наиболее важный круг соответствующих источников - армянские историки. Среди пунктов, подлежащих

обсуждению, следовало бы выделить, например, следующие:

а) С точки зрения употребления имен среди их носителей следует тщательно выделить, с одной стороны, иранцев, имена которых скорее случайно встречаются в армяноязычных исторических сочинениях, как например, имена аршакидских или сасанидских царей и цариц, принцев и принцесс и, с другой стороны, армяя по рождению, которые лишь носят имена иранского происхождения, после того, как стало модным заимствование таких иностранных имен.

б) Выделение различных слоев ономастики может показать, что заимствованные формы имен в дальнейшем употреблении обычно не меняются. Несомненным свидетельством этого являются типичные признаки звуковых изменений исторического характера или же повторное заимствование одних и тех же имен в разные эпохи. На основе этих данных можно критиковать опыт Налбандяна, классификация которого во многих отношениях непоследовательна и нецелесообразна.

в) Одной из еще никак не выдвинутых задач является типологическое членение засвидетельствованной "ирано-армянской" ономастики на издревле унаследованные категории: двухосновные составные, так называемые "полные имена"; имена, произведенные от "полных имен" путем инверсии или сокращения; различные типы ласкательных форм, образованных посредством специальных ласкательных суффиксов и данных основ; одноосновные имена; и, не в последнюю очередь, также категорию сложений - двойных имен богов, известных только со времен среднеиранских языков. В этом отношении армянская ономастика может успешно использовать огромные достижения в исследовании иранской (в особенности древнеиранской, но также и среднеиранской) ономастики за последние годы.

Э.ШОТЦ (Будапешт, Венгрия)

ТРАНСКРИПЦИЯ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА И ИСТОРИЧНОСТЬ

Формальное применение системы транслитерации Гюбшмана-Мейенбенвениста для передачи собственных имен в текстах (книгах, статьях) по истории разных эпох является антиисторичным и противоречит даже лингвистическим правилам. Следует подчеркнуть,

что в исторической фонологии используется разная транскрипция для разных эпох, особенно, начиная со средних веков, когда вследствие второго передвижения согласных, изменилась вся звуковая система армянского языка.

При передаче имен нужно проводить различие между антропонимами /собственными именами/ и топонимами /географическими названиями/.

Географические названия более консервативны. И все же в них можно проследить два основных класса: 1) в течение долгих веков топонимы по форме существенно не меняются. Если даже местное население исчезает, они остаются в качестве исторической местности, 2) в случае частичного или полного заселения данной местности другой народностью, название либо несколько видоизменяется, либо данному месту дается новое название. Исторический подход требует употребления первоначальной формы в обоих случаях с указанием нового названия в скобках.

Изменения в собственных именах более разнообразны. Основным принципом должно быть цитирование имен в форме, принятой для данного периода, при этом эти периоды не совпадают с лингвистическими периодами. Изменение господства в данной стране или в соседних государствах приводит к появлению мощной волны новых мирских имен. В именах можно выделить следующие пласты: 1) парфянские, греческие имена /классическая эпоха - транскрипция полностью соответствует времени создания алфавита/, 2) христианская эпоха - характеризуется преобладанием библейских имен /в фонетике и орфографии применяются одни и те же принципы/, 3) эпоха арабского владычества характеризуется тем, что в некоторых лингвистических ареалах происходит второе передвижение согласных; как следствие этого могут появиться две орфографии, 4) период, начинающийся с 13-14-го веков, характеризуется господством ближневосточных мусульманских (арабских, турецких и персидских) имен. Следование моде заразило даже армянское население. Ближневосточные имена - большей частью арабского (или турецкого или персидского) происхождения должны транскрибироваться согласно принятому в то время произношению. Это правило необходимо соблюдать, так как история Армении тесно взаимосвязана с чередованием чужеземных владычеств, принимавших власть в стране.

В религиозных кругах во все периоды сохранялись библейские имена; к ним относятся также имена авторов литературных памятников и произведений искусства, т.к. они большей частью получали религиозное образование. Их имена могут писаться или транскрибироваться разными способами: 1) в классической форме, 2) в сокращенной или ласкательной форме, 3) в форме, отражающей восточное или западное произношение, 4) эквивалентами того языка, на котором писался текст.

Главная задача должна заключаться не в строгом соблюдении последовательности, которая часто вводит в заблуждение читателей (даже ученых) при опознавании имен, особенно тех, которые неизвестны арменистике или известны частично.

В основном должен превалировать принцип историчности, но его нельзя применять механически, особенно, в отношении библейских имен и названий произведений искусств, которые имеют органическую связь со всей историей Армении.

Для каждой из однородных эпох и ареалов можно применить одну единую систему: 1) для классического периода - систему Гюбшмана-Мейе-Бенвениста, 2) для киликийского армянского языка, истории Малой Армении и Киликийского царства - систему транскрипции Карста, 3) для переходных периодов и территорий - смешанную систему. Традиционно принятые географические названия и собственные имена должны быть сохранены, при этом не нужно оправдываться за неприменение классической системы транслитерации в случаях, когда она неприменима к соответствующей теме или исторически не оправдана.

М.ВАН ЭСБРОК (Брюссель, Бельгия)

СТРУКТУРА СОДЕРЖАНИЯ МУШСКОГО ТОНАКАНА

(Матенадаран, рук. № 7729)

Невозможно переоценить значение Мушского Тонакана. Это самая большая в мире армянская рукопись. Превосходное описание его исключительного формата, древнего письма, миниатюр, заглавных букв и памятных записей дано Арташесом Матевосяном

в 1969 г. Рукопись была скопирована в 1202 г. у подножия горы Сепух в области Даранаги, а впоследствии бережно хранилась в монастыре Св.Апостолов в г. Муше Таронской области.

К материальной ценности осуществления такого тома исключительных размеров следует добавить также наличие в нем списка памятной записи, датированной 747 г. Если даже она была переписана в XIII в., это не снижает исключительного интереса к ней, т.к. в ней сообщается, что уже в 747 г. сборник имел огромный объем. Его составитель, Соломон Макенац - историческая личность, не раз упомянутая другими авторами. Поэтому нет никаких оснований сомневаться в ценности самой памятной записи.

Однако достаточно просмотреть отрывки, представленные в сборнике, чтобы обнаружить в нем значительное количество более поздних, созданных после VIII в. Итак, к чему же относится определенная дата 747 ? Как выделить отрывки, уже существовавшие в это время? Чтобы ответить на эти вопросы, мы предлагаем здесь два способа.

В Тонакане собраны отдельные фрагменты или целые тексты с определенной последовательности литургического годового цикла. Такая структура имеется в большом количестве списков. Мушский сборник, согласно мнению Б.Саркисяна, описавшего его в 1847 г. содержит около 340 единиц, согласно рукописному каталогу М.Тер-Иовсисяна - 322. Анализ фотокопий позволяет увеличить это число, несмотря на утерю около 60 листов.

Тонаканы со сходной структурой, с которыми можно провести сравнение, следующие: Париж - II0 (II94г.) с 350 отрывками, Ереван - 3782 (XII в.), с 121 отрывком, Ереван - 1525 (XII в.), с 208 отрывками, Париж - II6-II8 (1307 г.), с 336 отрывками, Париж - II5 (XIII - XIV вв.) с 63 отрывками, Ереван - 744I (1322 г.) с 139 отрывками, Ереван - 4709 (1344), с 133 отрывками, Париж - 120 (1350 г.), с 124 отрывками, Ереван - 377I (1353 г.), с 91 отрывком, Ереван - 7443 (1353 г.), с 138 отрывками, Ереван - 995 (XIV в.), с 95 отрывками, Иерусалим - I (1417 г.), с 521 отрывком, Ереван - 379I (1453 г.) с 156 отрывками, Ереван - 993 (1453 г.), с 445 отрывками и Венеция - 202 (1637 г.), с 250 отрывками.

Сравнение списка текстов, заполняющих структуру литургии-

ческого годового цикла во всех этих сборниках, позволяет установить большее единообразие Мусского Тонакана. Количество связанных между собой отрывков, составляющих цикл Соломона Макенота менее разбросано, чем то, которое остается в других антологиях этого сборника, в силу естественного изменения в ходе их употребления.

С другой стороны, сравнение самого литургического цикла позволяет выделить наиболее архаичные части, лучше сохранившиеся в Мусском Тонакане, в особенности, если их по различным характерным общим признакам сравнивать с данными, сохранившимися до сих пор только в грузинской традиции, которые навряд ли могли быть введены после царствования Юстиниана.

Исходя из этих критериев, имеем основание допускать существование сборника значительных размеров, составленного по инициативе Соломона Макеноти, в более или менее завершенном виде, чем Иерусалимская рук. № I или Парижская № II6-II8. По этой же причине можно допустить наличие серии переводов, существовавших уже в VIII веке, в то самое время, когда Соломон Макеноти составлял свой сборник. В какой бы мере постоянные изменения, претерпеваемые рукописями, ни делали сомнительным этот вывод, мы считаем, что он будет интересен для истории армянского языка, т.к. в сборнике сохранилось по крайней мере 250 древних отрывков.

К.Н.ЮЗБАШЯН (Ленинград, СССР)

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА РУШТУНИ В АРМЯНСКОЙ РУКОПИСИ ИЗ СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

Рукопись хранится в Ленинграде под шифром А 29, содержит алфавиты тайнописи, таблицу умножения, опровержение учения диофизитов, медицинские советы, предсказания, сравнительную таблицу кириллицы и армянского алфавита и пр. Тексты, относящиеся к руштуни — на лл. 37а-44а. Рукопись писана шлагиром и нотрагиром, соответственно на белой бумаге /лл. I-36/ и на голубой /лл. 37-67/, так что представляет собой конвольт. На переплете наклейки с грузинскими записями. Палеографически датируется XVIII в.

1. На л.37а - армянский алфавит от ш до ր, далее լ, օ, ֆ и соотношенные с ними буквы руштуни. В тексте несколько слов, писанных и армянской графикой и графикой руштуни, здесь со всей очевидностью проявляется параллелизм обеих графических систем.

2. На л. 37б - названия букв руштуни в армянской транслитерации. Как и в предыдущем случае, последовательность предопределена армянским алфавитным порядком.

3. На л.40а - названия числительных на руштуни в армянской транслитерации, 10 лексических единиц. Далее следует иной ряд числительных, 20 единиц. Этот ряд замазан, но поддается чтению. Затем следует еще один ряд, 10 лексических единиц, помеченных армянскими буквами с цифровыми значениями 20, 30, ... 1000.

4. На л.37б-44а руштуни - армянский словарь, левая колонка помечена ռուշտունի, правая - իշխոյն. Содержит около 220 словарных статей. Слова руштуни - в армянской транслитерации.

5. Некоторые слова руштуни даны в нескольких формах, это отражено и в переводах, так что возможно выделить некоторые грамматические форманты. Твердо определяется негативная частица ըն в прохибитиве, соответствующая арм. ը. Есть возможность выделить притяжательный член I л.ед.ч. ի, употребленный постпозитивно. Выделяются падежные окончания ген.-дат. ի, абл. է, локатива իւ /езде ед.ч./. Сохранился фрагмент глагольной парадигмы բէշօյ - շիւէ, բէշօլէֆ - շիւնցի, բէշօլէֆ - շիւնցի, который позволяет восстановить окончания I л.ед.ч. презенса, I и II л.ед.ч. аориста. Императив в ед.ч. был выражен, по-видимому, чистой основой. В остальных случаях выделить показатели форм глагола весьма затруднительно.

6. При небольшом объеме словаря привлекает внимание разнообразие лексики, в которой большой удельный вес занимают общебытовые слова, относящиеся к орудиям труда, еде, глаголы конкретных физических действий, термины родства, названия плодов и растений. Представлены также культовые термины, абстрактные слова и др. В армянской части словаря соседствуют формы, свойственные грабару и новоармянскому, многочисленные вульгаризмы. Порядок словаря нередко следует словосочетаниям и даже

более значительным структурам связанных текстов. Словарь, возможно, содержит словник цельного текста.

7. Одной из первоочередных задач дальнейшего изучения руштуни является диалектологический анализ армянской части словаря, что, по всей вероятности, позволит ограничить ареал распространения руштуни.

8. Настоящее сообщение выносится на обсуждение в качестве предварительной информации. Участникам обсуждения предоставляется возможность предварительного ознакомления с подготовленным для публикации текстом словаря.

Р.ЯКОБСОН (Кембридж, США)

ДРЕВНЕАРМЯНСКИЙ ВАХАГН В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

Книгу *VRTRA et VRΘAGNA* - совместную работу Э.Бенвениста и Л.Рену (Париж, 1934), открывает мудрый завет первого соавтора: "Мифологический факт является в первую очередь языковым фактом". В силу названного методологического принципа, два этимологически родственных образа - иранский *VRΘAGNA* и индийский *VRTRAHAN* - поддались более точному учету. Однако тот же, но шире примененный языковедческий подход позволил монографии Ж.Дюмезиля, "*VAHAGN*" (*Revue de l'histoire des religions*, CXVII, 1938), внести несколько коррективов, а именно пристальный учет экспансии индоиранского мифа из Ирана в Армению и внимательный разбор девяти стихов о *VAHAGN*-из армянском памятнике пятого века дал возможность восстановить пропуск в иранских текстах, пробел, объяснимый глубоким стилистическим различием между авестийским перечнем репертуара чудодейственных воплощений героя и сохранившимися в индийской и армянской литературе прославлениями одного, основоположного чуда, дошедшими до нас в индийской и в армянской письменности.

Ирано-славянская диффузия мифа, в свою очередь, требует исследования. Мифологические показания древнерусской письменности называют в числе богов *СВАРОГА* и его сына *СВАРОЖИЧА*, отождествленного с солнцем и делящего свой патроним с главным идолом полабского храма в Ретре, согласно описанию очевидца. В пограничных, частью онемеченных округах ляхитских и словен-

ских корней, наблюдатели, по свидетельству чешского историка Яна Пейскера, обнаруживают "многочисленные" примеры возвышенностей с названиями, тающими имена Сварога и Сварожича, в единичных случаях с сохранением начального *v*, но чаще с табуированным *t*: таковы *Swarozyno Siodlo*, *Twarozna gora*, *Twaraschitzberg*.

Наиболее вероятным источником славянского, явно заимствованного имени *SVAROG* надо считать иранское мифологическое имя *VR̥ERAGNA* с его задним открытым гласным между выбрантом и велярным согласным. Если непосредственным образцом для армянского имени *VAHAGN* послужил исторический вариант *VARH - RAGN*, то славянская форма наиболее тесно связана с диалектным среднеиранским обликом *VARAGN*, на который в 1950 году обратил наше внимание ученый иранист П.Тедеско.

Начальный согласный славянской формы — либо новый пример беглого *v*, либо контаминация с ходовым славянским корнем *svar-*, означающим "отповедь, распрю" и созвучным семантически с иранским *VR̥ERA*, "сопротивление", т.е. первой частью составного имени *VR̥ERAGNA*.

В числе десяти перевоплощений авестийского *VR̥ERAGNA* седьмое, выделенное магией числа, занимает особо значимое место в характеристике героя, превращая последнего в наивысшей породы сокола, *VARAGNA*. Бенвенист (стр. 34) справедливо усматривает увлекательную возможность предположить, что в основе формы *VARAGNA* — лежит значение "сокрушитель обороны", и таким образом "подлинное этимологическое родство сблизило бы бога *VR̥ERAGNA* с птицей, раскрывающей его сущность". Однако тот же исследователь предусматривает равно и вероятие обратного хода вещей, т.е. применение этимологии народной, основанной на прославленном сходстве сокола и божества в зоркости, в стремительности полета и в боевом натиске.

Каков бы ни был исторический порядок соотношения между божеством и его седьмым перевоплощением, несомненен факт славянского размежевания обоих аспектов, т.е. божества *VR̥ERAGNA* и его воплощения *VARAGNA*. Самый бог и его порождение развернуты в вертикальную двойцу, а именно семейство — *СВАРОГЪ* и его сын под патронимом *СВАРОЖИЧЪ*, собственным именем *ДАХЪБОГЪ*, а также нарицательным и ласкательным среднего рода *СЪЛНЬЦЕ*,

чему в Ведах соответствует *VRTRANAN* с его новосозданным светилом, а в армянском мифе *VAHAGN* выходит из пламени с огнем волос, огнистой бородой и солнышками вместо глаз. В восточнославянской Повести временных лет *ДАЖЬБОГЪ* сочетается с грамматическим приложением *ХъРСъ*, т.е. с эпитетом "лучезарный", словообразовательным сородичем авестийского *XVAR NAn* "священное озарение", "лучистое благо". *XVARNAN* — увенчивает два воплощения, седьмое, т.е. *XVARNAN* и первое воплощение *VAHA* (слав. *ВѢТРЪ* с активным одушевленным суффиксом).

Горизонтальный параллелизм сближает в древнерусской литературной традиции *ДАЖЬБОГА* с его собратом *СТРИБОГОМ*, по закону импликации требующим в перечнях богов соприсутствия *ДАЖЬБОГА*.

Оба божества сцеплены тождеством второй части своих сложных имен (-бог), а также императивом и реальным значением первой части: "податель благосостояния" — солнце, и "раздатчик" — ветер (ср. ст. чеш. *STRJETI* и др. рус. *stretj*). Недаром потому-ки *СТРИБОГА* зовутся "вѣтри" и формулы, посвященные *ДАЖЬБОГУ* и *СТРИБОГУ*, объединены сомкнутой сетью выразительных параномасий: вѣтри, стрибози стрѣлами; обида дажьбожа убуди. Ветер в Ведах провозглашает "Меня зовут тем, кто рассеивает". Схожие функциональные двойцы обиходны в индоевропейских мифологических системах; ср. вед. *BNAGA-AMṢA*, др. гр. *ANENPOROS* (L.R. Palmer).

Усвоение иранской формы *VARAGNA* обозначавшей воплощение бога *VRṠRAGNA* в высшую разновидность сокола (*Wurdfalke, cinereus*) и распад связи между обоими именами характерны для славянского языкового мира, где название сокола приобрело языковую окраску, существенно отличную от божеского имени. Это название сокола частью сохранило свое орнитологическое значение, частью распространилось и на другие виды соколов или хищных птиц вообще, большей частью же сохранило идею демонического характера иранской мифологической птицы. Образ демонической птицы получил широкое распространение в западнославянских языках и в западной окраине южнославянского языкового круга, как свидетельствуют краеведческие показания двух последних веков. Лабиальный приступ формы *VARAGNA* — сменился предвокальным йотом, или же иранское сочетание начального *a* с долгим *r* дало ход метатезе: *ар < ра*. Оба перехода распространены во всех перечисленных языках, причем формы на *х* — особенно привычны в языках

с переходом конечных звонких мгновенных велярных в соответствующие длительные. Несколько примеров: словинские JAROG, JAROZICA, RA'RON, RA'ROG; польские JAROG, RAROG; силезские JARAŠEK; чешские RA'RACH, RARA'CH, RARAS, RARAŠEK, RADAŠEK (э. чеш., формы с расподоблением внутренних согласных), RARAŠIK, RARA'SCATA, RA'ROZ, RAROHY, RARON, RAROSH; словацкие RA'RON,

Подробные обзоры чешских поименных мифических существ разработали языковеды Jan Korinek (*Listy filologické* LX, 1933) и Vaclav, Machek (*Linguistica slovac* III, 1941).

Machek в своих соображениях о связи форм славянских обозначений сокола вообще и демонической птицы в частности с иранским VARAGNA поставил рассудительный вопрос о зависимости славянского, преимущественно фольклорного слова от иранского источника.

Мифологическое сходство обоих имен не подлежит сомнению. Чешский Рарах, которому краевед А.Найпу посвятил обстоятельный очерк, отличается теми же чертами (*"Rarašek"* *Vestník Rozhledy historické, topografické, statistické, narodopisné, školové po okresním hejtmanství Pobebradském*, 1898, N 2, стр. 20-22).

В своих демонических характеристиках и функциях, вся эта славянская словесная семья проявляет целый ряд ярких сходств с иранскими образцами, особенно с именем, данным в Авесте седьмому (из основных) воплощению бога VARAGNA и другому из его главных воплощений, т.е. первому. Ветер и огонь краеположные стихии, характеризующие Рараха, как свидетельствует Найпу.

"Люди у нас представляют себе "Рарашка" в виде летящего над горизонтом огня. Портной возвращался поздней ночью домой. Внезапно он увидел над собою на небе огонь, будто огненную пулю. Он испугался и пошел быстрее домой. Но огонь непрерывно шел за ним до самой деревни. Устрашенный бедняга прибежал домой и созвал домохозяев посмотреть на огонь. Все еще видели, как тот влетел в соседнюю деревню и там опал. Это был несомненно Рарашек. Следует напомнить, что бурный ветер у нас тоже носил имя Рарашек. В сильном вихре, который поднимает пыль и мусор и уносит все это столбом ввысь, люди усматривают Рарашка и всячески его избегают".

1. АБРААМЯН А.С. Арсен Айтынян – историк армянского языка	3
2. АБРААМЯН С.Г. О некоторых вопросах терминообразования в современном армянском языке	4
3. АВАНЕСЯН Л.Ш. Об иранских заимствованиях в армянском языке	5
4. АВЕТИСЯН Т.М. Общая характеристика армянских фамилий	6
5. АГАБЕКЯН М.А. Ударение в доисторическом периоде армянского языка и связанные с ним звуковые изменения	7
6. АГАЯН Э.Б. Развитие и общественная роль современного армянского языка	9
7. АМБАРЦУМЯН В.Г. Терминология риторики на грабаре в XУШ–XIX веках	II
8. АНЕСЯН А.Н. Звонкие придыхательные <i>и</i> и <i>һ</i> в диалектах и их взаимосвязь с древнеармянским инициальным сонантом <i>у</i>	12
9. АНТОСЯН С.М. Историческое развитие способов выражения пассива в армянском языке	14
10. АРАКЕЛЯН В.Д. К вопросу о классическом периоде (или периоде золотого века) в развитии армянского языка	16
11. АРАМЯН А.М. Некоторые положения по дистрибутивному анализу смычных литературного армянского языка	17
12. АСАТРЯН М.Е. Взаимоотношения фонетических систем восточноармянского литературного языка и Араратского диалекта	18
13. АСМАНГУЛЯН А.А. Некоторые проблемы историко-этимологического изучения терминов родства армянского языка	19
14. БАГИРОВ Г.А. Армянские лексические элементы в азербайджанском языке	20
15. БАДИКЯН Х.Г. Смыслоразличительная роль грамматических категорий во фразеологических единицах современного армянского языка	22

16. БАРСЕГЯН О.Х. Категория времени в современном армянском языке и вопросы наименования временных форм ...	24
17. БОГОЛЮБОВ М.И. Типологические параллели конструкции древнеармянского перфекта переходного глагола	25
18. БОЛОНЬЕЗИ Дж. Вопросы этимологии и фонетики армянского языка	26
19. БОНФАНТЕ Д. Терминология родства в армянском языке..	27
20. БУДАГОВА Э.И. К истории азербайджанско-армянских языковых контактов	28
21. ВИНТЕР В. Система нумерации в армянском языке	30
22. ГАВАСЯН С. О некоторых морфологических особенностях разговорной речи у "первого" (родители) и "второго" (дети) поколений монреальских армян	30
23. ГАМКРЕЛИДЗЕ Т.В. Индоевропейская "глоттальная теория" и система древнеармянского консонантизма	31
24. ГЕРЦЕНБЕРГ Л.Б. К происхождению слова "Армения" ...	34
25. ГИЛДИН Л.А., ГУЛАКЯН А.К. Армянский и фракийский в трудах В.Томашека	35
26. ГОРГАДЗЕ Р.К. Несколько заимствований в грузинском языке из армянского	38
27. ГРЕГШИН Дж.А.К. Происхождение глухих придыхательных согласных древнеармянского языка	39
28. ГРИГОРЯН В.М. О принципах построения описательной грамматики армянского языка	40
29. ГУКАСЯН В.Л. К истории армяно-удинских языковых контактов	41
30. ГУКАСЯН С.В. Сопоставление интонации вопросительной конструкции в восточноармянском и западноармянском языках	42
31. ГЮЛЬБУДАГЯН С.В. Из истории орфографии армянского языка	44
32. ДЖАУКЯН Г.Б. Об этимологических дублетах армянского языка	45

33. ЗАКАРЯН О.Л. Современная языковая ситуация в Ереване и ее социалингвистические исследования 46
34. ЗЕКИЯН Л. Проблема устойчивости армянского языка в "западной" диаспоре армян 47
35. ИВАНОВ Вяч.Вс. К проблеме структуры древнеармянского текста мифологической песни 48
36. ИОВ Д.Н. Семантические изменения в армянском языке 50
37. ИШХАНИЯН Р.А. Новоармянский литературный язык в ХУП веке 51
38. КАЗАРЯН Б.К. Об антецеденте в армянском абзаце ... 52
39. КЛЫЧКОВ Г.С. Анаптикс древнеармянского [ə] и реконструкция индоевропейской ступени редукции 53
40. КОЗИНЦЕВА Н.А. Категория результатива в современном армянском языке 54
41. КОКС К. Употребление причастия будущего времени в армянском переводе пятикнижия 55
42. КОРТЛАНДТ Ф. Протоармянские падежные окончания ... 55
43. КОСЯН Б.А. Роль индоевропейских корней в армянском языке 56
44. КУРКЧЯН А.Н. Сопоставительный анализ составного сказуемого в восточноармянском и западноармянском языках 57
45. ЛАМБЕРТРИ Ш. де, Следы индоевропейского перфекта в классическом армянском 59
46. ЛАФОНТЕН Ж. Армянская версия в 24-й речи Григория Богослова (О святом Киприане). Филологические и лингвистические указания на принадлежность этого перевода к т.н. "грекофильской" школе..... 60
47. ЛЕРУА М. Иранские заимствования в именном словосложении классического армянского языка 61
48. МАВЕ Ф. "Местоименные частицы" в период от индоевропейского до армянского 62

49. МАРТИРОСОВ А.Г. Сопоставительно-типологический анализ некоторых грамматических явлений древнеармянского и древнегрузинского языков	64
50. МАЭ Ж.-П. Функциональные грамматические падежи в современном восточноармянском языке	65
51. МЕЛИКЯН М.А. Порядок слов в армянском языке	67
52. МЕЛКОНЯН Е.К. Армяно-кыпчакские грамматические глоссарии	68
53. МИРЗОЯН Г.К. К вопросу об оценке деятельности Ованеса Олова	69
54. МКРТЧЯН М.А. Аккадские земледельческие термины в армянском	71
55. МУРАВЬЕВ С.Н. Армянский и агванский алфавиты как источники о фонетике древнеармянского и древнеудинского языков	72
56. МУРАДЯН А.Н. Вопросы хронологии грекофильской школы	74
57. МУРАДЯН М.А. Диалектная раздробленность в средний период развития армянского языка	75
58. МУРАДЯН О.Д. Принципы составления диалектологического атласа армянского языка	76
59. ОВСЕЛЯН Л.С. О периодизации истории древнеармянского языка	78
60. ОЛСЕН Б.А. О развитии интервокального <i>w</i> в классическом древнеармянском языке	78
61. ПАРНАСЯН Н.А. Развитие грамматической структуры современного армянского языка	80
62. ПЕРИХАЛЯН А.Г. К этимологии армянского <i>harewan</i> "СОСЕД"	81
63. ПИЗАНИ В. Предыстория и ранняя история армянского народа	82
64. РАССЕЛЛ Дж. О древнеармянской религии	83

65. РУСАКОВ А.Ю. Албанский и армянский: некоторые проблемы	84
66. САГАНЕЛИДЗЕ Н.Г. Корни типа сѵс с начальным сибилянтом в современном литературном армянском языке	86
67. САНДЖЯН А.Г. Заимствования в колофонах армянских рукописей	87
68. САРАДЖЕВА Л.А. Об одной армяно-славяно-тохарской инновации	88
69. САРКИСЯН А.Е. Сопоставительно-типологическое исследование фонологических систем восточноармянского и западноармянского языков	88
70. САУСВЕРД Э.Ф. Предыстория армянского консонантизма сравнительно с германским	89
71. САХОКИЯ М.М. Именная посессивная и глагольно-посессивная (эргативная) конструкция древнеармянского языка в свете проблем синтаксической типологии	91
72. СЕЛЯН Э. Армянская топонимика в болгарских Родопах	93
73. СЛИВНЯК Д.И. Грамматика и логика в айренах	93
74. СТОЯНОВ Ст., ЦВЕТКОВ В., СЕЛЯН Э. Лингвистические проблемы рукописной и машинной стенографии на армянском языке	94
75. СУКИАСЯН А.М. Достижения армянской лексикографии в годы советской власти	95
76. ТАТЕВОСЯН Е.М. Новая естественнонаучная терминология в "Юсисапайле"	97
77. ТЕРИАН А. Армянский средневековый словарь философских терминов и понятий	98
78. ТЕВОСЯН А.М. Учение А.Багратуни о языке	98
79. ТОМСОН Р.У. Текст армянской версии Дионисия Ареопагита	99
80. ТОПОРОВ В.Н. Древнеармянский в свете индоевропейских реконструкций	100

81. ТУХМАХЯН Р.М. Экспериментально-фонетические исследования в Армении 103
82. ТУМАНЯН Э.Г. Некоторые особенности структурной реорганизации индоевропейского архитипа в армянском языке 104
83. УРУТЯН Р.Л. Некоторые структурные особенности глагольных словосочетаний современного армянского языка 105
84. ФЕДЫ Ф. Относительное предложение в древнеармянском языке 106
85. ФИНАЦЦИ Р.Б. Влияние греческого языка на армянский (лексический аспект) 107
86. ХАМОЯН М.О. Структурно-семантическая типология фразеологизмов современного литературного армянского языка 107
87. ХАЧАТРИАН А.А. Природа звонких придыхательных в армянских диалектах 109
88. ХАЧАТРИАН А.Б. Некоторые древние явления чередования гласных в армянских диалектах 110
89. ХАЧАТУРОВА Е.Г. Лингвистические данные о контактах протоармян с индоарийцами Передней Азии во II тыс. до н.э. 112
90. ЧИКОБАВА А.С., САНИКИДЗЕ Л. К вопросу о палеокавказских субстратных отложениях в индоевропейском армянском языке 113
91. ЧУКАСЯН Б.Л. Неопубликованный тюрко-армянский словарь ЕГМИ МУШЕГЯНА (КАРАЕЦИ) 115
92. ШИРКОВ О.С. Общеиндоевропейский и армянский консонантизм 116
93. ШВАЛЬСТИГ У. Сравнение синтаксиса древнеармянского языка с литовским. Пассивные причастия 117
94. ШМИДТ К.Х. Индоевропейские основы древнеармянского глагола 118

95. ШМИТТ Р. Слои и типы иранской ономастики у древне-армянских историков 119
96. ШЮТЦ Э. Транскрипция армянского языка и историчность 120
97. ЭСБЕРС М. ван, Структура содержания мужского тонака-на (Матенадаран, рук. № 7729) 122
98. ЮЗБАШЯН К.Н. Словарь языка руштуни в армянской рукописи из собрания Института востоковедения АН СССР 124
99. ЯКОБСОН Р. Древнеармянский Вахагн в свете сравнительной мифологии 126

Сдано в набор 15.08.1982 г., подписано к печати 15.08.1982 г. ВФ 03174. Формат $84 \times 108^{1/23}$, бумага № 1, офсет. печать. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 7,5. Изд. л. 7,0.
Тираж 300. Заказ. № 654.

Издательство АН Арм. ССР 375019, Ереван,
Барекамутян, 24-г.
Типография Издательства АН Арм. ССР, г. Эчмиадзин

ԳԱՆ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

[-50k]

P¹¹₄₉₃₁₆₅